

Богословие
и наука

Ричард Суинберн

ЕСТЬ ЛИ БОГ?

Richard Swinburne

IS THERE A GOD?

OXFORD UNIVERSITY PRESS

Б О Г О С Л О В И Е И Н А У К А

Ричард Суинберн

Есть ли Бог?

БИБЛЕЙСКО-БОГОСЛОВСКИЙ
ИНСТИТУТ

СВ. АПОСТОЛА АНДРЕЯ

МОСКВА

ББК 86.2

УДК 215

Данный перевод книги Ричарда Суинберна
Is there a God? публикуется с согласия издательства
Oxford University Press.

Суинберн Р.

Есть ли Бог? Пер. с англ. (Серия «Богословие и наука»). –
М., Библейско-богословский институт св. апостола Андрея,
2006. – 120 с.

ISBN 5-89647-153-X

В современной массовой культуре распространено мнение, что бытие Бога нельзя подтвердить или опровергнуть рациональными средствами, а религиозная вера не является делом разума. Между тем в последние десятилетия на самом высоком интеллектуальном уровне среди ученых, философов, богословов и религиоведов возобновились дискуссии о существовании Бога. Философ и православный богослов Ричард Суинберн критически рассматривает современные взгляды на проблему существования Бога и представляет свою позитивную аргументацию в пользу бытия Бога.

Перевод: Юрий Кимелев

Верстка: Оксана Дубакина

Обложка: Антон Бизяев

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме, включая размещение в сети интернет, без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Oxford University Press, 1996

© Издательская группа «Праксис», 2001. 1-е издание

© Библейско-богословский институт

св. апостола Андрея, 2006

ул. Иерусалимская, д. 3, Москва, 109316

standrews@standrews.ru, www.standrews.ru

Благодарности

Я признателен многим людям, которые прочитали первый вариант этой книги и помогли выразить мои идеи более простым языком. Особое спасибо Бэйзилу Митчеллу, Норману Крицману, Тиму Бартону и Питеру Момчилову из издательства Оксфордского университета и моей дочери Кэролайн. Я также очень благодарен Аните Холмс за очень быстрый набор двух версий этой книги, несмотря на ее занятость множеством других дел.

Содержание

Предисловие ко второму русскому изданию	9
Введение	11
Глава 1. БОГ	13
Глава 2. КАКИМ ОБРАЗОМ МЫ ОБЪЯСНЯЕМ ВЕЩИ	27
Два вида объяснения	27
Оправдание объяснения	31
Глава 3. ПРОСТОТА БОГА	41
Последнее объяснение	41
Простота теизма	45
Глава 4. КАКИМ ОБРАЗОМ СУЩЕСТВОВАНИЕ БОГА ОБЪЯСНЯЕТ МИР И ЕГО ПОРЯДОК	49
Вселенная и ее естественные законы	49
Человеческие и животные тела	55
Глава 5. КАКИМ ОБРАЗОМ СУЩЕСТВОВАНИЕ БОГА ОБЪЯСНЯЕТ СУЩЕСТВОВАНИЕ ЛЮДЕЙ	65
Человеческие души	65
Отсутствие научного объяснения	73
Теистическое объяснение	80
Глава 6. ПОЧЕМУ БОГ ДОПУСКАЕТ ЗЛО	85
Моральное зло	87
Природное зло	94
Глава 7. КАКИМ ОБРАЗОМ СУЩЕСТВОВАНИЕ БОГА ОБЪЯСНЯЕТ ЧУДЕСА И РЕЛИГИОЗНЫЙ ОПЫТ	100
Чудеса	100
Откровение	107
Христианское откровение	108
Религиозный опыт	112
Эпилог: ИТАК, ЧТО ЖЕ В РЕЗУЛЬТАТЕ?	119

Предисловие ко второму русскому изданию

Большое удовольствие для меня – православного христианина, говорящего по-русски, – приветствовать переиздание русского перевода этой краткой презентации моего естественного богословия. Естественное богословие занимается выяснением на основе наиболее общих характеристик мироздания доказательств существования Бога как его (мироздания) Творца и Вседержителя. Тот взгляд, что знание о бытии Бога может быть получено с помощью рациональных доводов, всегда разделялся большинством христиан.

Св. Павел придерживался этого взгляда (см. Рим 1:18-20); разделяли его также Ириней и Августин, а также некоторые из авторитетнейших отцов церкви, почитаемые в православной традиции, – Григорий Нисский, Максим Исповедник и Иоанн Дамаскин. Все, что я пытался сделать здесь (а в более разработанном виде – в своей книге *The Existence of God*, second edition, 2004), – это отчетливо выразить эти доводы с помощью современного понимания того, что и для чего является очевидным основанием (т.е. какие данные являются очевидным основанием той или иной крупной теории), а также с помощью позднейшего философского и научного понимания природы физического мира и того, как он функционирует.

Естественное богословие всегда принималось всерьез – как его приверженцами, так и его оппонентами – вплоть до начала XIX столетия, когда мыслители почувствовали сильное скептическое влияние Дэвида Юма и Иммануила Канта. Эти два философа создали принципы, предназначенные для того, чтобы показать, что разум никогда не сможет прийти к оправданным выводам о существовании Бога. Но если наука чему-то нас научила за последние два века, то именно тому, что мы можем достигнуть вполне оправданных умозаключений относительно вещей, находящихся далеко за пределами непосредственного опыта: атомов, глюонов, кварков, Большого Взрыва и расширения физической Вселенной. Принципы Юма и Канта, должно быть, ошибочны. Поэтому нам следует применять те принципы, основываясь на которых, мы узнаем о кварках и Большом Взрыве, дабы продвигаться все дальше – к последнему Истоку всех вещей.

Ричард Суинберн
Февраль 2006 г.

Введение

Последние двадцать-тридцать лет наблюдается возобновление дискуссий среди философов Великобритании и Соединенных Штатов по вопросу бытия Бога, причем ведутся они на очень высоком интеллектуальном уровне. Признано, что предмет дискуссий не только в высшей степени важен, но и представляет собой огромный интеллектуальный интерес. Христианские мыслители играли ведущую роль в этих дискуссиях, и это привело к значительному росту числа студентов-философов, занимающихся философией религии. Однако широкой публике мало что стало известно относительно этих дискуссий. Под воздействием журналистов и других представителей средств массовой информации общественность пришла к выводу о том, что бытие Бога едва ли можно подтвердить рациональными средствами, а религиозная вера вообще не является делом разума.

На позиции общественности в этом вопросе оказали воздействие несколько книг, написанных выдающимися учеными, в том числе книги Ричарда Докинса «Слепой часовщик»¹ и Стивена Хокинга «Краткая история времени»². У меня почти нет возражений против отстаиваемых в них научных теорий, и я могу лишь выразить восхищение глубиной научной интуиции Хокинга и ясностью мысли Докинса. Вместе с тем эти книги содержат предположение, что представленные в них научные теории не указывают на Бога, который каким бы то ни было образом поддерживал бы и направлял мир. Упомянутые авторы в то же время не очень сведущи в философских вопросах и зачастую даже не осознают, насколько их воззрения относительно Бога уязвимы для критики. Цель, которую я преследовал при написании данной книги, заключается в том, чтобы как-то исправить ситуацию, представив на суд широкой публики сокращенный вариант позитивной аргументации в пользу бытия Бога, которую я ранее разработал в своей книге «Существование Бога»³.

Суть моей аргументации такова. Ученые, историки и юристы собирают данные, а затем на их основе выдвигают какую-то теорию, которая наилучшим

---

¹ Dawkins R. *The Blind Watchmaker*, 1986.

² Хокинг С. *От большого взрыва до черных дыр: Краткая история времени*. М.: Мир, 1990.

³ Swinburne R. *The Existence of God*, 1979.

образом объясняет наличие этих данных. Мы можем подвергнуть анализу те критерии, на основании которых они приходят к заключению, что одна определенная теория лучше подтверждается собранными данными, чем какая-либо другая, — т. е. исходя из этих данных, вероятно, имеет больше оснований считаться истинной. Используя эти же критерии, мы обнаруживаем, что утверждение о существовании Бога объясняет *всё*, что мы наблюдаем, а не только какой-то ограниченный набор данных. Оно объясняет тот факт, что вообще есть Вселенная; что в ней действуют научные законы; что она содержит обладающих сознанием животных и человеческие существа с их в высшей степени сложно организованными телами; что у нас есть очень широкие возможности развиваться самим и развивать мир. Оно способно также объяснить и более конкретные данные — такие как свидетельства людей о чудесах и о религиозном опыте. И при том, что указываемые наукой причины и законы отчасти действительно объясняют указанное выше, сами эти причины и законы нуждаются в объяснении, и действие Бога дает такое объяснение. Те самые критерии, которые используются учеными при создании их теорий, заставляют нас выйти за пределы этих теорий и двигаться к Богу-Творцу, который поддерживает все в его существовании.

Глава 1

БОГ

Объектом моего рассмотрения является утверждение о том, что есть Бог, каким его обычно понимали и понимают христианство, иудаизм и ислам. Я называю такое утверждение теизмом.

В данной главе я раскрою содержание этого утверждения. Затем в последующих главах мы можем перейти к рассмотрению оснований считать данное утверждение истинным. Подчеркну, что, когда в данной главе я пишу о том, что Бог свершает нечто или что он таков, я не предполагаю, что есть Бог, но лишь показываю содержание утверждения о том, что «есть Бог». Я не стремлюсь к непосредственной оценке утверждения о том, что есть Бог, где «Бог» понимается в совершенно специфическом смысле, как обозначение существа, совершенно отличного от того, которому поклоняются в западных религиях. В то же время, рассуждая в различных контекстах о том, что теизм дает убедительное объяснение наблюдаемым данным, я буду при случае указывать на то, что другие гипотезы, в том числе и те, что соотносятся с понимаемым в каком-то ином смысле «Богом», объясняют такие данные менее убедительно. Даже в рамках господствующей западной традиции существовали определенные расхождения в представлениях о том, каков Бог. В данной главе я привлеку внимание к некоторым из таких расхождений и укажу на то, что какие-то определенные представления о Боге предпочтительнее других.

Теизм утверждает, что Бог – личностное существо, т. е. является *личностью* в каком-то смысле. Под личностью я понимаю индивида, обладающего определенными базисными способностями намеренного действия, целями и верованиями. Христианство, как и другие религии, утверждает, что в таком смысле Бог есть личность. Вместе с тем христианство, в отличие от других религий, утверждает также, что Бог – это три личности (ипостаси). Отец, Сын и Святой дух составляют одно личностное существо – Святую Троицу. Желая сосредоточиться на рассмотрении указанного общего для всех крупнейших религий утверждения, я не буду обсуждать учение о Троице.

Намеренное, или интенциональное, действие – это действие, которое человек совершает или намеревается совершить, например, в случае, когда он спускается по лестнице или когда говорит что-то, что собирался сказать. *Основное действие* – это действие, которое человек совершает просто так, а не посредством другого намеренного действия. Моя поездка из Оксфорда в Лондон является *не-основным действием*, потому что я совершаю его посредством свершения различных других действий – иду на станцию, сажусь в поезд и т. д. Когда я сжимаю свою руку, двигаю ногой или даже говорю «это», то совершаю основные действия. Я просто совершаю их, причем делаю это не посредством свершения каких-либо других действий. (Конечно, должны произойти определенные события в моем теле – мои нервы должны передать нужные импульсы – для того чтобы я совершил основное действие. Однако это не те события, которые я вызываю к жизни намеренно. Они просто происходят, и я могу даже не знать о них).

Под *базисной способностью* я понимаю способность совершить основное действие. Мы, люди, обладаем сходными базисными способностями. Обычно это сила мысли и способность распоряжаться тем небольшим фрагментом материи, который каждый из нас называет своим телом. Я способен произвести какие-либо действия в мире вне моего тела, совершая что-то намеренное только с помощью моего тела. Я могу открыть дверь, взявшись за ручку и потянув ее на себя. Я могу уведомить вас о чем-то, используя свой рот для того, чтобы сказать что-то. Когда я произвожу какой-нибудь результат намеренно, например, открываю дверь посредством какого-либо другого действия – потянув ее на себя, – то получение указанного результата означает совершение не-основного действия. Когда я еду в Лондон, пишу книгу или даже когда вкручиваю шуруп в стену, то все это суть не-основные действия, которые я совершаю посредством основных действий.

Когда я совершаю какое-либо намеренное действие, то стремлюсь при этом достичь определенной *цели*. Цель обычно выходит за пределы простого совершения самого действия (я открываю дверь, чтобы иметь возможность выйти из комнаты), но иногда целью может быть само совершение действия (когда я пою ради того, чтобы петь).

Верования – это воззрения на мир, на то, каков он. Они большей частью истинны, но бывают и ложными. В тех случаях, когда верования истинны и получили надежное оправдание, они образуют знание. Наше знание о мире вне наших тел формируется цветовыми, звуковыми, обонятельными и т. п. стимулами, воздействующими на нас из мира вне наших тел. Мы получаем информацию о мире именно потому, что частицы света воздействуют на наши глаза, а звуковые волны воздействуют на наши уши. Предположительно Бог похож на нас, поскольку обладает базисными

способностями, верованиями и целями, но при этом весьма отличными от наших. Человек – это мужчина или женщина. Теист, разумеется, утверждает, что Бог ни мужчина, ни женщина. В нашем языке нет, к сожалению, личного местоимения, не указывающего на пол. Я буду поэтому придерживаться традиционного словоупотребления: Бог – «он», но подчеркну, это не означает его принадлежности к мужскому полу.

Базисные способности Бога безграничны: он в состоянии осуществить любое действие, какое пожелает, и он не нуждается для этого в мышцах и костях. Он способен дать существование вещам, включая материальные предметы, и сохранять их существование во времени. Мы можем вообразить, что обладаем базисной способностью не просто передвигать вещи, но и создавать их в одно мгновение – например, создать пишущую ручку или дать жизнь кролику, сохранять их существование, а затем прекратить его. Вообразить такое не значит впасть в противоречие, но в действительности никакой человек не обладает описанной способностью.

Теист утверждает, что Бог обладает способностью творить, сохранять и уничтожать всё. Он в состоянии заставить вещи прийти в движение или сделать что-нибудь другое. Он может заставить их притягивать или отталкивать друг друга, причем так, как они это делают в соответствии с открытиями ученых; может заставить эти вещи воздействовать на другие вещи так, что эти последние будут что-то совершать или претерпевать. Он может заставить планеты двигаться так, как они движутся в соответствии с законами Кеплера; может заставить порох взрываться, если поднести к нему спичку. Или он может заставить планеты двигаться совершенно иными путями, а химические вещества может заставить взрываться или не взрываться при условиях, совершенно отличных от тех, которые управляют их поведением в настоящее время. Бог не ограничен законами природы. Он создает их и может изменить или приостановить их действие, если того пожелает. Если выразиться с помощью специального термина, то можно сказать, что Бог *всемогущ*: он в состоянии совершить все.

Верования людей ограничены, некоторые из них истинны, а некоторые – ложны. Бог *всеведуц* – он знает все. Если что-то истинно, то Бог знает, что оно истинно. Если 1 января 10 млн. лет до н. э. на том месте, где сейчас расположен Нью-Йорк, шел снег, то Бог знает, что там и в указанное время шел снег. Если существует доказательство проблемы Гольдбаха (а математики последние три столетия пытаются найти его), то Бог знает, каково оно. А если доказательства не существует, то Бог знает, что такого доказательства нет. Все верования Бога истинны, и Бог верит во все, что истинно.

На формирование целей у людей оказывают воздействие их желания, присущая им склонность сделать такой выбор, а не другой. Наши желания включают как те, что обусловлены физиологией тела (желания,

обусловленные потребностью в пище, жидкости, сне, сексе), так и те, что отчасти связаны с культурой (желание славы и богатства). Мы свободны (как нам представляется – думаю, представляется правильно) оказывать какое-то сопротивление своим желаниям и совершать то, к чему мы не склонны по природе. Однако все это требует определенных усилий. Люди обладают ограниченной свободой воли. У Бога нет таких ограничений. Он *совершенно свободен*, поскольку желания вообще не оказывают на него причинное воздействие. Он не только может, будучи всемогущим, сделать все, что пожелает сделать, но он совершенно свободен в своем выборе.

Итак, утверждает теизм, Бог – личность, он всемогущ, всеведущ и совершенно свободен. Мы должны быть осторожны в подходе к этим утверждениям. Всемогущее существо может совершить все, что пожелает. Но означает ли это, что всемогущее существо в состоянии сделать так, что Вселенная в одно и то же время существует и не существует; сделать так, что $2 + 2 = 5$; сделать какую-то форму одновременно и квадратной, и круглой или изменить прошлое? Религиозной традицией, как правило, утверждается, что Бог не может делать этого – но не потому, что Бог слаб, а потому, что приведенные слова, к примеру, «сделать какую-то форму одновременно и квадратной, и круглой» не описывают что-либо осмысленное. Нет ничего, что могло бы образовать одновременно и квадрат, и круглую форму. Сказать, что нечто является квадратным, означает в том числе сказать, что это нечто не является круглым. Таким образом, Бог не в состоянии совершить что-то логически невозможное, ибо это означает впасть в противоречие с самим собой. Бог может сделать так, что Вселенная будет существовать, и Бог может сделать так, что Вселенная не будет существовать, но Бог не может сделать так, что Вселенная будет существовать и не будет существовать в одно и то же время. Причина, в силу которой теисты должны утверждать то, что я только что сказал, была впервые отчетливо указана великим христианским философом-теологом Фомой Аквинским в XIII в.

Такие же соображения требуют, по моему мнению, взвешенного подхода и при рассмотрении вопроса о всеведении Бога. Подобно тому, как нельзя требовать от Бога совершить то, что логически невозможно совершить, так нельзя требовать от Бога знания того, что логически невозможно знать. Мне представляется, что логически невозможно знать (исключив возможность ошибки), что тот или иной человек, будучи свободным, сделает завтра. Если я действительно свободен в выборе того, ехать ли мне завтра в Лондон или остаться дома, то в моих силах сделать ложным чье-либо сегодняшнее верование относительно того, что я буду делать завтра,

например, что я поеду в Лондон. Ведь я могу, скажем, остаться дома. Никто (даже Бог) не может знать сегодня (исключив возможность ошибки), что я буду делать завтра по своему выбору. Поэтому я предлагаю понимать всеведение Бога таким образом, что Бог знает в данное время все, что логически возможно знать в это время. Это не включает знание того, что люди свободно совершат, до того, как они это совершили. Поскольку Бог всемогущ, то свободные личности существуют только потому, что Бог допускает существование свободных личностей. В связи с этим указанное ограничение божественного всеведения является следствием (Бог мог его предвидеть) его собственного выбора сотворить свободных агентов.

Я должен, однако, предупредить читателя, что представленное здесь мое утверждение, что Бог не знает того, что будут делать свободные агенты до того, как они сделали это, не является принятым христианским (иудаистским, мусульманским) воззрением. Это утверждение опирается, вместе с тем, на некоторые библейские тексты. Так, к примеру, будет естественным проинтерпретировать Книгу Ионы следующим образом. Когда Бог велел Ионе поведать жителям Ниневии, что она будет разрушена, он верил, что ему придется разрушить ее, но, к счастью, поскольку люди Ниневии покаялись, то Бог уже не видел нужды в реализации пророчества. Предлагая подобное улучшение нашего понимания всеведения, я просто стремлюсь к дальнейшему прояснению того базисного христианского понимания Бога, которого придерживались в прежние времена другие христианские философы, такие как Фома Аквинский.

Все это, разумеется, предполагает, что люди обладают ограниченной свободой воли в том смысле, что никакие причины (будь то их собственное состояние или Бог) не определяют полностью, каким образом они будут осуществлять свой выбор. Но мы зачастую именно так представляем себе свои способности. Даже неодушевленный мир, как это видится в настоящее время ученым, не является полностью детерминистским миром. Что же касается мира мысли и выбора, то он еще менее предсказуем. (Мы вернемся к этому вопросу в главе 5).

Бог – всемогущая, всеведущая и совершенно свободная личность. Теизм утверждает, что Бог *вечен*. Есть два различных способа понимания «вечен». Мы можем понимать «вечность» в том же смысле, что и библейские авторы. «Вечносущий» Бог вечен в том смысле, что он существовал в каждое мгновение прошлого времени, существует сейчас и будет существовать в каждое мгновение будущего времени. Другой способ заключается в том, чтобы понимать «вечный» как «вневременной». Бог вечен в том смысле, что он существует вне времени. Так понимали вечность Бога великие философские теологи с IV по XIV вв. н. э. (Августин, Бозций и Фома Аквинский, к примеру). Строго говоря, при таком подходе Бог не

существует сегодня, вчера или завтра – он просто есть. В некое одно вневременное «мгновение» он «одновременно» обуславливает события 1995 г. н. э. и 587 г. до н. э. В некое одно вневременное мгновение он также одновременно знает, что происходит в 1995 г. н. э. и в 587 г. до н. э.

Я не очень понимаю такой подход, причем в силу целого ряда причин. К примеру, я не вижу смысла в словах, что Бог знает события 1995 г. н. э. и 587 г. до н. э., если это не означает, что он существует в 1995 г. н. э. и знает в 1995 г., что происходит в данное время. Но тогда он не может знать в этом же акте знания события, происходящие в 587 г. до н. э. Ведь 1995 г. н. э. и 587 г. до н. э. – разные годы. Поэтому я предпочитаю понимать «вечный» как вечносущий, а не как вневременной. Бог существует в каждое мгновение бесконечного времени.

Все другие сущностные свойства, которыми теизм наделяет Бога в каждое мгновение времени, следуют из трех свойств всемогущества, всеведения и совершенной свободы. Так, Бог *бестелесен*. Для человека обладать телом означает быть сгустком материи, благодаря чему он присутствует и осуществляет изменения в физическом мире и приобретает истинные верования относительно него. Всемогущий Бог в состоянии присутствовать и осуществлять изменения в мире не будучи зависимым от этого обстоятельства – телесности. У Бога нет тела, ему не нужна материя для того, чтобы воздействовать на мир или узнавать мир. Он движет звездами, как мы движем руками, – это базисное действие.

Из всемогущества следует и то, что Бог *вездесущ*, т. е. присутствует везде. Это значит, что он может воздействовать на вещи повсюду и знать, что происходит повсюду. Для этого ему не нужны руки, органы чувств или действие световых лучей. Но несмотря на то, что он присутствует везде, он не имеет пространственного протяжения. Он не занимает какого-либо пространственного объема, поскольку у него нет тела. У него нет поэтому и каких-либо пространственных частей: он весь присутствует всюду в том же смысле, в каком он присутствует в каком-то месте. Дело не обстоит так, что часть его в Англии, а другая часть – в Соединенных Штатах.

Как всемогущий, Бог мог воспрепятствовать существованию Вселенной, если бы таким был его выбор. Она существует только потому, что он допускает ее существование. Он либо выступает как причина существования Вселенной, либо заставляет или допускает, чтобы какой-то другой агент выступал в качестве причины существования Вселенной. В этом смысле Бог есть *Творец Вселенной*. Если использовать эту же аргументацию, можно сказать, что Бог несет ответственность за продолжение ее существования, он есть хранитель Вселенной. Он несет ответственность за существование Вселенной (и всякого объекта в ней) столь долго, сколько она существует. Это может быть ограниченное время – ведь Вселенная, возможно, начала

существовать определенное количество лет тому назад. В соответствии с сегодняшними данными науки Вселенная начала существовать вместе с «Большим Взрывом» приблизительно 15 млрд. лет тому назад. Возможно, Вселенная существовала всегда. Теист не обязан придерживаться какой-либо из этих позиций. Теист утверждает, что даже если Вселенная существовала всегда, своим существованием в каждое мгновение она обязана хранящему действию Бога.

Бог несет ответственность не только за существование всех объектов, но и за то, чтобы они обладали теми способностями и возможностями, которыми они обладают. Одушевленные вещи обладают определенными способностями, например, двигаться определенным образом, притягивать или отталкивать друг друга. Это не «базисные способности» в том значении, о котором я говорил выше. Базисная способность – это способность совершать что-то намеренно, исходя из выбора. Способности неодушевленных вещей – это способности вызывать следствия, но не посредством выбора или для достижения какой-либо цели. Вообще неодушевленные вещи должны действовать так, как они действуют, должны реализовывать свои способности при определенных обстоятельствах – порох должен взрываться, если его поджигают при нужной температуре и давлении. Вот что я имею в виду, когда говорю, что у пороха есть возможность реализовать свои способности при определенных обстоятельствах. (Совсем в незначительной степени мир является не полностью детерминистским. Например, атомы и малые частицы обладают только вероятностной возможностью, предрасположенностью действовать так, а не иначе. Возможность реализовать свои способности предстает у них лишь как предрасположенность. Однако такая неопределенность их поведения не есть дело выбора, и потому их действия не являются намеренными).

Бог, утверждает теизм, наделяет неодушевленные вещи теми способностями и предрасположенностями, которыми они обладают, причем в каждое мгновение. Бог постоянно наделяет порох способностью взрываться, а также возможностью реализовать эту предрасположенность, если порох поджигают при нужной температуре и давлении. Сходным образом, утверждает теизм, Бог наделяет растения и животные, а также человеческие тела (в той мере, в какой они действуют ненамеренно, например, когда кровь прокачивается по нашим артериям и венам) теми способностями и предрасположенностями, которыми они обладают. И Бог также несет ответственность за существование людей. Он мог сделать так, чтобы мы действовали в соответствии с физической необходимостью. Но с учетом того, что у нас есть ограниченная свободная воля, Бог не обуславливает формирование тех целей, которые мы формируем. Это наше дело. Но Бог каждое мгновение хранит в нас наши базисные способности действовать

и тем самым гарантирует, что формируемые нами цели значимы для мира. Бог позволяет нам выбирать между целью сделать движение рукой и целью не делать движения рукой. И Бог гарантирует, что (обычно) если мы формируем такую цель, она реализуется: если мы пытаемся двинуть рукой – она движется.

Когда Бог действует, чтобы добиться какого-то результата посредством сохранения существования каких-то объектов, а также сохранения их способностей и предрасположенностей действовать, он достигает этого результата не-базисным способом. Когда Бог заставляет порох взрываться благодаря тому, что сохраняет способность пороха взрываться, а также сохраняет возможность реализовать данную способность при поджигании, то вызывает взрыв не-базисным способом – подобно тому, как я заставляю дверь открыться, потянув ее на себя. Обычно Бог таким не-базисным образом вызывает стандартные исторические события – заставляя одни события вызывать другие. Однако он мог бы вызвать любое событие посредством базисного действия. Лишь иногда, по утверждению теиста, он достигает нужных результатов базисным образом. Временами Бог вмешивается в ход природного мира, чтобы напрямую достичь результата, который не будет получен посредством нормальных процессов, например, для излечения кого-либо от рака. (О таких божественных действиях я скажу подробнее в главе 7).

Бог *совершенно благ*. Его совершенная благость следует из его совершенной свободы и всеведения. Совершенно свободная личность неизбежно будет совершать то, что считает лучшим действием, и никогда не будет совершать то, что считает худшим действием. В любой ситуации выбор цели и попытка достичь ее предполагают, что данная цель рассматривается как определенное благо. Для того чтобы стремиться поехать в Лондон, я должен рассматривать свое пребывание в Лондоне как определенное благо – или потому, что пребывание там доставляет мне удовольствие, или потому, что это позволит избежать какого-то неприятного события, или потому, что я обязан быть в Лондоне. Рассмотрение какого-то момента моего пребывания в Лондоне как блага означает, что у меня есть причина ехать в Лондон. Если бы у меня вообще не было причины ехать в Лондон, то моя поездка туда не была бы намеренным действием (не была бы чем-то, что я намеревался предпринять). Намеренные действия личности должны быть поэтому хотя бы частично рациональными, и личность должна хотя бы отчасти руководствоваться рациональными соображениями. Но мы, люди, как отмечалось выше, не являемся полностью рациональными существами, поскольку подвержены желаниям. (Называя желания нерациональными, я *не* хочу сказать, что с ними что-то не так и что мы не должны им поддаваться. Я имею в виду лишь то, что они представляют собой склонности,

которые мы обнаруживаем в себе. Эти склонности не находятся полностью под контролем соображений разума). Свободная от желаний личность, которая сформировала свои цели исключительно на основе рациональных соображений, неизбежно совершает действие, которое считает лучшим, или (если нет, как считает личность, самого лучшего действия, а только ряд равно лучших действий) одно из равно лучших действий.

И если есть моральные истины – истины относительно того, что хорошо или плохо в моральном плане, – то всеведущая личность будет знать их. Если, к примеру, кто-то лжет (это всегда морально плохо), то Бог знает это. В то же время, если лгать плохо только в определенных обстоятельствах, то Бог знает и это. Несмотря на сомнения закоренелых скептиков, практически все мы почти всегда знаем, что есть морально благие (а среди них и морально обязательные) и морально плохие (а среди них и морально вредные) действия. Морально благим делом является давать деньги (по крайней мере какие-то иногда) умирающим от голода людям. И морально обязательным делом является кормить наших детей, если они умирают от голода. Морально предосудительно и вредно мучить детей для развлечения. Кто может всерьез отрицать это? Моральное благо – это всеобъемлющее благо. Сказать, что морально благим делом является накормить умирающих от голода, не значит сказать, что это благое дело во всех отношениях. Отдав деньги умирающим от голода людям, мы можем лишиться себя каких-то удовольствий в будущем, и поэтому даяние не является благим во всех отношениях. Но все же это деяние есть благо в более важном отношении, поскольку спасает человеческие жизни и тем самым предоставляет людям шанс на будущее благополучие. Таким образом, в целом – это благое деяние, по крайней мере, так утверждает тот, кто утверждает, что речь идет о морально благом деянии. Бог, будучи всеведущим, обладает истинными верованиями о морально благом, и, как совершенно свободный, он будет совершать то, что считает (в целом) наилучшим. Он всегда совершает в целом наилучшее и никогда то, что в целом плохо. Поэтому Бог совершенно благ.

Некоторые моральные истины являются очевидными моральными истинами независимо от того, есть Бог или нет: определенно плохо мучить детей независимо от того, есть Бог или нет. С другой стороны, если теизм истинен, то мы обязаны своим существованием в каждое мгновение хранящему действию Бога. И он дает нам этот чудесный мир для наслаждения. (Конечно, не все аспекты этого мира чудесны, и мы рассмотрим его негативные аспекты в главе 6).

Бог – щедрый благодетель. Одна из основных человеческих обязанностей – доставлять (в определенных пределах) удовольствие нашим главным благодетелям. Это означает доставлять им какие-то небольшие

удовольствия в обмен на те великие блага, которые они дали нам. Если теизм истинен, то, несомненно, самый великий наш благодетель – Бог, поскольку все другие благодетели в самой возможности благодетельствовать нам зависят от хранящей силы Божьей. Мы многое должны Богу. Поэтому (в определенных пределах) если Бог велит нам сделать что-то, то наш долг – сделать это. Подобно тому, как будучи детьми, мы должны делать то, что велят нам наши родители (в известных пределах), а также подобно тому, как мы должны подчиняться воле государства (в более широких пределах), точно так же мы должны делать то, что велит нам Бог. Например, мы не обязаны были бы отправлять богослужения именно по воскресеньям, если бы Бог не повелел нам поступать так. Но если Бог велит поклоняться ему именно в воскресенье, то это становится нашим долгом. (А если его повеление относилось бы, напротив, к субботам или пятницам, то тогда наш долг поклоняться ему в эти дни). И если Бог велит нам сделать то, что мы должны сделать в силу нашего долга, а также и в силу других причин (например, позаботиться о том, чтобы наши дети были сыты и получили образование), то тем более мы обязаны сделать это. Бог, таким образом, есть источник моральных обязательств – ведь именно его заповеди созидают моральные обязательства. Однако Бог не может сделать нашим долгом то, что не может быть нашим долгом: он не может заставить быть благом мучить детей ради удовольствия. Из его совершенной благости следует, что он не повелит нам поступать так – ведь несправедно велеть делать несправедное.

Некоторых современных читателей может удивить то обстоятельство, что теист допускает существование определенных моральных истин, являющихся моральными истинами совершенно независимо от воли Бога. Речь идет, однако, о проблеме, которая расколола христианскую философскую традицию. Я стал на сторону двух ее величайших представителей – св. Фомы Аквинского и шотландского философа XIV в. Дунса Скота, поскольку считаю, что есть моральные истины, независимые от воли Бога. Бог может лишь принудить нас к ним, но не изменить их. Но если есть моральные истины, такие как «плохо – мучить детей ради удовольствия», которые правомерны независимо от Божьей воли, то они будут подобны утверждению «никакая форма не может быть круглой и квадратной в одно и то же время». Такие истины должны быть правомерными, каким бы ни был мир, поскольку в конечном счете нет смысла считать их неправомерными.

Благие действия бывают двух видов. Это обязательства (т. е. долг) и благие действия за пределами обязательств – их называют благими действиями, превышающими требования долга (сверхдолжными). Мы заслуживаем осуждения, если не исполняем свои обязательства, но обычно не удостоиваемся похвалы, если выполняем их. И наоборот, мы не подверга-

емя осуждению, если оказываемся не в состоянии осуществить какое-то благое действие, превышающее требование долга, но заслуживаем похвалу, если совершаем его. Не всегда очевидно, где проходит разделительная черта. Но ясно, что такая черта есть. Если я беру в долг деньги, то у меня есть обязательство вернуть их. Если я не возвращаю взятые в долг деньги, я заслуживаю осуждения. Однако обычно я не достаиваюсь похвалы за возврат денег. И наоборот, у меня нет обязательства броситься на готовую взорваться гранату для того, чтобы спасти стоящего рядом друга. Но если я совершил такое действие, то заслуживаю высшей похвалы.

Обязательства большей частью проистекают из тех выгод, которые я принимаю добровольно, или из тех начинаний, которые я предпринимаю добровольно. У меня нет обязательства вступить в брак и иметь детей. Однако если у меня есть дети, у меня есть и обязательство кормить их и дать им образование. Все это наталкивает на мысль, что Бог перед тем, как он сотворит какие-то иные личности, не имеет каких-либо обязательств. Однако сотворение многих других личностей, включая людей, является благим делом, превышающим требование долга. И если он их сотворит, то возьмет на себя определенные обязательства по отношению к ним. Можно спорить по поводу того, в чем они заключаются, но в христианской традиции принято считать, к примеру, что если Бог дает нам какие-то обещания, то обязан сдержать их.

Невыполнение своих обязательств – это всегда в целом плохое действие, но обязательства по своему характеру ограничены. Бог легко может (а в силу его совершенной благости ему это легко сделать) выполнить все свои обязательства. Но нет пределов возможным сверхдолжным благим действиям для личности – за исключением тех, что налагаются возможностями этой личности. Мы, люди, обладаем ограниченными возможностями и в состоянии совершить лишь несколько ограниченных благих действий, превышающих требования долга. Я могу отдать свои сбережения какой-то благотворительной организации, но тогда я буду не в состоянии отдать что-либо другой благотворительной организации. Если я посвящаю свою жизнь заботе о какой-то группе детей в Англии, то не смогу позаботиться о другой группе детей из какой-нибудь далекой страны.

Возможности же Бога неограниченны. Однако даже Бог, как мы видели, не в состоянии совершать то, что логически невозможно. А логически невозможно совершить всякое возможное благое действие, превышающее требования долга. Это благо, что Бог творит личности, включая людей. Но сколь бы многих он ни сотворил, было бы еще лучше, если бы он сотворил больше (вероятно, хорошо разместив их в бесконечно большой Вселенной). Если учесть, что человеческая жизнь – это в общем благо, то чем больше человеческих жизней, тем лучше. Бог не может сотворить лучший из всех возмож-

ных миров, поскольку такого мира быть не может – ведь всякий мир можно улучшить, больше наполнив его личностями, а также, несомненно, и многими другими способами. Итак, в чем же выражается совершенная благодать Бога? Она не в том, чтобы совершать все возможные благие действия – это логически невозможно. Предположительно, она заключается в том, что он выполняет свои обязательства, не совершает плохих действий и совершает очень много благих действий.

Таким образом совершенная благодать Бога налагает очень незначительные ограничения на то, какие действия он совершит. Ограничение, связанное с тем, что он не должен совершать какие-либо плохие действия и тем самым должен выполнять все свои обязательства, может в известной мере сужать возможности его действий по отношению к его созданиям, пока он сохраняет их бытие. Но это, как я полагаю, не налагает на него обязательство вечно сохранять их бытие (хотя в некоторых случаях было бы хорошо, если бы он поступил таким образом), не говоря уже вообще об обязательстве сотворить их. Но для Бога открыта возможность бесконечного числа благих дел: он мог бы сотворить бесконечно много универсумов и совершить при этом с ними бесконечно многое. И все это было бы выражением его творческой избыточной любви. Однако, несмотря на то, что он мог бы сотворить бесконечно много различных универсумов, есть, вероятно, лишь очень небольшое число *видов* универсумов, которые он мог бы сотворить. Он мог сотворить универсумы, содержащие какие-то личности с ограниченными возможностями, – людей, к примеру, а мог бы сотворить универсумы без таких личностей. И очевидная благодать по меньшей мере одного из универсумов первого вида делает очень вероятным сотворение такого универсума. И нет предела возможному числу личностей, которые этот универсум мог бы содержать, а также нет ограничений в отношении того, какими они будут. Бог должен выбирать, какие из бесконечно многих благих дел совершить, ведь для совершения каждого из них у него есть основания. Таким образом, подобно нам в ситуациях, когда у нас есть выбор между действиями, для совершения которых имеются равные основания. Бог должен предпринять «подбрасывание монетки». Он должен решить, на каком основании действовать в ситуациях, когда действие не детерминируется ни его природой, ни чем-либо еще. Мы способны понять осуществление такого недетерминированного рационального выбора, поскольку мы сами иногда находимся в такой же ситуации.

Итак, Бог вечен, всемогущ, всеведущ и совершенно свободен. Из этого следует, что он вечен, бестелесен, вездесущ, творец и хранитель Вселенной, совершенно благ и является источником моральных обязательств. Но теизм

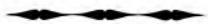
не просто утверждает, что Бог обладает этими свойствами вечности, всемогущества, всеведения и совершенной свободы. Теизм утверждает, что Бог необходимо обладает этими свойствами – это сущностные свойства Бога. Позвольте объяснить, что это значит. Всякий объект обладает определенными сущностными свойствами и некоторыми акцидентальными (т. е. не-сущностными) свойствами. Сущностные свойства объекта – это такие свойства, которые объект не может утратить, не перестав при этом существовать. Одно из сущностных свойств моего письменного стола, например, заключается в том, что он занимает какое-то пространство. Он не мог бы перестать занимать какое-то пространство (лишиться своей массы) и при этом продолжать существовать. В отличие от этого, одно из акцидентальных свойств стола состоит в том, что он коричневого цвета. Он мог бы продолжить существовать, если бы я покрасил его в красный цвет и он перестал быть коричневым.

Личности – это по существу объекты, обладающие потенциалом интенциональных способностей, целей и верований. Я могу оказаться временно парализованным и без сознания, а потому оказаться временно утратившим способность думать или шевелиться. Но если я утрачиваю потенциал обладания этими способностями (если я их утрачиваю в такой мере, что никакая медицинская или иная помощь не сможет их восстановить), то в таком случае я перестаю существовать. С другой стороны, мои способности могут возрастать или уменьшаться, а мои верования – меняться (я могу забыть вещи, которые когда-то знал, и приобрести знания в новых областях), но одно и то же мое «я» будет продолжать существовать при всех указанных изменениях.

Теизм утверждает, что такое личностное существо, как Бог, в отличие от человека, не может утрачивать какие-либо из своих способностей и знаний или оказаться подверженным влиянию со стороны желаний. Если бы Бог утратил какие-либо из своих способностей, он перестал бы существовать – точно так же, как перестал бы существовать мой письменный стол, если бы перестал занимать какое-то пространство. А так как вечность (т. е. вечная длительность) также является сущностным свойством Бога, то никакой индивид, который приобрел существование или мог бы прекратить существовать, не есть Бог.

Если, как считает теизм, есть Бог, который сущностным образом вечно всемогущ, всеведущ и совершенно свободен, то Бог – это последнее фактическое основание, которое объясняет все прочее. Бог ответственен за существование всего, чем он не является, и за бытие его таким, каково оно есть, со всеми способностями и предрасположенностями всякого сущего. При его непрерывном действии в каждое мгновение времени собственное существование Бога – единственное существование, которое не

может быть объяснено действием Бога. У этого нет объяснения. В этом смысле Бог – необходимое бытие, существующее в силу самого себя, независимо от чего-либо.

Таков Бог, существование которого утверждают теисты (христиане, иудеи и мусульмане в числе прочих). Почему нам следует верить им? Для ответа на данный вопрос мы должны рассмотреть те критерии, которыми пользуются ученые и другие люди при разработке своих теорий для объяснения причин того, что они наблюдают.

Глава 2

КАКИМ ОБРАЗОМ МЫ ОБЪЯСНЯЕМ ВЕЩИ

ДВА ВИДА ОБЪЯСНЕНИЯ

Мир состоит из объектов, или – если выразаться более специальным языком, как это делают философы, – из субстанций. Письменные столы и деревья, звезды и галактики, атомы и электроны, животные и люди – все это *субстанции*. (Я должен предупредить читателя, что употребляю слово «субстанция» не как обозначение определенного рода вещей, такого как, например, масло или сера, а как обозначение отдельных вещей. Именно этот стол или то дерево являются субстанциями). Субстанции обладают свойствами, например, они являются квадратными или имеют вполне конкретную массу или электрический заряд. У них есть отношения с другими субстанциями: определенная субстанция находится на расстоянии 10 футов от какой-то другой субстанции или находится слева от нее, существует дольше, чем эта другая субстанция или представляется ей желтой. Субстанция, обладающая каким-то свойством (этот письменный стол обладает массой в 10 кг) или каким-то отношением (данный письменный стол стоит на полу); изменяющая свои свойства (этот кусок шпаклевки из квадратного становится круглым) или свои отношения (я отдаляюсь от вас); начинающая свое существование или прекращающая свое существование – эта субстанция есть *событие* (или явление). События обуславливаются субстанциями. Динамит вызвал взрыв, один бильярдный шар заставил другой шар двигаться в сторону, а стрелок нажал на спусковой крючок. Зачастую требуется сочетание многих субстанций для того, чтобы обусловить какое-нибудь событие. Несколько художников могут соединить свои усилия для того, чтобы украсить какой-либо дом, а Солнце и Земля могут оказывать совместное воздействие на Луну, чтобы обусловить ее движение в определенном направлении.

Люди всегда искали истинное объяснение всех известных им событий (всех явлений), стремились обнаружить причины событий, а также осно-

вания, в силу которых эти причины вызвали те следствия, которые они вызвали. При этом мы преследовали практические цели: если мы знаем, что вызывает взрывы или рост растений, то мы сами в состоянии осуществить эти вещи. Однако люди преследовали и глубинные непрактические цели при поиске причин вещей, а также при поиске оснований, в силу которых эти причины привели к тем следствиям, к которым они привели. Речь при этом идет о причинах как отдельных вещей (что заставило президента или премьер-министра сказать то, что он сказал), так и весьма общих явлений (что заставляет листья быть зелеными, а животных существовать; а также – каким образом эти причины вызывают указанные следствия).

Мы видим два различных вида объяснений событий, два различных способа, которыми объекты обуславливают события. Есть неодушевленное обуславливание, и есть интенциональное обуславливание. Когда динамит взрывается, то происходит это потому, что среди его свойств есть способность взорваться, а также есть предрасположенность привести в действие эту способность при определенных условиях: когда его зажигают при определенной температуре и под определенным давлением. При данных условиях должен произойти взрыв, и здесь нет выбора, и нет никакой целенаправленности в этом действии. Но динамит мог возгореться потому, что, скажем, террорист поджег его. Террорист осуществил зажигание, потому что обладал способностью сделать это, обладал верованием относительно того, что, поступая так, он вызовет взрыв, а также обладал намерением вызвать взрыв. Он сделал выбор в пользу того, чтобы осуществить зажигание, но ведь мог поступить и иным образом.

Здесь перед нами два вида объяснений. Первый вид объяснений, осуществляемых в терминах способностей и предрасположенностей, – это *неодушевленное* объяснение. Второй вид объяснений, осуществляемых в терминах способностей, верований и намерений, – это *интенциональное* объяснение, или, как я его буду называть в дальнейшем, *личностное* объяснение. Различные явления объясняются различными способами: некоторые события вызываются намеренно людьми (а также животными, способными действовать целенаправленно), а некоторые – действием неодушевленных вещей.

Личностная модель объяснения, подобно неодушевленной модели, является неизбежной при нашем размышлении о мире. Некоторые мыслители утверждали, что личности и их целеполагание не оказывают какого-либо реального воздействия на то, что происходит. События в мозгу, или мозговые события, обуславливают и обуславливаются другими событиями в нервной системе и вызывают телесные движения, а личности и их целеполагание при этом не имеют значения. Однако, если быть последовательным, мыслить таким образом невозможно. Формирование цели (в том

смысле, который я описал) сделать движение рукой или сделать что-либо другое влечет за собой попытку сделать движение рукой. И мы отлично знаем, что если прекратим формировать цели и прекратим попытки осуществить их, то ничего не будет происходить. Мы прекратим есть, говорить, писать и ходить так, как мы это делаем. Для происходящего имеет перво-степенное значение то, что мы стремимся осуществить.

Ученые совершенствуют наши обычные повседневные объяснения событий. Физика и химия дают неодушевленные объяснения, а история, психология, социология и работа детектива предлагают личностные объяснения. Мы обнаруживаем, что неодушевленные объекты сходных видов обладают сходными способностями, а также сходными предрасположенностями реализовывать эти способности в различных условиях.

Дело не просто в том, что какой-то конкретный кусок меди при нагревании расширяется, а в том, что медь как таковая при нагревании расширяется. Обобщения, касающиеся приведения вещами своих способностей в действие, называются законами природы, или естественными законами, или научными законами. Психологи и социологи до сих пор не достигли сопоставимых успехов в обнаружении обобщений относительно целенаправленного поведения людей. Несомненно, однако, что можно прийти к некоторым обобщениям относительно того, какие люди обладают теми или иными возможностями и верованиями в тех или иных условиях, а также к обобщениям по поводу того, какие цели они могут (хотя в этом плане нельзя быть полностью уверенным) поставить перед собой.

Если бы всякий объект в мире обладал способностями и предрасположенностями в определенных условиях приводить их в действие, отличающимися от всякого другого объекта, то мир представлял бы собой чрезвычайно сложное и непредсказуемое образование. Однако, к счастью, фактом является то – и в дальнейшем я буду многократно подчеркивать это, – что объекты распадаются на виды, все члены которых ведут себя одинаковым образом. Любые количества воды замерзают при одной и той же температуре, т. е. они обладают способностью замерзать, а также предрасположенностью приводить в действие эту способность, когда температура опускается до 0°C . Все электроны (частицы с отрицательным зарядом) отталкивают все другие электроны с одинаковой силой при любых условиях. И т.п. и т.д. Создается впечатление, что какими бы ни были материальные объекты, они подчиняются одним и тем же весьма общим законам поведения. К примеру, все объекты притягивают друг друга с силой, которую с весьма высокой степенью точности Ньютон установил в своем законе притяжения.

Ученые стремятся установить наиболее общие законы природы, из которых следуют все другие, менее общие законы, применяемые через

процедуру аппроксимации к определенным видам объектов (воде или электронам). При обсуждении законов природы ученые на деле обсуждают способности и предрасположенности действовать бесчисленных конкретных субстанций – или всех конкретных объектов, или объектов определенных видов.

В силу такого единообразия в поведении вещей мы можем выразить свое объяснение какого-то конкретного события в терминах начальных условий, которые побудили действовать субстанцию, служащую причиной, а также посредством закона природы, указывающего на то, какими способностями и предрасположенностями обладают субстанции данного вида. Мы можем сказать, что медь расширилась потому, что медь нагревали, и что законом природы является то, что медь как таковая при нагревании расширяется. Важно при этом помнить, что законы природы не являются субстанциями. Они суть выводы людей относительно способностей и предрасположенностей субстанций. Это способности и предрасположенности конкретного куска меди, которые заставляют его расширяться при нагревании. Поскольку мне еще потребуется вернуться к этому вопросу, то для изложения основного материала оставшейся части данной главы будет удобным охарактеризовать неодушевленное объяснение как совокупность *начальных условий и закона природы, обуславливающих событие*.

Объяснения в физических науках, разумеется, обычно носят гораздо более сложный характер, чем чрезвычайно упрощенный пример, приведенный выше. В типичных случаях они включают ряд начальных условий и ряд различных законов. Объяснение местонахождения Юпитера в данный момент может включать: положение Юпитера и Солнца в прошлом году, положение других планет, а также несколько законов, таких как три ньютоновских закона движения и его закон притяжения. Сам же процесс объяснения указанного явления на основе указанных данных может быть весьма пространным. Объяснение будет истинным, если предполагаемые начальные условия действительно имели место, используемые законы являются действительно истинными, а вместе они заставляют нас ожидать Юпитер там, где он и находится.

Законы природы могут быть всеобщими (например, «все частицы света движутся со скоростью 300 000 км/сек») или статистическими («все атомы радия имеют вероятность полураспада 1620 лет»).

Факторы, участвующие в объяснении, зачастую сами могут получать объяснение. Положение Юпитера в прошлом году может быть объяснено в терминах его положения годом раньше. А действие ньютоновских законов движения может получить объяснение посредством более общих законов, например, посредством законов Эйнштейна. (Это означает, что способности и предрасположенности к действию той или иной субстанции, какими их описывают законы Ньютона, выводятся из тех способностей и предраспо-

ложенностей этой субстанции, какими их описывают законы Эйнштейна). В типичных случаях законы нижнего уровня, относящиеся к легко наблюдаемым объектам (например, объемы какого-либо газа в экспериментальной камере) в какой-то ограниченной области (например, возле поверхности земли), получают объяснение посредством законов более высокого уровня, которые относятся к поведению вещей не столь легко наблюдаемым и в более широкой области (молекулам или атомам газов). Сходным образом, если вновь обратиться к личностному объяснению, то некоторые цели и верования могут быть объяснены другими целями и верованиями. У меня сформировалась цель пойти к буфету, поскольку у меня есть цель взять пищу, а я верю в то, что пища находится в буфете.

ОПРАВДАНИЕ ОБЪЯСНЕНИЯ

Итак, мы обсудили составные компоненты объяснений двух видов: 1) неодоушевленные субстанции с их возможностями и предрасположенностями, а также события, которые приводят их в движение; 2) личности с их возможностями, целями и верованиями. Это причины событий, а также основания, по которым причины вызывают те следствия, которые они вызывают.

Но что позволяет нам утверждать, что определенное нечто является причиной данного события, а основание того, что данная причина вызвала данное следствие, является таким-то? Прежде всего ответим на этот вопрос применительно к неодоушевленному объяснению. Будем при этом какое-то время рассуждать в терминах законов природы и начальных условий. Почему мы, к примеру, полагаем, что законы движения Ньютона, а также предыдущее положение Солнца, Луны и других небесных тел объясняет нынешнее положение Юпитера?

Утверждение о том, что тот или иной закон действительно является законом природы, обосновано (т. е. утверждение вероятно истинно, или является вероятным) в той мере, в какой этот закон:

1) побуждает нас ожидать (с высокой степенью вероятности) многие и разнообразные события, которые мы наблюдаем (и не наблюдаем те события, которые оно побуждает не ожидать);

2) является простым;

3) хорошо согласуется с имеющимся у нас знанием;

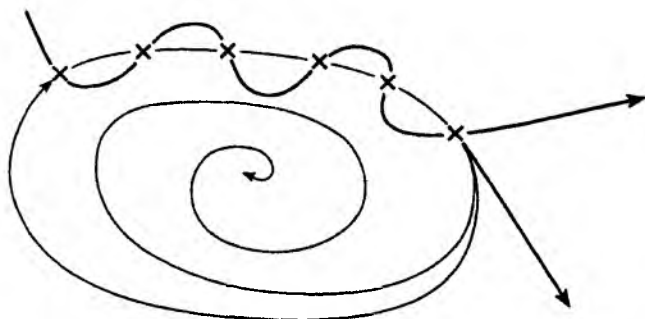
4) без него мы не могли бы обнаруживать эти события (например, нет какого-либо соперничающего закона, побуждающего нас ожидать эти события, который соответствовал бы критериям 1–3 так же, как это делает предложенный закон).

Позвольте проиллюстрировать указанные критерии с помощью несколько упрощенной версии известного исторического случая. В шестнадцатом

столетии Кеплер изучает движение планеты Марс. Другие исследователи предоставили большое число наблюдений прошлых положений Марса. Кеплер стремится установить закон, управляющий движением Марса – пути, по которому движется Марс. Знание такого закона позволит предсказывать будущие положения Марса. Он может отмечать на карте неба наблюдавшиеся прошлые положения, и очевидно, что всякий закон, управляющий движением Марса, будет представлен кривой, проходящей через зафиксированные наблюдениями положения (приблизительно, поскольку могут быть мелкие наблюдательные неточности).

Такой закон будет соответствовать критерию № 1. Трудность заключается в том, что критерию № 1 будет соответствовать бесконечное число различных кривых. Одна из возможностей, разумеется, состоит в том, что Марс движется по эллипсу. Другая возможность – в том, что, если судить по данным, относящимся к изученному периоду наблюдений, Марс движется по спирали, которая почти не отличается от эллипса, но в дальнейшем различие между ними может стать значительным. Еще одна возможность означает, что Марс движется по траектории все увеличивающихся эллипсов, которые в конечном счете становятся параболическими по форме. Таким образом и наблюдаются кривые того вида, которые изображены на рис.1, совпадающие с эллипсом и соответствующие данным наблюдений для периода осуществленных наблюдений, но в дальнейшем отклоняющиеся совершенно непредставимым образом.

Впервые
наблюдаемое
положение

Рис.1. Возможные кривые движения Марса
(положения Марса отмечены крестиками)

Как сделать выбор в такой ситуации? Большинство возможных кривых совсем не являются простыми: во-первых, их уравнения в высшей степени сложны, а, во-вторых, их графическое изображение неправильно. Уравнение эллипса является относительно простым, а кривая – правильной. Некоторые другие соперничающие кривые являются, вероятно, почти столь же простыми, и мы не в состоянии сделать выбор между ними и эллипсом до тех пор, пока не получим большее число наблюдений – или сможем сделать такой выбор на основе какого-то иного критерия. И все же существенную роль в деле отбрасывания большинства из бесконечного числа иных альтернатив играет критерий № 2 – критерий простоты.

Можно использовать и критерий № 3 – ведь предложенный закон должен согласовываться с нашим фоновым (наличным) знанием. Под «фоновым знанием» я имею в виду знание о том, что происходит в смежных областях. Например, когда мы рассматриваем теории, описывающие поведение определенного газа при низких температурах, мы принимаем во внимание и имеющееся у нас знание о поведении других газов при низкой температуре. Наш третий критерий удовлетворяется в той мере, в какой предложенный закон «стыкуется» с таким более широким знанием. Рисуя траекторию движения Марса, Кеплер учитывал свое знание о движении других планет. Если бы закон планетарного движения, оправдавший себя для Меркурия, Венеры, Юпитера и Сатурна, был бы законом не об эллиптическом, а, скажем, о спиральном движении, то в таком случае (хотя закон о спиральном движении менее прост, чем об эллиптическом) у Кеплера были бы веские основания предпочесть его закону об эллиптическом движении в качестве закона, определяющего движение Марса. На деле, разумеется, Кеплер обнаружил, что и для других планет закон эллиптического движения наилучшим образом удовлетворяет и прочим критериям. В каждом случае не было иного фонового знания, кроме знания о движении других планет, и потому Кеплер мог прийти к выводу, что закон эллиптического движения является законом движения не только для Марса, но и для всех планет.

Однако, сколь бы полно какой-то закон ни удовлетворял критериям 1–3, если есть другой не совместимый с ним закон, который соответствует этим критериям еще полнее, то первый следует отвергнуть, поскольку оба не могут быть законами одновременно. Об этом говорит критерий 4. Никакой соперничающий закон, предложенный для Марса, не удовлетворял критериям 1–3 лучше, и потому закон эллипса соответствовал критерию 4.

Научные законы сводятся вместе в научные теории. Кеплеровская теория планетарного движения состояла из трех законов, из которых мы успели обсудить только первый. Но эти же критерии используются и для оценки результирующей теории. Простота теории означает, что ее составные части хорошо сочетаются друг с другом. Как мы отметили выше, законы,

а потому и теории, могут получать объяснение посредством теорий более высокого уровня. Действуют те же критерии. Действие законов Кеплера объясняется действием законов Ньютона при условии, что масса Солнца превышает массу планет. Основания считать теорию Ньютона истинной заключаются в том, что (критерий 1) мы можем вывести из нее надежно обоснованные законы природы во многих различных областях – законы Кеплера, закон свободного падения Галилея, законы движения планетарных лун, приливы, колебания маятника и т.д. Причем (критерий 4) у нас не будет других оснований ожидать, что эти законы будут правомерны. Три закона движения Ньютона и его закон притяжения просты (критерий 2) в сопоставлении с причудливыми альтернативами, которые можно было бы сконструировать.

Критерий фонового знания (критерий 3) не действует, если у нас нет знаний о том, что происходит в смежных областях исследования. Если мы не обладаем измерениями положений других планет, тем более, если не обладаем знанием законов их движения, то мы не в состоянии учесть движение других планет при оценке какой-либо теории движения Марса. И, что неизбежно, чем шире наша исследовательская область, тем меньше будет смежных областей, которые следует учитывать. В своей теории механики Ньютон стремился объяснить столь многое (ведь чрезмерно мало было известно в семнадцатом столетии о химии, свете и электромагнетизме), что уже не оставалось смежной области, которую он мог бы сопоставить с областью своего собственного исследования. Он обосновывал свою теорию тем, что это простая теория, позволявшая ему ожидать наблюдаемые явления, которые иначе нельзя было бы ожидать. Очевидно, что там, где мы стремимся объяснить все наблюдаемые явления, не будет иметь значения критерий фонового знания.

Как бы там ни было, критерий 3 сводится к критерию 2. Ведь что означает, что один закон «стыкуется» с другим? Кеплеровские законы движения Марса согласовывались с его законами движения для других планет, поскольку обладали одной и той же формой. Это сводилось к тому, что сочетание законов «другие планеты всегда движутся по эллипсу, и Марс всегда движется по эллипсу» должно было получить предпочтение перед «другие планеты всегда движутся по эллипсу, а Марс всегда движется по спирали». Почему? Потому что первое предположение проще второго. Его можно выразить просто как «все планеты всегда движутся по эллипсу». Другими словами, закон для какой-то узкой области хорошо согласуется с законами смежной области, поскольку они подкрепляют скорее простой, а не сложный закон для всей области. Так как критерий фонового знания при оценке приемлемости предложенного частного закона в конечном итоге сводится к критерию простоты применительно к более

общему закону, то я зачастую не буду обращать внимания в дальнейшем на критерий фонового знания. *Простота* – вот ключевой критерий для оценки и выбора законов, опирающихся на данные наблюдения.

Читатель мог бы подумать, что можно убрать все эти «дикие» кривые, совместимые с наблюдениями, накопив большее количество новых наблюдений. Вполне возможно, что следующее наблюдение положения Марса отменит все те кривые, которые я указал на своей диаграмме (рис. 1), за исключением одной – эллипса. Да, но есть еще бесконечное число кривых (не указанных мною), которые проходят через прежние положения и через новое положение, но которые сильно разойдутся в будущем. Без критерия простоты мы не имеем возможности осуществить выбор между бесконечным числом теорий, совместимых с данными. Некоторые утверждают, что наше предпочтение простоты есть всего лишь дело привычки и удобства, что мы предпочитаем более простые теории, поскольку нам легче оперировать такими теориями, а наше предпочтение простоты не имеет отношения к поиску истины. Такие взгляды являются неверными. Мы нередко нуждаемся в предсказаниях будущего, они играют ключевую роль в нашем выживании, а также и в реализации наших более амбициозных замыслов. Нам нужно знать, рухнет ли мост, если на него въедет грузовик; вылечит или убьет лекарство; вызовет ли ядерный взрыв цепную реакцию, которая уничтожит все человечество и т.п. Мы делаем свои предсказания, используя самую простую теорию, экстраполирующую прошлые наблюдения. И мы верим, что предсказания на основе такой теории, вероятно, более истинны, чем предсказания какой-либо другой теории. Если бы мы действительно считали, что предсказания всех теорий, которые появились на основе сделанных до сих пор наблюдений, равно вероятно истинны, мы бы никогда не имели оснований опереться на какую-то одну из этих теорий. Но мы все же полагаемся на какую-то одну, а не другую теорию и считаем, что у нас есть для этого основания, а сделать мы это можем только потому, что рассматриваем простоту теории как ключевое свидетельство в пользу ее истинности.

«Простота» научной теории проистекает из того, что она состоит из нескольких составляющих ее законов, каждый из которых соотносит несколько переменных посредством математически простых формул, выводы из которых применительно к наблюдению делаются посредством математически простых шагов. Если теория постулирует существование объектов или свойств за пределами того, что мы можем наблюдать (таких как атомы и электроны, кварки или квазары), то критерий простоты велит нам постулировать малое число новых объектов, малое число новых видов объектов, малое число новых свойств и малое число новых видов свойств – причем чем меньше, тем лучше. Правило, в соответствии с которым следует постулировать суще-

ствование не большего числа объектов, чем требуется для объяснения наблюдений, часто называют «бритвой Оккама». Однако применение этого правила зависит от того, что понимается под «требуется». Разумеется, правильно постулировать существование *небольшого* количества объектов, если они дают объяснение *многих* явлений. Иногда неученым кажется, что ученые выдвигают очень непростые теории. Общая теория относительности Эйнштейна не выглядит очень простой, но он утверждал, что это самая простая теория из тех, что подсказывают данные наблюдений. Самая простая теория для какой-то сферы, удовлетворяющая критерию 1, может и не быть простой, но при этом оставаться гораздо более простой, чем бесконечное число возможных теорий, столь же хорошо удовлетворяющих критерию 1.

Мой критерий 2 также следует понимать в связи с достаточно очевидным требованием, что закон или теория не должны противоречить самим себе. Закон или теория должны быть когерентными, не содержать внутренних противоречий. Закон, являющийся некогерентным, утверждающий, что дело обстоит одновременно так и не так, вероятно, не может быть истинным, сколь бы действенным он ни был в других отношениях.

Вернемся на короткое время к критерию 1 и отметим, что он, подобно другим критериям, может удовлетворяться в различной степени. Он удовлетворяется в той мере, в какой тот или иной закон, теория заставляет ожидать множество событий. Чем больше событий закон или теория может объяснить, тем лучше. Чем более разнообразные явления она может объяснить, тем лучше. Теорию, которая способна объяснить явления из различных сфер, следует предпочесть теории, способной объяснить явления лишь одной сферы. Теория тем лучше, чем более точно она объясняет явления. Это значит, что теория заставляет нас ожидать какое-то явление, описанное определенным образом, а наблюдаемое явление оказывается точно таким, каким оно описано. А если наблюдаемое явление оказывается не совсем таким, каким нас заставляет ожидать теория – например, теория предсказывает, что планета будет наблюдаться под углом небесной долготы $106^{\circ}2'2''$, а она наблюдается под углом $106^{\circ}2'12''$, то в пределах приблизительно $1'$ теория является неточной. Теория может оставаться правильной и в том случае, когда наблюдения оказываются немного неточными или не известные нам факторы повлияли на выводы из теории, но чем меньше потребность постулировать подобные ошибки, тем больше оснований верить в то, что теория истинна. И наконец, закон, который заставляет нас ожидать то, что наблюдается лишь с некоторой вероятностью, менее обоснован, чем тот, что заставляет нас с достоверностью ожидать наблюдаемое. Все это аспекты критерия 1.

До сих пор я не говорил о том, что научные законы или теории «предсказывают» наблюдения. Речь шла о том, что они «заставляют нас ожидать

наблюдения», так как разговор о предсказании (при анализе критерия 1 и других критериев) мог привести к предположению, что наблюдения служат свидетельством в пользу теории только в том случае, если ученый сначала формулирует теорию, затем определяет, что теория заставляет нас ожидать в будущем, а вслед за этим наблюдает то, что теория заставляет нас ожидать в будущем. Что касается подкрепления теории наблюдениями, то я не могу понять, в чем различие между случаем, когда, скажем, сначала сделаны 100 наблюдений и на их основе создана теория, и случаем, когда теория сконструирована на основе пятидесяти наблюдений и затем успешно предсказывает следующие пятьдесят наблюдений. Подтверждение теории наблюдениями – это вопрос логического отношения между наблюдениями и теорией, он независим от того, когда сделаны наблюдения. Те, кто считает иначе, говорят, что всегда можно создать теории, соответствующие наблюдениям, в то время как теории не всегда позволяют делать точные предсказания, а потому точное предсказание является более объективным тестом для предложенной теории. Конечно, всегда можно создать теории, соответствующие наблюдениям, но вот что не всегда можно создать – так это простые теории, которые делают возможными многие наблюдения. Их столь же трудно найти, как и теории, делающие точные предсказания, а они единственные, которые подкрепляются наблюдениями. Примером, иллюстрирующим то обстоятельство, что время, *когда* сделаны наблюдения, не имеет значения, может служить теория движения Ньютона. Многие (и справедливо) считали ее в высшей степени вероятной на основе тех свидетельств, что имелись в распоряжении ученых в начале восемнадцатого столетия, несмотря на то, что в течение многих лет она не делала предсказаний, которые можно было проверить. Она делала лишь те предсказания, которые были сделаны на основе уже известных законов и которые теория Ньютона стремилась объяснить (например, законы движения планет Кеплера и закон свободного падения Галилея). Высокая вероятность теории Ньютона проистекала исключительно из того обстоятельства, что это была очень простая теория более высокого уровня, из которой можно было вывести эти различные законы.

Я так долго задержался на рассмотрении этого вопроса потому, что зачастую утверждается, будто теизм и более развернутые теологические теории не делают «предсказаний», которые можно легко проверить. (Они делают предсказания о жизни после смерти, например, но такие предсказания нельзя проверить в настоящее время). Я стремился обосновать (это показывает и история науки), что теории надежны, если они позволяют ожидать наблюдения, будь то новые или прежние наблюдения. И я попытаюсь обосновать, что теизм является очень простой теорией, которая позволяет нам подтвердить очень много уже сделанных наблюдений. Когда

я в дальнейшем буду говорить о теориях, «предсказывающих» наблюдения, то буду иметь в виду только то, что они заставляют нас ожидать наблюдения без какого-либо соотнесения с тем, были ли эти наблюдения сделаны до или после выдвигания теории.

Итак, таковы четыре используемых критерия для оценки того, насколько истинна теория и насколько она способствует истинному объяснению какого-либо события. Законы, на которые указывают научные теории, — это просто моменты регулярности в проявлении способностей и предрасположенностей тех или иных субстанций. Движение планет по эллипсу вокруг Солнца — это всего лишь регулярное проявление способности каждой планеты двигаться по эллипсу, а также предрасположенности осуществлять такую способность, когда Солнце находится в фокусе эллипса. Посредством своих критериев ученый находит способности и предрасположенности тех или иных субстанций, и ищет при этом наиболее простое объяснение этих способностей и предрасположенностей, позволяющее ему делать успешные предсказания.

Истинное объяснение какого-либо события предполагает не только правильную научную теорию, но и правильное описание начальных условий (т. е. какие субстанции и в каком состоянии находились). Теперешнее положение планеты Уран объясняется не только теорией Ньютона, но и прежними положениями Солнца, Урана и других планет. Откуда они нам известны? Возможно, мы их наблюдали. Но если нет, то самым лучшим объяснением наблюдаемых сейчас явлений будет гипотеза о том, что планеты были в таких-то и таких-то положениях. Под «самым лучшим объяснением» я имею в виду объяснение, которое самым лучшим образом удовлетворяет нашим четырем критериям. Мы можем пытаться объяснить теперешнее положение Урана в терминах ньютоновских законов, с учетом прежних положений Солнца, Урана и других планет, которые мы могли наблюдать. Но если все это не заставляет нас ожидать то, что мы наблюдаем, то мы можем постулировать (как сделал Леверье в 1846 г.), что есть еще одна располагающаяся за Ураном планета Нептун, которую мы не можем наблюдать и которая вытягивает орбиту Урана. Если мы не можем видеть эту планету, то каковы основания предполагать, что она есть? Весомым основанием является то, что иначе придется отказаться от теории Ньютона, которая будет неспособна предсказывать поведение Урана, если не постулируется существование Нептуна. Значит, самое простое объяснение огромного числа явлений заключается в том, что теория Ньютона истинна, а в числе небесных тел есть Нептун. Другие основания для утверждений о существовании Нептуна появятся, если предположение о его существо-

вании объяснит и прочие, не объяснимые иным образом, явления. При постулировании существования ненаблюдаемых сущностей мы постулируем такие сущности и используем такую научную теорию (о способностях и предрасположенностях объектов), которые самым лучшим образом удовлетворяют нашим четырем критериям. Как я отметил выше, одним из моментов простоты является постулирование существования малого числа объектов. Если постулирование существования одной ненаблюдаемой планеты достаточно для того, чтобы заставить нас ожидать те наблюдения, которые мы делаем, то мы не должны постулировать существование двух ненаблюдаемых планет.

Эти же самые четыре критерия работают и при оценке личностных объяснений. Когда мы объясняем какие-то явления как обусловленные личностями, то ищем гипотезу, заставляющую нас ожидать явления, которые мы бы иначе не ожидали обнаружить. При этом речь идет о самой простой гипотезе, согласующейся с фоновым знанием. Допустим, мы нашли какие-то куски металла, и на всех них имеется одно и то же изображение какой-то человеческой головы. Возможное объяснение состоит в том, что все они были созданы одним человеком, использовавшим (применяя резец) обычные телесные возможности с целью создать монеты и обладавшим верованием в то, что кусок металла с такими определенными признаками будет монетой. Существует много соперничающих объяснений, предсказывающих явления. Мы могли бы предположить, что каждый из знаков на кусках металла был сделан разными людьми в различные периоды истории с различной целью, причем каждый из этих людей обладал различными верованиями. А потому является просто совпадением, что у всех знаков оказалась одинаковая форма. В то время как последняя гипотеза, как и первая, удовлетворяет критерию 1 (предсказывает наблюдения), очевидно, что критерию простоты она удовлетворяет в гораздо меньшей степени, поскольку постулирует существование многих людей, целей и верований, а не одного человека, одной цели и одного набора верований. Фоновое знание также нужно учитывать при оценке подобных гипотез – например, знание о том, как, когда и где люди изготавливают монеты.

При оценке большого количества явлений в терминах их обусловленности человеческими личностями мы создаем такую картину явлений, как будто эти явления созданы столь малым числом людей, как только мы можем себе представить. При этом речь идет о людях, обладающих устойчивыми способностями, целями и верованиями, изменяющимися обычными способами (например, в ответ на различные чувственные раздражители). Если мы в состоянии объяснить два результата человеческой деятельности в терминах одной и той же цели, то нет необходимости привлекать какую-то совершенно новую цель для объяснения второго результата. Если мы

в состоянии объяснить какой-то результат действиями какого-то человека, использующего те же способности, какими обладают и другие люди, то не постулируем существование какой-то еще одной новой способности. Мы не постулируем, что человек обладает базисной способностью гнуть ложки на расстоянии, если можем объяснить феномен сгибания ложек тем, что какой-то другой человек просто согнул их руками.

Подобно тому, как у нас может возникнуть потребность постулировать существование ненаблюдаемых планет и атомов для объяснения каких-то явлений, у нас может появиться и потребность постулировать существование бестелесных личностей, если такое объяснение лучше удовлетворяет четырем рассмотренным критериям. Если содержимое моей комнаты начинает летать и на стене появляются слова, то самым лучшим объяснением может оказаться объяснение в терминах полтергейста, обладающего определенными базисными способностями (скажем, базисными способностями по отношению к объектам определенной сферы), целями и верованиями, отличающимися от человеческих. Кроме того, не всегда может быть ясно, является ли определенное тело телом какой-то личности, а также не ясно, осуществляются ли движения определенных частей этого тела намеренно. Предположим, мы совершили путешествие на далекую планету и нашли там движущиеся объекты с антеннами. Это тела каких-то личностей или неодушевленные вещи? Наш ответ будет зависеть от того, сможем ли мы объяснить их движения и движения их антенн предположением о том, что они суть личности с определенными базисными способностями (контроля над своими антеннами), устойчивыми целями и верованиями, приобретаемыми определенным обычным способом.

Указанные четыре критерия применяются для определения того, какие из всего множества наших утверждений о мире, находящемся за пределами наблюдения, наиболее близки к истинным. Во всех областях мы ищем наиболее простые гипотезы, которые заставляют нас ожидать те явления, с которыми мы сталкиваемся и которые наилучшим образом согласуются с фоновым знанием, если оно есть.

Глава 3

ПРОСТОТА БОГА

ПОСЛЕДНЕЕ ОБЪЯСНЕНИЕ

Неодушевленные и личностные виды причинности взаимодействуют. В некоторых случаях один вид причинности объясняет существование и действие факторов, связанных с другим видом причинности. Физическая наука объясняет, почему шар, брошенный с башни высотой в 64 фута, достигает земли за две секунды. Но нам может понадобиться личностное объяснение того, почему шар вообще оказался брошенным. Может быть, его бросил Галилей для того, чтобы проверить закон притяжения. Очевидно также, что на человеческие способности, верования и цели оказывают причинное воздействие неодушевленные факторы. Мои верования могут оказаться обусловленными воздействием световых лучей на мои глаза, а звуковых волн – на мои уши. Процесс оформления верований не включает воздействие световых лучей с целью послужить причиной моих верований. Тем не менее этот процесс может быть проанализирован, по меньшей мере частично, в терминах способностей и предрасположенностей неодушевленных объектов. Сходным образом мои базисные способности телесного движения обусловлены, по меньшей мере частично, состоянием моих нервов и мозга. Я в состоянии двинуть рукой только в том случае, если мой мозг, нервы, мускулы и т. п. находятся в определенном состоянии. Такое требуемое состояние служит частичной причиной моей способности двинуть рукой. Тот способ, каким я намеренно двигаю рукой, включает (ненамеренное) приведение мозга в определенное состояние, которое в свою очередь служит причиной движения руки. Кроме того, мои цели формируются под влиянием желаний, имеющих истоком состояние моего тела – например, моего желания есть вследствие пустоты желудка. (Мои воззрения на цели, как я указал выше, заключаются в том, что подобные влияния носят частичный характер. У личности есть способность сопротивляться

подобным влияниям). Неодушевленные и личностные виды причинности взаимодействуют. Неодушевленные факторы способствуют формированию нашего выбора, наш выбор способствует формированию неодушевленного мира.

Поиск человеком объяснений неизбежно и правомерно ведет к поиску последнего объяснения для всего наблюдаемого – такого объекта или объектов, от которого (или которых) зависят существование и свойства всего остального. Не для всего есть объяснение. А может быть объяснено посредством В, а В – С, но в конце есть объект или многие объекты с такими-то и такими-то свойствами, от которого (или которых) зависят все остальные объекты. Мы должны будем признать *что-то* в качестве последнего объяснения. Великий метафизический вопрос – каким является это последнее объяснение? Представляются возможными три таких последних объяснения. Одно из них – *материализм*. Под материализмом я понимаю воззрение, в соответствии с которым существование и действие всех факторов, сопричастных личностному объяснению, имеют исчерпывающее неодушевленное объяснение. Это не экстремистское, но, на мой взгляд, ложное воззрение, в соответствии с которым личности, их верования, цели и т. п. – всего лишь материальные объекты и их физические состояния. Такое воззрение кажется очевидно ложным. Чье-либо желание завоевать мир и возбуждение какого-либо нерва в мозгу – это не одно и то же событие. Перечень событий в мире, который включал бы только события последнего рода (нервное возбуждение), но не учитывал бы события первого (желание завоевать мир), очень многое упускал бы. Марсианин, который узнал бы все о моем мозге, тем не менее хотел бы знать, есть ли у меня какие-то цели или я просто неодушевленный робот. (Я подробнее остановлюсь на этом вопросе в главе 5). Здесь я имею в виду под материализмом воззрение, в соответствии с которым личностные и ментальные явления полностью обусловлены физическими явлениями, хотя и отличаются от физических. Это утверждение о том, что существование личностей, наличие у них целей, способностей и верований имеет полное неодушевленное объяснение (в терминах способностей и предрасположенностей таких материальных объектов, как нервные клетки).

Альтернативой материализму является смешанная теория – теория, в соответствии с которой существование и действие факторов, сопричастных личностному объяснению, не может быть полностью объяснено в терминах неодушевленных факторов. И наоборот, существование и действие факторов, сопричастных личностному объяснению, не может быть полностью объяснено в личностных терминах. Назовем эту теорию «гуманизм».

Третья возможность заключается в том, что существование и действие факторов, сопричастных личностному объяснению, могут получать объяс-

нение в личностных терминах, причем личности включают не только людей, но и личностное существо совершенно иного рода – Бога. Таково утверждение *теизма*, воззрения, в соответствии с которым есть Бог. Согласно этому воззрению, как мы видели в главе 1, Бог в каждое мгновение сохраняет существование материальных объектов нашей Вселенной с их способностями и предрасположенностями. Он воздействует на мир, как мы воздействуем на свои тела. Однако в отличие от нас он не зависит от какого-либо тела в своей способности действовать. И поэтому, хотя и верно, что металл расширяется при нагревании и что он обладает способностью расширяться и предрасположенностью реализовывать эту способность при нагревании, – все же металл существует только потому, что Бог сохраняет его, и он обладает способностью расширяться и предрасположенностью реализовывать эту способность при нагревании потому, что личностный Бог в силу своих базисных способностей одновременно сохраняет такую способность и такую предрасположенность металла. Бог, таким образом, сохраняет действие законов природы. А сохраняя существование материальных объектов нашей Вселенной, он сохраняет действие закона сохранения материи. Если у Вселенной было начало, то Бог тогда и сотворил первые материальные объекты. Бог, таким образом, является, как утверждает теизм, причиной существования людей и сохраняет их существование в каждое мгновение. Он причина того, что у людей есть и сохраняются их способности и верования. Он это делает отчасти посредством поддержания в генах способности производить человеческие существа, а в молекулах, образующих мозг, – возможности поддерживать человеческие способности и верования. Бог также позволяет людям формировать те цели, что у них есть, но не навязывает им какого-либо выбора.

Указанные три соперничающих претендента на роль последнего объяснения всех наблюдаемых явлений должны оцениваться посредством тех четырех критериев оценки объяснений, которые анализировались в главе 2. При рассмотрении объяснений для всех наблюдаемых явлений очевидно выпадает критерий 3. Когда мы стремимся объяснить все наблюдаемое, то нет никаких смежных областей, с которыми должна согласовываться наша теория. Поэтому применение четырех критериев сводится к следующему. Та теория последнего объяснения наиболее близка к истинной, которая является самой простой теорией, предсказывающей наблюдаемые явления, которые мы бы иначе не ожидали обнаружить. Тезис данной книги заключается в том, что теизм дает самое простое объяснение всех явлений. Материализм не является, как я покажу в дальнейшем, простой гипотезой. Кроме того, есть ряд явлений, которые он вряд ли когда-нибудь будет в состоянии объяснить. А гуманизм – еще менее простая гипотеза, чем материализм.

Как мы увидим в свое время, огромная сложность материализма проистекает из следующего. Он постулирует последнее объяснение вещей, ведущих себя так, как они ведут себя в настоящее время, через способности и предрасположенности огромного (возможно, бесконечного) числа материальных объектов. Каждый из них состоит из атомов, а атомы – из элементарных частиц, таких как электроны и протоны. А они, в свою очередь, состоят из кварков, и, насколько нам известно, кварки состоят из субкварков. Эти материальные объекты относятся к определенным видам, они все обладают совершенно одинаковыми способностями и предрасположенностями. Все куски меди, как мы отметили, обладают совершенно одинаковыми способностями расширяться, растворяться и проводить электричество, а также предрасположенностями реализовывать эти способности при одинаковых условиях. Для каждого события последнее объяснение того, почему оно произошло, следует искать в способностях и предрасположенностях конкретных объектов, вовлеченных в данное событие. Последнее объяснение того, почему данный камень долетел до земли за две секунды, содержится в способностях и предрасположенностях этого камня и земли (как это кодифицировано в законах Ньютона или каких-то законах, объясняющих законы Ньютона). И последнее объяснение того, что данный кусок меди расширяется при нагревании, заключено в способностях и предрасположенностях данного куска меди. Согласно материализму, последнее объяснение – это бесчисленное количество различных конечных инстанций, причем многие из этих конечных инстанций (согласно материализму, случайно) обладают точно такими же способностями и предрасположенностями.

Всякое последнее неодоушевленное объяснение вещей должно опираться на сохраняющиеся способности и предрасположенности объектов. Что бы ни произошло в самом начале, вещи сейчас таковы, каковы они есть, в силу того, что электроны, куски меди и все прочие материальные объекты обладают в двадцатом столетии теми же самыми способностями, что и в девятнадцатом. Нынешние способности объектов, возможно, обусловлены какой-нибудь прошлой причиной, но их нынешнее сохраняющееся существование является, в соответствии с материалистической гипотезой, последним непреложным фактом. Мои родители, возможно, явились причиной начала моего существования, но мое сохраняющееся существование не имеет никакого отношения к их прошлому деянию. Я продолжаю существовать в силу себя самого, моих собственных способностей. Таким образом, сложность материализма нельзя устранить ссылкой на то, что Вселенная начала существовать вследствие какого-то «сингулярного» события в прошлом. Материализм остается очень сложной гипотезой, поскольку постулирует, что исчерпывающие причины того, что вещи сейчас таковы,

каковы они есть, заключены в бесчисленных отдельных объектах (по совпадению, все они обладают одними и теми же способностями).

И, конечно, гуманизм является еще более сложной гипотезой, поскольку постулирует, что объяснение заканчивается не просто на бесчисленных отдельных материальных объектах, а на очень многих личностях, их способностях и целях, каждая из которых (в той мере, в какой речь идет об их нынешнем существовании) просто является непреложным фактом.

Теизм, как я буду утверждать, выглядит гораздо лучше. В данной главе я продемонстрирую, что теизм – очень простая гипотеза. Это самая простая гипотеза, которая только может быть принята в качестве последнего объяснения. В последующих главах я покажу, каким образом теизм заставляет нас ожидать те вещи, которые мы действительно обнаруживаем. Без него мы бы их не ожидали.

ПРОСТОТА ТЕИЗМА

Теизм утверждает, что всякий существующий объект имеет причиной своего возникновения и сохранения своего существования лишь одну субстанцию – Бога. Он утверждает также, что любое свойство всякой субстанции имеется потому, что Бог обусловил или сохранил существование этого свойства. Признак простого объяснения – постулирование малого числа причин. И в этом отношении не может быть более простого объяснения, чем то, что постулирует лишь одну причину. Теизм проще политеизма. Кроме того, теизм утверждает, что эта единственная причина – божественная личность – обладает в бесконечной степени теми свойствами, что являются сущностными для любых личностей. Это бесконечная мощь (Бог в состоянии совершить все логически возможное); бесконечное знание (Бог знает все, что логически возможно знать); бесконечная свобода (никакая внешняя причина не оказывает влияния на то, какие цели формирует Бог: Бог действует лишь постольку, поскольку видит основание для действия).

Гипотеза о том, что есть бесконечно могущественная, всеведущая и свободная личность – это гипотеза о том, что есть личность без ограничений (с нулевыми ограничениями, за исключением логических) в отношении могущества, знания и свободы. Ученые всегда считали, что постулирование бесконечных степеней какого-либо количества проще, чем постулирование какой-либо очень большой конечной степени этого количества. Они всегда предпочитали первый способ, если он столь же хорошо предсказывал наблюдения. Ньютоновская теория притяжения постулировала, что сила притяжения распространялась с бесконечной скоростью, а не с какой-то очень большой конечной скоростью (скажем, 2 000 000 000 325 км/сек).

Это предсказывало бы наблюдения в пределах той точности, с какой могли быть сделаны измерения. Только тогда, когда общая теория относительности Эйнштейна, связанная как с электромагнетизмом, так и с притяжением, была принята в качестве простейшей теории, охватывающей огромное число данных, ученые приняли как следствие из этой теории то, что сила притяжения распространяется с конечной скоростью. Сходным образом в средние века люди полагали, что свет движется с бесконечной скоростью, а не с какой-то очень большой конечной скоростью, что в равной мере было совместимо с наблюдениями. Только когда в семнадцатом столетии Рёмером были сделаны наблюдения, несовместимые с теорией бесконечной скорости света, было признано, что свет имеет конечную скорость.

Ноль и бесконечность – противоположности. Постулировать, что свет распространяется с бесконечной скоростью означает постулировать, что ему не требуется какое-либо время, чтобы распространиться на любое конечное расстояние. Ученые показали, что предпочитают (подобно предпочтению, оказываемому ими бесконечности) теории, постулирующие нулевые степени какого-либо количества, а не предельно малые степени этого количества, столь же совместимые с наблюдениями. Они предпочли постулировать, к примеру, что фотоны (частицы света) обладают нулевой массой покоя (нулевой массой в стационарном состоянии), а не очень малой массой покоя (скажем, $2,62 \times 10^{-1000}$ гмс). Они предпочли поступить так в условиях, когда каждая из гипотез в одинаковой мере совместима со всем, что можно наблюдать.

Личности, как мы видели, – это объекты, обладающие интенциональными способностями, целями и верованиями. Если действие какой-либо личности способно объяснить существование и функционирование Вселенной, то это должна быть чрезвычайно могущественная личность. Будет более простой гипотезой постулировать, что могущество этой личности бесконечно, а не просто очень значительно. Если бы мы сказали, что эта личность достаточно могущественна, чтобы создать Вселенную с такой-то и такой-то массой, но не достаточно могущественна, чтобы создать более массивную Вселенную, то возник бы вопрос, почему у могущества этой личности именно такое, а не какое-либо другое ограничение. С предположением о бесконечном могуществе Бога естественно согласуется то, что не существует причинных воздействий вне Бога, влияющих на то, каким образом он реализует это могущество. И самым простым будет считать, что его свобода так же бесконечна. Для эффективной реализации могущества необходимо знать, каковы последствия действий. Поэтому с утверждением о бесконечном могуществе Бога естественно согласуется утверждение о его бесконечном знании.

Если мы хотим объяснить различные явления (которые будут описываться в последующих главах) намеренным действием Бога, то нам потребу-

ется предположение о том, что он в полной мере понимает последствия своих действий. И самым простым будет предположить, что его понимание вещей безгранично. Соответственно, принципы, которые мы используем в науке, истории и других своих исследованиях, связанных с поиском причин, указывают на то, что если мы хотим объяснить мир в терминах личностного объяснения, то нам следует постулировать существование личностного существа с бесконечным могуществом, знанием и свободой.

Проще предположить, что Бог существует вечно. Если бы он начал существовать только в определенный прошлый момент времени, то тогда был бы какой-то более ранний период времени, в который происходящее не имело бы никакого отношения к Богу. Действовали бы другие силы, и от них зависело бы, появится ли Бог вообще. И потому наша гипотеза для объяснения мира неизбежно бы усложнилась, поскольку постулировала бы другие силы и тем самым ограничивала божественное могущество. Это верно и в том случае, если бы мы предположили, что Бог мог прекратить существовать в будущем.

Я полагаю, что проще постулировать не только то, что Бог вечно и бесконечно могуществен, всеведущ и свободен, но и то, что он таков сущностным образом. Если бы мы сказали, что Бог лишь акцидентально бесконечно могуществен и т. п., то мы бы допустили, что Бог мог, если бы захотел, отказаться быть тем, кто он есть. Он мог бы уменьшить свое могущество. Он мог бы даже совершить самоубийство. И тогда у какого-то соперника появилась бы возможность стать бесконечно могущественным вместо него. Но в таком случае оказалось бы, что лишь по стечению обстоятельств наш Бог отвечает за Вселенную. Могло бы так быть и так случиться, что другой Бог (возможно, с меньшими возможностями) взял на себя ответственность. Но тогда уже не было бы основополагающим непреложным фактом то, что наш Бог есть источник всего. Нужно было бы объяснить, почему Бог уже не ограничил свое могущество или не совершил самоубийство. И действовали бы другие причинные факторы, определяющие, при каких условиях его соперник мог бы стать всемогущим. Но все это не нуждается в дальнейшем объяснении, если мы полагаем, что Бог сущностным образом всемогущ, всеведущ, совершенно свободен и вечен.

Рассуждение здесь такое же, как и сходное рассуждение в физике, которая считает элементарные частицы таковыми только в том случае, если они сохраняют свои способности. Способности, которыми они обладают, образуют часть того, что делает их теми объектами, каковыми они являются. Электрон есть электрон, только если он отталкивает все другие электроны с определенной фиксированной силой. На базовом объяснительном уровне вещи есть то, что они есть отчасти и в силу своих способностей.

Личность не могла бы быть личностью, если бы эта личность обладала нулевой степенью могущества, знания и свободы. Предположить какой-то

конечный предел таких свойств менее просто, чем предположить отсутствие предела. А предположить бесконечные степени этих качеств в совокупности и в связи с вечностью означает постулировать существование самой простой личности, какая только может быть. И, как мы видели в главе 1, все прочие сущностные свойства Бога следуют из трех свойств: всемогущества, всеведения и совершенной свободы. Отсюда теизм предлагает самый простой вид личностного объяснения Вселенной, какой только может быть. Бог осуществляет выбор на каких-то основаниях или выбирает между основаниями и создает Вселенную потому, что это одно из многих благих дел, которые он может совершить.

Бог, как всемогущий, мог создать все что угодно. Показать, что «то, что мы наблюдаем, следует ожидать, если есть Бог», означает показать, что «наблюдаемое принадлежит тому виду Вселенной, создать которую у Бога было основание в силу его совершенной благодати». Это не служит гарантией того, что он ее создаст, но указывает на высокую вероятность ее создания. Я покажу это на целом ряде окружающих нас явлений. Кроме того, я покажу высокую степень сложности всякого материалистического объяснения этих же явлений и неспособность материализма вообще объяснить некоторые другие явления.

Глава 4

КАКИМ ОБРАЗОМ СУЩЕСТВОВАНИЕ БОГА ОБЪЯСНЯЕТ МИР И ЕГО ПОРЯДОК

ВСЕЛЕННАЯ И ЕЕ ЕСТЕСТВЕННЫЕ ЗАКОНЫ

Существующая физическая Вселенная состоит из бесчисленных частей материи различной величины. Наша Земля – одна из нескольких планет, движущихся вокруг Солнца, которое является небольшой звездой, большим огненным шаром. Эта звезда – одна из многих миллионов звезд в нашей галактике, в нашей группе звезд, Млечном Пути. Наша Вселенная принадлежит к локальному скоплению галактик, а астрономы могут наблюдать многие миллиарды подобных скоплений. Хотя Вселенная в значительной мере единообразна, она все же демонстрирует разнообразные локальные «уплотнения». Звезды и планеты имеют различные размеры, а планеты, подобные нашей, размерны во всех отношениях – подобно тому, как имеют различный размер и форму камни на морском берегу.

В высшей степени удивительно, что вообще что-то существует. Конечно, самым естественным состоянием было бы: никакой Вселенной, никакого Бога, ничего. Но что-то есть, есть сущее. И это сущее очень разнообразно. Возможно, случайно и мог возникнуть какой-нибудь странный электрон. *Но* ведь существует *столь* много частиц! Не всему можно найти объяснение. Однако, как мы видели, весь процесс развития и всякое интеллектуальное исследование требует, чтобы постулировалось наименьшее число непреложных фактов. Если мы в состоянии объяснить многое во Вселенной посредством бытия какого-то существа, которое сохраняет их существование, то мы должны сделать это – даже если мы не можем объяснить существование этого простого существа.

Вещей не только очень много, но они при этом ведут себя совершенно одинаковым образом. Одни и те же законы природы управляют самыми удаленными галактиками, которые мы можем наблюдать посредством

наших телескопов, установленных на Земле. И эти же самые законы управляют самыми первыми событиями во времени, какие мы только можем представить себе сегодня. Или, как я предпочитаю выражаться, всякий объект, сколь бы удаленным он ни был от нас в пространстве и времени, обладает такими способностями и предрасположенностями к реализации этих способностей, как и те электроны и протоны, из которых состоят наши собственные тела. Если у этого нет причины, то все это в высшей степени экстраординарное совпадение – слишком экстраординарное, чтобы рационально в него поверить. Однако наука не в состоянии объяснить, почему всякий объект обладает одними и теми же способностями и предрасположенностями. Она в состоянии объяснить, почему какой-то объект обладает какой-то способностью в силу обладания какой-то более широкой способностью (почему данный конкретный закон природы действует в силу действия более общего закона природы). Но едва ли наука может объяснить, почему всякий объект обладает теми наиболее общими способностями, которыми он обладает.

Предположим, что три ньютоновских закона движения, а также его закон притяжения являются фундаментальными законами природы. Тогда всякий атом, всякий электрон и т. д. притягивает всякий другой объект во Вселенной с той же самой силой притяжения (т. е. той, которая изменяется в зависимости от квадрата расстояния между ними). Законы Ньютона не являются фундаментальными законами природы. Они очень точны, но не тотально точны. Они точны, только если тела, к которым они применяются, не слишком массивны и не движутся слишком быстро. В той мере, в какой законы Ньютона применимы, они применимы потому, что они следуют из законов общей теории относительности и квантовой теории. А возможно, эти последние являются следствием какой-то более общей теории – Великой Единой Теории. Но как бы мы ни рассуждали, во всех рассуждениях наблюдается один и тот же общий момент. Предположим, мы остановимся на Великой Единой Теории. Тогда всякий атом и всякий электрон во Вселенной обладают одними и теми же способностями и предрасположенностями – теми, что описывает Великая Единая Теория. И здесь мы, если позволяем себе заниматься научными теориями, останавливаемся. Именно таково, говорит материалист, положение вещей.

Но это как раз та остановка, на которой никакой рациональный исследователь не остановится. Если все монеты, найденные при каких-то археологических раскопках, имеют те же самые изображения, или если все документы, находящиеся в комнате, написаны одной рукой, то мы ищем объяснение в терминах общего источника. То, что кажется совпадением, требует объяснения.

Дело не только в том, что все материальные объекты обладают одними и теми же очень общими способностями и предрасположенностями

(например, ведут себя в соответствии с Великой Единой Теорией). Они также распадаются на виды, представители которых ведут себя сходным, но более специфическим образом. Каждый электрон ведет себя как другой, поскольку отталкивает всякий другой с той же самой электрической силой. И более крупные объекты так же распадаются на виды. Одни дубы ведут себя как другие дубы, а одни тигры – как другие. И многие из тех моментов, которые являются общими для поведения всех материальных объектов и для объектов конкретных видов (причем почти всегда), достаточно просты и потому легко устанавливаются людьми.

Могло так сложиться, что последние элементы, составляющие материю (электроны, протоны, фотоны и т. п. или то, из чего они состоят), ведут себя одними и теми же простыми способами, но, будучи сведены в материальные объекты среднего размера, начнут вести себя столь сложно, что, исходя из простого поверхностного изучения их поведения, люди никогда не смогут предсказать, что же произойдет. Возможно, однажды скалы начнут разрушаться, а на другой день – полетят по воздуху. В любом случае простое ненаучное наблюдение не подскажет нам даже приблизительно, что и когда произойдет. Но, к счастью, наш мир не таков.

В нашем мире существуют регулярности в поведении объектов среднего размера, которые нетрудно установить и использовать и без помощи науки.

Эти регулярности наблюдаются постоянно и устанавливаются с высокой степенью точности. Тяжелые объекты падают на землю; люди и другие наземные животные нуждаются для жизни в воздухе; семена, посаженные в почву и получающие воду, вырастают в растения; хлеб питает людей, а трава – нет. Примеры можно продолжить. Есть, конечно, исключения: бывают случаи, когда тяжелые объекты не падают на землю (например, они настолько намагничены, что располагающийся под ними магнит отталкивает их). И только ученый способен *точно* предсказать, сколько времени понадобится объекту для падения, и только ученый может *точно* указать, сколько хлеба требуется человеку для нормальной жизнедеятельности. Очевидные повторяющиеся регулярности, которые люди легко устанавливают, – это регулярности, имеющие важные последствия с точки зрения того, выживем мы или погибнем (достаточно ли у нас пищи для того, чтобы выжить, избежать хищников и опасности); с точки зрения того, как мы заключаем сексуальные союзы; имеем детей; сохраняем тепло; передвигаемся и т. п. Наблюдая и понимая эти регулярности, люди могут затем использовать их для изменения мира вне нашего тела и изменения нашей жизни. Мы нуждаемся в истинных верованиях относительно результатов наших базисных действий, если мы хотим с их помощью воздействовать на мир. Однако мы в состоянии приобрести такие верования только в том случае, если объекты ведут себя упорядоченным, регулярным образом,

достаточно простым, чтобы люди могли понять это. Видя, что хлеб питает, мы можем затем предпринять меры к тому, чтобы остаться живыми, потребляя хлеб. Наблюдая, что семена (включая зерна пшеницы), будучи посажены в землю и получая воду, вырастают в растения, мы можем затем предпринять усилия по выращиванию пшеницы и превращению ее в хлеб и т. п. Но, если бы материальные объекты вели себя совершенно неупорядоченно, мы бы никогда не были в состоянии сделать какой-либо выбор для контроля над миром или над своей жизнью. Поэтому, занимаясь поиском объяснения того, что все материальные объекты обладают одними и теми же простыми способностями и предрасположенностями, мы должны искать такое объяснение, которое объяснит, почему эти способности и предрасположенности таковы, каковы они есть, и почему вытекающие из них и с достаточной степенью точности устанавливаемые способности и предрасположенности материальных объектов среднего размера (в том числе важные для человеческой жизни) легко постигаются людьми. Ведь общей характеристикой всех материальных объектов является обладание теми способностями и предрасположенностями, которые позволяют людям их легко устанавливать.

Простая гипотеза теизма заставляет нас ожидать с достаточной степенью вероятности все те явления, которые я описал. Бог, будучи всемогущим, способен создать мир, упорядоченный в указанных моментах. И у него есть веское основание сделать такой выбор: мир, в котором есть человеческие личности, – это хороший мир. Они обладают опытом и мыслями, способны делать выбор, а их выбор может изменять их самих, других людей, неодушевленный мир. Бог, будучи совершенно благим, щедр. Он хочет делиться своим богатством. А обладающие телами человеческие личности в управляемой законами Вселенной представляют собой особый вид блага. Обладая телом, мы обладаем контролем над ограниченным сегментом материи, а если нам это угодно, мы можем исследовать, как функционирует мир и какие телесные действия будут иметь более отдаленные последствия. Мы в состоянии быстро узнать, когда могут упасть скалы, хищники – напасть, а растения – вырасти. Поэтому Бог позволяет нам причаститься к его творческому выбору. Мы в состоянии сделать выбор, имеющий жизненно важное значение для нас: как избежать падения скал, убежать от хищников, посеять злаки, чтобы иметь пищу. Мы в состоянии выбрать, строить ли нам дома и жить комфортно или удовлетвориться более примитивной жизнью. И мы в состоянии сделать выбор, имеющий жизненно важное значение для других: дать им пищу или позволить им умереть от голода.

Поскольку приближающиеся к точным наблюдаемые регулярности в поведении объектов среднего размера обусловлены более точными регуляр-

ностями в поведении их маломасштабных составляющих, то мы в состоянии, при желании, попытаться выяснить, каковы эти составляющие. Опираясь на такое знание, мы можем создавать инструменты, расширяющие наше знание и контроль над миром. Люди способны открыть законы динамики и химические законы и создать автомобили и самолеты или – бомбы и орудия. Таким образом, мы способны расширить сферу своего контроля за пределы контроля над своим телом и нашей ближайшей средой, доведя его до гораздо более объемного контроля над миром. Телесное существование в упорядоченном мире предоставляет возможность не только быстро постичь регулярности, полезные для выживания, но и создать науку и технологию – открыть совместными многолетними усилиями глубинные законы, которые можно использовать для преобразования мира в желательных для нас формах. Нам предоставлена возможность сделать выбор в пользу постижения мира и расширения контроля над ним и того, как расширять этот контроль. Подобно доброму родителю, щедрый Бог имеет основание не навязывать нам определенную фиксированную меру знания и контроля и предоставить нам возможность расширять свое знание и контроль.

Именно потому, что людям предоставляются такие возможности, у Бога есть основание сотворить мир с теми естественными законами, которые мы обнаруживаем. Конечно, у Бога есть основание сделать и многие другие вещи, и я бы не решился твердо сказать, что можно быть уверенным в том, что он создает только подобный нашему мир. Очевидно, однако, что существует высокая вероятность того, что Бог создаст подобный нашему мир.

Пригодность мира в качестве сферы обитания и самопроявления для людей не является единственным основанием для Бога создавать упорядоченный мир. Высшие животные также обладают сознанием, учатся и планируют – ведь предсказуемость вещей в их наиболее легко постижимых аспектах дает им такую возможность. Помимо всего этого, упорядоченный мир – прекрасный мир. Красота заключена в образцах порядка. Тотальный хаос безобразен. Движения звезд в соответствии с регулярными законами – прекрасный танец. Люди средневековья полагали, что планеты несомы сферами, и их регулярные движения издают «музыку сфер», красоту которой люди обычно не замечают, хотя это одно из самых прекрасных явлений. У Бога есть основание создать упорядоченный мир, так как красота – это благо. На мой взгляд, это не зависит от того, видит ли кто-либо когда-либо эту красоту. Но это тем более так, если ее когда-либо созерцал хотя бы один человек.

Аргументация в пользу бытия Бога на основе факта существования мира и его упорядоченности является философской кодификацией естественной и разумной реакции на упорядоченный мир, которая глубоко укоренена в сознании человека. Люди рассматривают понятность мира как свидетель-

ство в пользу существования разумного и понимающего творца. Пророк Иеремия жил в эпоху, когда существование творящего бога какого-либо рода считалось чем-то само собой разумеющимся. Обсуждаться могла только мера его благости, знания и могущества. Иеремия утверждал, исходя из порядка мира, что это могучий и надежный Бог, что это Бог, каким я его описал в главе 1. Иеремия говорил о могуществе творца, указывая на масштаб творения. «Как неисчислимо небесное воинство и неизмерим песок морской» (Иер 33:22). Он утверждал, что упорядоченное поведение творения свидетельствует о надежности творца; говорил о «завете... о дне и ночи», вследствие которого день и ночь приходят в свое время; говорил об «уставах неба и земли» (Иер 33:20, 25).

Упорядоченное поведение материальных тел, которое Фома Аквинский описывает как предрасположенность двигаться к определенной цели (например, падающее тело стремится к земле, воздух выходит на поверхность воды), служит основой пятого из «пяти путей» доказательства бытия Бога у Фомы Аквинского.

Пятый путь опирается на управляемость вещей. Мы видим, что некоторые вещи, у которых отсутствует сознание, а именно природные тела, действуют так, чтобы достичь цели. Это явствует из того, что они всегда или очень часто действуют одним и тем же способом и достигают наилучшего результата. Отсюда очевидно, что к цели они приходят не случайно, а намеренно. А вещи, не имеющие сознания, не стремятся к цели, если их не направляет тот, кто обладает сознанием и разумом, подобно тому, как стрелу направляет лучник. Есть поэтому кто-то наделенный разумом, кто направляет все в природе к цели, и мы называем его «Богом» (*Summa Theologiae* V. I, q. II, a. III)⁴.

Аргументация, утверждающая бытие Бога исходя из существования и поведения материальных объектов, которые он сохраняет посредством общих для всех способностей и предрасположенностей, – эта аргументация в полной мере соответствует критериям, указанным в главе 2. Гипотеза теизма – очень простая гипотеза, заставляющая нас ожидать известные наблюдаемые явления в тех случаях, когда этого не может сделать никакая другая гипотеза. В соответствии с материалистической гипотезой тот факт, что материальные объекты обладают одинаковыми способностями и предрасположенностями, является просто совпадением, а не просто тем простейшим моментом, который не нуждается в объяснении. Поскольку теизм хорошо соответствует указанным критериям, то существование и регулярное поведение материальных объектов служат убедительным свидетельством в пользу существования Бога.

⁴ *Divi Thomas Aquinatis Summa Theologiae*. Roma, 1894. P. 31.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ И ЖИВОТНЫЕ ТЕЛА

Упорядоченность природы, как регулярное поведение объектов во времени, зафиксированная в законах природы, не является единственным проявлением упорядоченности естественного мира. Существует еще и чудесное устройство человеческих тел и тел животных. Они подобны очень и очень сложным машинам. Они обладают тонкими органами чувств, восприимчивыми к очень многим аспектам среды. Эти тела делают возможными для нас истинные верования относительно окружающего нас мира. Мы узнаем, где находятся те или иные объекты вокруг нас, где находятся друзья и где враги, где пища, а где отравы – и все это благодаря нашим глазам и нашим ушам, превращающим световые лучи и звуковые волны в нервные импульсы. Используя возникающие на основе этого верования, мы можем двигаться, можем двигать руками, шевелить ртом, взбираться на скалы, удерживаться там и разговаривать. Все это базисные действия, которые позволяют нам достигать самых различных целей (включая и те, что нужны для выживания). Сложная и тонкая организация животных и человеческих тел, делающая их эффективным средством приобретать знание и осуществлять действия, поражала анатомов и натуралистов в восемнадцатом столетии еще больше, чем в предыдущие столетия (отчасти потому, что изобретение микроскопа в конце семнадцатого столетия дало возможность им увидеть, какой сложной была организация этих тел).

Очень многие авторы восемнадцатого столетия утверждали, что нет оснований предполагать, что случай мог создать такую чудесную организацию, в то время как у Бога есть возможность и веские основания создать ее. Речь идет о благе (к чему я привлек ваше внимание выше) существования обладающих телом животных и людей. Поэтому существование животных и людей, как аргументировали эти авторы, является надежным свидетельством в пользу бытия Бога. Я считаю, что такой аргумент (каким он был представлен) правилен, если судить по критериям, указанным в главе 2. У Бога есть основание для творения обладающих телом людей и животных и потому – основание для создания человеческих и животных тел. Обладая таким телом, мы способны сделать выбор в пользу расширения своего знания и контроля над миром (если это упорядоченный мир). Бог в состоянии создать такие тела. То, что он поступает так, является простой гипотезой, как мы видели в главе 3. Есть поэтому веское основание полагать, что Бог – создатель человеческих и животных тел. Их существование является еще одним свидетельством (в дополнение к тем, что следуют из существования Вселенной и ее подчиненности естественным законам), подтверждающим бытие Бога.

Наилучшим образом такое доказательство представлено Уильямом Пейли в его труде «Естественная теология» (1806), начинающемся со

знаменитого отрывка:

Пересекая луг, я, предположим, ударился ногой о *камень*, и, если бы меня спросили, как этот камень оказался там, я, наверное, ответил бы, что, насколько мне известно, он всегда там лежал. И было бы нелегко показать абсурдность такого ответа. Но, предположим, я нашел на земле *часы*, и, если бы потребовалось узнать, как часы оказались в этом месте, мне вряд ли бы пришло на ум дать такой же ответ, как и в предыдущем случае – мол, насколько мне известно, часы скорее всего всегда были там. Почему же такой ответ не подходит к случаю с часами так же, как к случаю с камнем? Почему он во втором случае не приемлем, как приемлем в первом? По той единственной причине, что когда мы начинаем изучать часы, то видим (чего мы не могли видеть в камне), что составные части часов изготовлены и собраны воедино для определенной цели, т. е. они созданы и приспособлены так, чтобы производить движение, а это движение отрегулировано так, чтобы показывать, который сейчас час. Если бы различные части часов были созданы иначе и были бы иного размера или размещены иным образом или в другом порядке, то не было бы вообще никакого движения в механизме часов или не было бы такого движения, которое соответствовало бы той пользе, которую сейчас приносит это движение... Вывод, мы думаем, неизбежно таков, что у часов был создатель: в какое-то время и в каком-то месте должен был существовать мастер или мастера, создавшие их для той цели, которой они соответствуют; мастер или мастера, которые знали устройство часов и продумали, как их использовать.

Остальная часть книги Пейли показывает, насколько хорошо во всех своих сложных деталях устроены животные и люди, и потому заключает, что их создателем должен был быть Бог. Такая аналогия между животными и сложными машинами представляется мне правильной, а заключение на ее основе – оправданным.

Доказательство не дает, однако, оснований считать, что Бог сотворил людей и животных каким-то базисным актом в какой-то определенный день в истории, а не посредством постепенного процесса. И, как мы сейчас знаем, люди и животные действительно появились посредством постепенного процесса эволюции из некоей первоначальной материи, которая образовалась, когда Земля остыла около 4 млрд. лет тому назад. В этом процессе ключевую роль играл естественный отбор. «Происхождение видов» Дарвина (1859) показало нам основные черты этой истории, и с тех пор биологи дополняют ее деталями. Ясное и простое изложение современных воззрений, содержащееся в работе Ричарда Докинса «Слепой часовщик», пользуется заслуженной популярностью.

Поскольку эта история хорошо известна, я резюмирую ее очень кратко. Молекулы первоначальной материи благодаря случаю сложились в очень простую форму жизни, которая воспроизводила себя. Она давала потомство, очень похожее на себя, но каждый раз немного отличавшееся в силу случайности. Вследствие таких различий некоторые из потомков были лучше приспособлены для выживания и поэтому выживали. Другие не были хорошо оснащены для выживания и не выживали. Следующие поколения потомства являли в среднем характеристики своих родителей, но при этом демонстрировали и различные небольшие отличия от них. Чем в большей

степени та или иная характеристика давала преимущество в борьбе за выживание, тем в большей степени эволюция благоприятствовала ее развитию. При прочих равных обстоятельствах сложность организации была характеристикой, благоприятствовавшей выживанию, и поэтому стали появляться более сложные организмы. Воспроизводство половым путем было свойством, дававшим преимущество сложным организмам, и постепенно эволюционно появились мужские и женские организмы, какими мы их знаем сегодня. Какое бы свойство того или иного животного мы ни взяли, можно рассказать историю о том, каким образом это животное приобрело данное свойство. Это было одно из многих свойств, являвшихся небольшими вариациями свойств родителей, которое давало преимущество в борьбе за выживание в сопоставлении с другими свойствами.

Когда-то жирафы имели шею таких же размеров, как и другие животные со схожим размером тела. По воле случая некоторые пары жирафов произвели потомство с более длинными, чем обычно, шеями. Эти потомки с более длинными шеями могли легче, чем другие, доставать пищу (например, листья на вершинах деревьев), поэтому они процветали и большее количество из них выжило и имело потомство, чем те, у кого были более короткие шеи. Потомки жирафов с более длинными шеями имели шеи в среднем таких же размеров, как и у их родителей, но у некоторых из них шеи были еще длиннее, а у других – чуть короче. Преимущество получали те, у кого они были еще длиннее, и потому средняя шея в популяции стала длиннее. Однако жирафы с очень длинными шеями оказывались менее способными убежать от хищников, поскольку они не могли вырваться из леса или оказались менее способными убежать достаточно быстро, когда их преследовали львы. В результате длина шеи у жирафов стала оптимального размера – достаточно длинной для того, чтобы они могли доставать листья, но не настолько длинной, чтобы сделать невозможным бегство от хищников. Таково или примерно таково объяснение того, почему у жирафа именно такой длины шея. И подобную историю можно рассказать в связи со всякой характеристикой животных и людей. Небольшая чувствительность к свету давала определенное преимущество многим животным во многих средах в борьбе за выживание. Еще чуть большая чувствительность давала больше преимущества, и потому появился глаз. Но самое большое преимущество давало сложное устройство нервной системы, поддерживающей ряд органов чувств и телесных движений. Вот почему мы сегодня наблюдаем столь сложно организованных животных и людей.

Итак, вкратце дарвиновское объяснение, почему сегодня существуют сложные животные и человеческие тела, состоит в следующем. В свое время на Земле были определенные химические вещества, и при наличии законов эволюции (например, закона воспроизводства с небольшими измене-

ниями) становилось вероятным возникновение сложных организмов. Такое объяснение существования сложных организмов, разумеется, является правильным объяснением, но это не последнее объяснение данного факта. Для последнего объяснения нам нужно объяснение на высшем уровне того, почему действовали именно эти законы, а не какие-либо другие. Законы эволюции являются, несомненно, следствием законов химии, управляющих органической материей, из которой состоят животные. А законы химии действуют потому, что действуют фундаментальные законы физики. Но почему действуют именно эти фундаментальные законы физики, а не какие-либо другие? Если бы из законов физики не следовало, что определенное химическое образование породит жизнь или что будут случайные вариации характеристик родителей в потомках и т. д., то не было бы эволюции посредством естественного отбора. Так что, даже если дано, что есть законы природы (т. е. материальные объекты обладают одними и теми же способностями и предрасположенностями), то почему эти законы таковы? Материалист утверждает, что этому нет объяснения. Теист утверждает, что у Бога есть основание создать именно такие законы, поскольку эти законы имеют следствием то, что в конечном счете эволюционно появятся животные и люди.

Даже если законы физики таковы, что кладут начало законам эволюции сложных организмов из определенного состояния первоначальной материи, то животные и люди появятся эволюционным путем только в том случае, если есть первоначальная материя нужного химического состава. Некоторые виды первоначальной материи с химическим составом, отличающимся от того, с которого в действительности все начиналось на Земле, так же привели бы к появлению животных при наличии данных законов физики. Однако большинство видов первоначальной материи из химических элементов, состоящих из по-иному сочетающихся фундаментальных частиц, не породили бы животных. Так почему же был именно такой вид первоначальной материи? Мы можем проследить историю мира еще дальше вглубь. А указанный вид первоначальной материи существовал потому, что Земля сформировалась так, как она сформировалась. А Земля сформировалась так потому, что галактика сформировалась так, как она сформировалась и т. д. пока мы не придем к Большому Взрыву, взрыву, происшедшему 15 млрд. лет тому назад, с которого, вероятно, началась Вселенная. В последнее время ученые обратили внимание на то обстоятельство, что Вселенная «тонко налажена». Материя-энергия в момент Большого Взрыва должна была обладать определенной плотностью и определенной скоростью разбегания для того, чтобы произвести жизнь⁵. Увеличение или уменьшение на одну миллионную часть указанных пока-

⁵ Ясное изложение результатов этой работы см.: Leslie J. *Universes*, 1989.

зателей имело бы следствием то, что во Вселенной не было бы эволюции жизни. К примеру, если бы Большой Взрыв привел к тому, что образования материи-энергии разбегались друг от друга немного быстрее, то ни на Земле, ни где-либо еще во Вселенной не сформировались бы ни галактики, ни звезды, ни какая-либо среда, пригодная для жизни. Если бы разбегание по краям было бы более медленным, Вселенная коллапсировала до того, как сформировалась бы жизнь. Если есть какое-то последнее научное объяснение, то оно должно было бы взять в качестве непреложного факта то, что Вселенная началась в таком состоянии и обладала такими законами природы, что оказалась возможной эволюция жизни, причем незначительное отличие в начальных условиях сделало бы невозможным появление жизни где бы то ни было.

Возможно, конечно, что Вселенная не началась с Большого Взрыва, а существовала всегда. Но даже если так, то все равно материя должна была обладать определенными общими характеристиками, чтобы когда-нибудь наступило такое состояние Вселенной, которое было пригодно для создания животных и людей. Требовалось бы, например, чтобы было достаточно материи, но не слишком много ее для того, чтобы в какое-то время образовались химические субстанции – требовалось много элементарных частиц, но с большими пространствами между ними. И только наличие определенного набора законов могло сделать возможным появление животных и людей. Научные исследования недавнего времени, выявившие «тонкую наладку Вселенной», привлекли внимание к следующему факту (независимо от того, имела ли Вселенная начало или нет). Если в ней действовали те же самые законы, что действуют и сейчас (т. е. закон притяжения и законы трех прочих сил, которые проанализировали физики: электромагнетизм, сильная ядерная сила и слабая ядерная сила), то константы этих законов должны были бы располагаться в узком диапазоне для того, чтобы когда-нибудь где-нибудь во Вселенной появилась жизнь. И вновь материалист должен будет оставить в качестве последнего непреложного факта то обстоятельство, что вечно существующая Вселенная и ее законы изначально обладали этими характеристиками. В то же самое время теист обладает простым последним объяснением того, почему вещи таковы, каковы они есть. Оно вытекает из его базисной гипотезы, которая, кроме того, позволяет ожидать и другие явления, которые мы описывали.

Правда, Бог мог сотворить людей и без длительного процесса эволюции. Но если мы предполагаем, что единственное основание для Бога творить что-либо – творить это что-либо для людей, то такое предположение есть на деле возражение против теистической гипотезы. Повторю свою ранее высказанную мысль: у Бога есть также основание создавать животных. Животные являются сознательными существами, которые наслажда-

ются жизнью и совершают намеренные действия, даже если они и не выбирают свободно при этом, какие действия совершать. Конечно, у Бога есть основание дать жизнь слонам и жирафам, тиграм и улиткам. В любом случае красота эволюции неодушевленного мира начиная с Большого Взрыва (или от вечности) была достаточным основанием для ее создания, даже если бы Бог был бы единственной личностью, созерцавшей эту красоту. Но он не был единственным. Мы сами сейчас способны восхищаться все более и более ранними стадиями космической эволюции благодаря нашим телескопам. Бог рисует широкими мазками и используя большой набор красок, и ему нет нужды скупиться на краску, которой он рисует прекрасную Вселенную.

Дарвин показал, что Вселенная – это машина для производства животных и людей. Но неправоммерно преувеличивать значение этих моментов так, как это делает Ричард Докинз: «наше собственное существование когда-то представляло величайшую из всех тайн, но... это уже больше не тайна... Дарвин и Уоллес раскрыли ее»⁶. Это неправоммерно потому, что игнорируется интересный вопрос о том, имеет ли дальнейшее объяснение само существование и действие этой машины, имеют ли дальнейшее объяснение те самые факторы, которые использовали Дарвин и Уоллес для объяснения нашего собственного существования. Я утверждал, что принципы рационального исследования предполагают, что имеют. Дарвин дал правильное объяснение существованию животных и людей, но, как я думаю, не последнее объяснение. Часы могли быть сделаны с помощью каких-то неразумных отверток (или даже неразумной машины по изготовлению часов), но их направлял очень разумный и обладающий ясным видением часовщик.

Стивен Хокинг высказал предположение, что Вселенная не является бесконечно старой, но у нее тем не менее не было начала и потому не было нужды в каком-то определенном начальном состоянии для того, чтобы появились животные и люди. Он предполагает, как и Эйнштейн, что пространство замкнуто, оно конечно, но не имеет границы. Трехмерное пространство подобно двумерной поверхности шара. Если вы двигаетесь в каком угодно направлении по поверхности шара, вы вернетесь к своей исходной точке с противоположной стороны. Возможно, что трехмерное пространство действительно таково, хотя по этому вопросу и нет согласия среди ученых. Однако Хокинг высказывает парадоксальное предположение, что это же верно и применительно ко времени⁷. Время замкнуто, потому что оно циклично – если вы проживете достаточно долго в будущем после 1995 г., то обнаружите, что движетесь из 1994 г. в 1995 г. (выгляда и чувствуя себя точно так же, как сейчас). Хокинг утверждает, что «реальная»

⁶ Dawkins R. *The Blind Watchmaker*. P. XIII.

⁷ Хокинг С. *От большого взрыва до черных дыр: Краткая история времени*. М.: Мир, 1990. С. 101.

проверка его предположения будет состоять в том, сможет ли его теория, содержащая такое предположение, сделать «предсказания, согласующиеся с наблюдениями». Но это не единственное испытание, которое должно выдержать его предположение. Как я отметил в главе 2, теория, которая приводит к противоречию, не может быть истинной, сколь бы успешной ни была она в предсказаниях. А «предположение», что время циклично, ведет, на мой взгляд, к противоречию. Из него следует, что «завтра» есть и до, и после «сегодня» (потому что если вы проживете достаточно долго после «завтра», то обнаружите себя в «сегодня»). Это в свою очередь означает, что я сегодня создаю завтрашние события, которые в свою очередь посредством длинной причинной цепи обуславливают мое существование сегодня. Однако возможно, во всяком случае логически (неважно, возможно ли это практически), что я мог бы сделать свободный выбор, отличающийся от того, что я делаю сегодня. И в этом случае я мог бы сделать выбор и поступить сегодня так, что мои родители не могли бы появиться на свет и потому я бы никогда не существовал – это противоречие. Циклическое время допускает возможность такого моего действия, которое может послужить причиной моего недействия. А поскольку это невозможно, то невозможно циклическое время. Говоря это, я не имею желания оспаривать правильность уравнений Хокинга, являющихся частью теории, предсказывающей наблюдения. Но я хочу оспорить словесную интерпретацию, которую Хокинг дает этим уравнениям.

То, как Хокинг использует свое «предположение», явствует из следующего отрывка:

Из представления о том, что пространство и время образуют замкнутую поверхность, вытекают также очень важные следствия относительно роли Бога в жизни Вселенной. В связи с успехами, достигнутыми научными теориями в описании событий, большинство ученых пришли к убеждению, что Бог позволяет Вселенной развиваться в соответствии с определенной системой законов и не вмешивается в ее развитие, не нарушает эти законы. Но законы ничего не говорят нам о том, как выглядела Вселенная, когда она только возникла – завести часы и выбрать начало все-таки могло быть делом Бога. Пока мы считаем, что у Вселенной было начало, мы можем думать, что у нее был Создатель. Если же Вселенная действительно полностью замкнута и не имеет ни границ, ни краев, то тогда у нее не должно быть ни начала, ни конца: она просто есть, и все. Остается ли тогда место для Создателя?⁸

Ответ теиста на этот отрывок двоякий. Во-первых, совершенно очевидно, что независимо от того, вмешивается ли Бог когда-либо в дела Вселенной с тем, чтобы нарушать ее законы, или нет, он в состоянии делать это. И продолжающееся действие этих законов проистекает из его сохранения их, из его выбора не нарушать их. И, во-вторых, если у Вселенной было начало, то именно Бог так или иначе положил ей начало. Если у Вселенной

⁸ Хокинг С. *От большого взрыва до черных дыр: Краткая история времени*. М.: Мир, 1990. С. 123.

не было начала, то единственным альтернативным утверждением будет утверждение о ее вечности. В этом случае можно считать, что Бог сохраняет ее бытие в каждое мгновение с теми законами, которые есть. Именно благодаря его выбору, совершаемому в каждое мгновение, Вселенная существует в это мгновение, а законы природы таковы, каковы они есть. Основания для того, чтобы считать такой теистический ответ Хокингу не просто возможным, но истинным, излагаются в данной книге.

Возражение может принять форму того, что известно как *антропный принцип*. Если бы Вселенная не являла тот порядок, который я описал (простые законы, воздействующие на материю так, что процесс эволюции приводит к появлению животных и людей), то просто не было бы живых людей, способных прокомментировать этот факт. (Если бы не было законов природы, то не было бы упорядоченно функционирующих организмов, и потому не было бы никаких людей). Нет поэтому ничего удивительного в том факте, что мы обнаруживаем порядок – возможно, и нельзя найти ничего другого. (Такое заключение очевидно является слишком сильным. Необходимо должен существовать порядок в наших телах и вокруг них для того, чтобы мы существовали и мыслили. Но вне Земли мог бы существовать хаос – до тех пор, пока бы этот хаос не начал затрагивать Землю. В мире гораздо больше порядка, чем необходимо для существования людей. Поэтому могли бы быть люди, способные прокомментировать указанный факт, даже если бы мир был гораздо менее упорядоченным местом, чем он есть).

Но даже если оставить в стороне это незначительное замечание, то все равно аргумент терпит полную неудачу по причине, которую лучше всего выразить посредством аналогии. Предположим, что какой-то сумасшедший похищает кого-нибудь и запирает его в комнате с машиной, тасующей карты. Машина тасует одновременно десять колод карт, затем вытаскивает по карте из каждой колоды и демонстрирует одновременно десять карт. Похититель говорит своей жертве, что он сейчас запустит машину и она покажет первый набор карт, но если этот набор не будет состоять из одних только тузов, то машина мгновенно произведет взрыв, который убьет жертву, и жертва не успеет увидеть, какие карты машина вытащила. Затем машина запускается, и, к удивлению и облегчению жертвы, машина демонстрирует тузы, вытащенные из каждой колоды. Жертва полагает, что этот экстраординарный факт нуждается в объяснении в том плане, что машину определенным образом сориентировали. Однако вновь появившийся похититель ставит под сомнение такое предположение. «Нет ничего удивительного, – говорит он, – в том, что машина вытаскивает только тузы. Ничего другого вы бы не увидели. Вас бы вообще уже не было бы, если бы были вытащены какие-то другие карты». Но, конечно же, права жертва, а не

похититель. Действительно, есть нужда объяснить такое экстраординарное явление, как вытаскивание десяти тузов. Такой своеобразный порядок, являющийся необходимым условием того, что вытасченный набор вообще может быть виден, делает видимое не менее экстраординарным и потому также нуждающимся в объяснении. Отправным пунктом для теиста является не то обстоятельство, что мы воспринимаем скорее порядок, чем беспорядок, а то, что есть порядок, а не беспорядок. Возможно, только благодаря наличию порядка мы способны знать сущее, но это не делает сущее менее экстраординарным и нуждающимся в объяснении. Действительно, каждый набор карт, как и всякая организация материи, в равной мере априорно невероятны – только случай определяет, что именно вытаскивается и организуется. Но если вещи организует какая-то личность, то у нее есть основания создавать какую-то одну организацию, а не другие (десять тузов; мир, налаженный таким образом, чтобы производить животных и людей). И если мы обнаруживаем такую организацию, то есть основание полагать, что ее создала какая-то личность.

Другой возражающий может отстаивать то, что называется *теорией многих миров*. Он может утверждать, что если есть триллионы и триллионы вселенных, демонстрирующих в совокупности все возможные виды порядка и беспорядка, то неизбежно, что среди них есть какая-то одна, управляемая простыми понятными законами, которые порождают животных и людей. С этим можно согласиться. Однако нет оснований предполагать, что есть какие-либо вселенные, кроме нашей. (Под «нашей вселенной» я понимаю все звезды и другие небесные тела, которые располагаются в определенном направлении на определенном расстоянии, сколь угодно большом, от нас. Это все то, что мы можем видеть в ночном небе, и все то, что слишком мало, чтобы быть видимым, а также все, что дальше этого). Всякий известный нам объект является наблюдаемым компонентом нашей Вселенной или объектом, постулируемым для объяснения таких объектов. Постулирование существования триллионов и триллионов иных вселенных, а не одного Бога, с целью объяснить упорядоченность нашей Вселенной, представляется верхом иррациональности.

Итак, есть наша Вселенная. Она характеризуется всеобъемлющим и всепроникающим временным порядком, соответствием природы формуле, которая отражена в научных законах, сформулированных людьми. Она началась таким образом (или вечно характеризуется такими свойствами), что возникла эволюция, приведшая к появлению животных и людей. Эти явления очевидно «слишком значимые», чтобы наука могла их объяснить. Перед ними наука останавливается. Они образуют обрамление самой науки. Я утверждал, что не рационально считать, что процесс объяснения должен останавливаться там, где останавливается наука, и потому нам следует

искать личностное объяснение существования Вселенной, ее соответствия закону, а также эволюционного потенциала Вселенной. Теизм предлагает именно такое объяснение. Это дает веские основания считать, что он истинен – в согласии с критериями, изложенными мною в главе 2. Обратите внимание, что я не постулирую существование «Бога зазоров», Бога, призванного объяснить то, что наука еще не объяснила. Я постулирую бытие Бога для объяснения того, что объясняет наука. Я не отрицаю объяснений науки, я постулирую бытие Бога для объяснения того, почему наука в состоянии предлагать объяснения. Сам успех науки в демонстрации того, насколько глубинно упорядочен естественный мир, дает весомые основания считать, что у самого этого порядка есть еще более фундаментальная причина.

Глава 5

КАКИМ ОБРАЗОМ СУЩЕСТВОВАНИЕ БОГА ОБЪЯСНЯЕТ СУЩЕСТВОВАНИЕ ЛЮДЕЙ

В предыдущей главе, рассуждая в общем виде об эволюционных процессах, являющихся причиной существования животных и людей, я не уделил должного внимания одному в высшей степени важному вопросу. Эволюционные процессы, разумеется, служат причиной существования животных и человеческих тел в силу тех законов природы (поддерживаемых, как я утверждаю, Богом), которые выявляются физическими науками. Но люди – это не только их тела. Люди (и высшие животные) – сознательные существа. У них есть мысли и чувства. У атомов нет мыслей и чувств. Однако сознание не может быть, как я собираюсь показать, свойством просто тела, свойством материального объекта. Оно должно быть свойством чего-то еще, связанного с телом. И это что-то я буду называть традиционным образом – «душа». В какой-то момент эволюционной истории тела сложных животных оказываются соединенными с душами, и это, как я намереваюсь показать, наука совсем не в состоянии объяснить. А теизм в состоянии объяснить это, поскольку Бог обладает возможностью и причиной соединить души с телами.

Прежде всего мне требуется описать явления и показать, что люди (и высшие животные) состоят из двух частей – тела, которое является материальной субстанцией, и души, которая является нематериальной субстанцией и которая наделена сознательной жизнью мышления и чувства. Я буду решать свою задачу применительно к людям, а затем кратко покажу, что сказанное относится и к высшим животным.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ДУШИ

Мир, как я показал в главе 2, состоит из субстанций. Столы и стулья, личности, нервные клетки и кости – все это субстанции. Субстанции обладают свойствами, они могут, например, быть коричневыми или квадратными,

а также вступают в отношения с другими субстанциями – например, находятся на расстоянии 10 футов от какого-то письменного стола или начинают свое существование позднее, чем этот стол. Какая-то конкретная субстанция, обладающая каким-то конкретным свойством или отношением к чему-либо в какой-то конкретный момент времени, представляет собой событие. Примерами могут служить мой галстук, являющийся зеленым в 8 часов 1 января 1995 г., или какой-то нейрон (нервная клетка), проводящая импульс (т. е. быстро разряжающая электричество) в 2 часа дня 2 января 1994 г. Субстанцией является все что угодно, если оно способно стать причиной события или если способно претерпеть изменение вследствие какого-либо воздействия. Так что наряду с материальными субстанциями, т. е. субстанциями, занимающими какое-то место в пространстве, могут существовать и нематериальные субстанции, не занимающие никакого места в пространстве. В данной книге я стремлюсь продемонстрировать, что есть Бог как такая нематериальная субстанция. А если существуют привидения и полтергейсты, то и они суть нематериальные субстанции. В этой главе я также намереваюсь показать, что существенная часть каждого из нас – это душа, являющаяся нематериальной субстанцией.

История мира – это всего лишь череда всех тех событий, которые когда-либо происходили. Если бы мы знали все события, которые произошли (какие субстанции существовали, какими свойствами они обладали и в какие отношения и с какими субстанциями они вступали и когда), то мы бы знали все, что когда-либо произошло.

Свойства и события могут быть физическими или ментальными. Под физическим событием я понимаю такое событие, в знании о котором никто не обладает необходимым преимуществом перед кем-либо еще. Физические события публичны, никто не обладает привилегированным доступом к ним. Так, то, что мой письменный стол является квадратным, представляет собой физическое событие потому, что всякий, а не только я (даже если я единственный, кто видел его) может убедиться в его квадратности. К числу физических событий относятся и мозговые события. Осуществил ли какой-нибудь нейрон в мозгу проведение импульса в определенное время – это могло бы наблюдаться многими людьми одинаково хорошо, и потому это представляет собой физическое событие. В противоположность физическим событиям ментальные события – это такие события, о которых особым образом может знать что-то лишь один человек, актуально переживая их. Этот человек обладает привилегированным доступом к данным ментальным событиям, и больше никто не обладает таким средством их познания.

Очевидно (и это очевиднее, чем что-либо еще), что действительно существуют ментальные события, поскольку нам это известно из собственного опыта. Такие события включают те или иные сочетания цветов в визуаль-

ном поле, боли и острые ощущения, верования, мысли и чувства. К ним также относятся те цели, которые я стремлюсь осуществить посредством своего тела или каким-то другим способом (об этом шла речь в главе 2). То, что я испытывал боль вчера в полдень; что в моем визуальном поле был какой-то образ красного цвета; что я думал о ланче или вынашивал планы отправиться в Лондон, – все это такие события, о которых если бы другие могли узнать каким-то способом, то и я бы мог узнать об этом этим же способом. Другие могут узнать о моих болях и моих мыслях посредством изучения моего поведения, а также, вероятно, посредством изучения моего мозга.

И я мог бы изучать свое поведение: я мог бы смотреть фильм о себе самом. Я мог бы изучать свой мозг посредством системы зеркал и микроскопов – так, как это мог бы сделать кто угодно. Однако я в состоянии познавать свои боли, мысли и т. п. способом, отличающимся от тех способов, которые доступны даже лучшим исследователям моего поведения или моего мозга: я актуально испытываю все это. Следовательно, эти боли и мысли должны отличаться от мозговых событий или каких-то других телесных событий. Нейрофизиолог не в состоянии наблюдать качество цвета в моем визуальном поле или ощущать остроту запаха ростбифа, который ощущаю я. Марсианин, который прилетел бы на Землю, захватил какого-либо человека и исследовал его, смог бы обнаружить все, что происходит в мозгу этого человека, но при этом по-прежнему задавался бы вопросом: «Действительно ли этот человек ощущает что-либо, когда я наступаю ему на ногу?»

Боли, образы, мысли, намерения наступают вслед за мозговыми событиями в качестве дальнейших фактов. Сходным образом такие (мозговые) события следует отличать от того поведения, которое они обычно порождают. Люди обладают ощущениями, которые они не выражают, – это боли, которые они скрывают, или сновидения, о которых они никому не рассказывают. А если ощущения порождают поведение, то человек, субъект ощущения, осознает ощущение как событие, отделенное от того поведения, которое оно порождает.

Я хочу подчеркнуть, что определяю ментальное как то, к чему субъект имеет привилегированный доступ. Есть много свойств, которыми мы наделяем людей и которые в определенных случаях можно назвать «ментальными», но это такие свойства, которые не являются ментальными в моем понимании, а представляют собою просто свойства публичного поведения. Когда мы говорим, что кто-то щедр, или раздражителен, или является источником полезной информации, то, возможно, мы говорим о способах поведения на публике, а не о том мышлении или чувствах, которые кроются за таким поведением. Мы, конечно, можем охарактеризовать раз-

дражительность как ментальное свойство, но это не ментальное свойство в указанном мною смысле.

Я хочу показать, что существуют ментальные события в том смысле, в каком я это понимаю, отличающиеся от мозговых событий. Утверждая это, я вовсе не собираюсь отрицать, что большинство ментальных событий во мне вызваны событиями в моем мозгу. Какое-то событие в моем мозгу (само обусловленное каким-то событием в моем зубе) вызвало зубную боль. А другое событие в моем мозгу (само вызванное движением ветки за окном) привело к верованию относительно того, что ветка шевельнулась. По сути подобно тому, как зажигание бензина отличается от взрыва, причиной которого оно служит, так и мозговое событие отличается от боли или чего-то другого, причиной которого оно является. Разумеется, причинное действие развертывается также и в другом направлении: мои намерения служат (непреднамеренно) причиной мозговых событий, которые в свою очередь вызывают движение членов моего тела (что является целью моих намерений).

Люди, в отличие от неодушевленных вещей, обладают ментальными свойствами, они обладают ментальной жизнью. Однако люди – это не только ментальная жизнь, соединенная с телом. Сама ментальная жизнь (утверждаю я сейчас) – это состояние нематериальной субстанции, души, которая соединена с телом. Воззрение, в соответствии с которым люди состоят из двух связанных между собой субстанций – тела и души – известно как «субстанциальный дуализм». Альтернатива такому воззрению – утверждение о том, что люди суть всего лишь тела (я есть то же самое, что довольно нечетко называется моим телом). В этом случае мои ментальные свойства, такие как страдание от боли или обладание образом, были бы свойствами моего тела. Назовем такое воззрение «субстанциальным монизмом». В соответствии с этим воззрением есть субстанции только одного вида – материальные субстанции. Если бы монизм был правильным воззрением, то история мира представляла собой всего лишь череду тех событий, которые связаны с материальными субстанциями, их возникновением и исчезновением, а также с их свойствами и отношениями (физическими или ментальными). Но отметим, что если бы мы и знали все это, то все равно нам была бы неведома одна из наиболее важных вещей: обладает или нет кто-либо из нас устойчивой и продолжительной сознательной жизнью.

Позвольте мне проиллюстрировать сказанное на примере трансплантации мозга. Мозг состоит из двух полушарий и мозгового ствола. Есть надежные свидетельства того, что люди способны выживать и вести себя как сознательные существа и тогда, когда какое-нибудь одно полушарие в значительной мере разрушено. А теперь представьте себе, что мой мозг (полушария плюс мозговой ствол) разделен надвое и каждая половина мозга вынута из черепа и пересажена в пустые черепа каких-то тел, из которых

только что вынут мозг. Кроме того, к каждой половине мозга добавлены от какого-то другого мозга (например, мозга моего близнеца) те части (например, мозговой ствол), которые необходимы для того, чтобы трансплантаты прижились и чтобы были две живые личности, обладающие сознательным опытом.

Я в полной мере осознаю, что столь сложная операция в настоящее время практически невозможна и, вероятно, никогда не будет возможной для ученых, обладающих лишь человеческими ресурсами. Вместе с тем я не вижу каких-либо непреодолимых теоретических трудностей, препятствующих подобной операции. (На самом деле я уверенно ожидаю, что когда-нибудь она будет проведена). У нас поэтому есть основания задать дальнейший вопрос. Если бы такая операция была осуществлена и появились бы две живые личности, обе способные к сознательному опыту, то какая из этих личностей будет мной? Вероятно, обе будут в какой-то мере вести себя таким же образом, как и я, и будут притязать на то, что обе являются мной и обе помнят то, что я делал. Ведь поведение и речь в значительной мере зависят от состояний мозга, и существуют значительные совпадения в «информации», которую несут оба полушария, отвечающие за поведение и речь. Однако ни одна из этих личностей не будет мной. Ведь если бы они были тождественны мне, это были бы совершенно одинаковые личности (если А тождественно В, а В тождественно С, то А тождественно С), а они не являются совершенно одинаковыми. Теперь у них различный опыт, и они живут различной жизнью. Остаются три другие возможности: личность с правой половиной моего мозга есть я; личность с левой половиной моего мозга есть я; ни одна из личностей не есть я. Но мы не знаем, какой из вариантов имеет место. Отсюда следует, что знание только о том, что происходит с мозгом или телом и вообще с чем-то материальным, не скажет нам о том, что же происходит с личностями.

Соблазнительно сказать, что установление того, какая из трех возможностей является правильной, есть дело произвольного выбора. Однако необходимо сопротивляться такому соблазну. Здесь речь идет об очень важном фактическом вопросе. В этом можно убедиться, если вообразить, что меня захватил какой-то сумасшедший хирург, который намеревается провести на мне операцию по расщеплению мозга. Он говорит мне о том (и у меня есть все основания верить ему), что личность, которая будет сформирована на основе левой половины моего мозга, будет вести весьма приятную жизнь, а личность, которую сформируют на основе правой половины моего мозга, окажется свергнутой в мучительную жизнь. Окажется ли моя будущая жизнь счастливой или мучительной, переживу ли я операцию — все это сугубо конкретные вопросы. (Только тот, кто находится в плену какой-нибудь мощной философской догмы, станет отрицать это). Пока я

ожидаю трансплантации и при этом точно знаю, что совершат с моим мозгом, я не в состоянии знать ответ на вопрос о том, что произойдет со мной. Возможно, ни одна из будущих личностей не будет мной – ведь возможно, что разрезание мозгового ствола навсегда уничтожит первоначальную личность, и что даже если восстановление поврежденного ствола приведет к появлению двух новых личностей, тем не менее ни одна из них не будет мной. Вероятно, я буду личностью, появившейся на основе левой половины. Но возможно, мной станет личность, сформировавшаяся на основе правой половины. Даже если какая-то из вновь появившихся личностей будет в большей степени напоминать меня характером и памятью, все же она, возможно, не будет мной. Я могу пережить операцию, но при этом измениться характером и утратить значительную часть моей памяти в такой мере, что какая-то другая личность в своем публичном поведении будет напоминать меня прежнего в большей степени, чем я сам.

Размышления над этим мысленным экспериментом показывают, что сколь бы много мы ни знали о том, что произошло с моим мозгом (мы можем даже знать точно, что произошло с каждым его атомом) и со всякой другой материальной частью меня, мы не будем при этом с необходимостью знать, что же произошло со мной. Отсюда следует, что я нечто большее, чем материя, из которой состоят мои тело и мозг. Наряду с материальной частью есть и некая существенная нематериальная часть, которая в своем продолжающемся существовании делает связанный с ней мозг (и тело) моим мозгом. Это нечто (эту часть) я и называю традиционным словом «душа». Я есть моя душа плюс мозг (и тело), с которым она соединена. Обычно моя душа уходит, когда уходит мой мозг, однако в некоторых необычных обстоятельствах (таких как расщепление моего мозга) нет определенности относительно того, куда она уходит.

Или возьмем несколько иной пример. Я умираю от мозгового кровотечения, перед которым врачи сегодня бессильны, а мои родственники берут труп и сразу же подвергают его глубокому замораживанию в Калифорнии. Вскоре после этого происходит землетрясение, в результате которого мой замороженный мозг расщепляется на множество частей, и некоторые из них оказываются утраченными. А пятьдесят лет спустя (в условиях улучшенной медицинской технологии) мои потомки берут части моего разрушенного трупа, размораживают и собирают их воедино, восполняя недостающие компоненты. Тело становится телом живой личности, которая ведет себя похожим на меня образом и помнит многое из моей прошлой жизни. Воскрес ли я к новой жизни или нет? Возможно да, возможно нет. Сколь бы много мы ни знали, что произошло с моим мозгом, это не даст надежного ответа на вопрос о том, пережил ли я это кровотечение так, как бы мне этого хотелось. Мое выживание заключается в продолжении суще-

ствования чего-то еще, что я называю душой, связанной с моим предыдущим телом. И я выживу в этом новом теле, если и только если эта душа соединена с этим новым телом.

Обратите внимание, что мы вправе поставить еще один дополнительный вопрос о том, какого рода ментальная жизнь связывается с мозгом. Но это вопрос не о ментальных свойствах и не о том, какими мыслями, чувствами и целями обладает возрожденная личность. Скорее, этот дополнительный вопрос связан с истиной относительно того, выжил ли я; это истина о том, в ком, т. е. в какой субстанции воплотились указанные (ментальные) свойства. А поскольку простое знание о том, что произошло со всеми материальными субстанциями, не раскрывает мне эту истину, то она должна быть истиной о какой-то нематериальной субстанции. Сохранение у меня мыслей, чувств и целей указывает на то, что я выжил после операции вне зависимости от того, что произошло с тем или иным материальным компонентом меня. Таким образом, душа является сущностной частью меня, поскольку ее выживание обеспечивает мое выживание. А мысли, чувства, цели и т. п. принадлежат мне в силу того, что принадлежат моей душе. Душа есть сущностная часть человеческой личности.

Дуализм не является сегодня популярным философским воззрением, однако я считаю, что указанные доводы в его пользу (причем совершенно нетеологического характера) говорят сами за себя. Мы опустим что-то чрезвычайно важное в истории мира, если ограничимся только рассмотрением того, как одни физические события следуют за другими физическими событиями. В высшей степени важно обратиться к тому, как люди мыслят и чувствуют. И столь же важно знать, кто думал и чувствовал – знать, когда умер тот или иной человек, и когда родился другой.

Конечно, мы обычно знаем ответы на такие вопросы. У меня нет намерения подвергать сомнению суждения здравого смысла о том, обладает ли тот или иной человек сознанием и кто он. Наши наблюдения за телами обычно показывают, когда люди остаются самими собой и что они чувствуют. Если ребенок вскрикнул, уколовшись иголкой, то значит, ему больно. Однако если похожий на человека организм, изготовленный искусственным образом, или инопланетянин, издает какой-то звук, когда его уколют, то вовсе не очевидно, что он испытывает боль. Разумеется, наблюдаемый сегодня человек с его телом, чей мозг не подвергся операции и чье поведение сходно с поведением этого же человека вчера, есть одна и та же личность. Но если человек (не говоря уже о существах с далеких планет) подвергся серьезной мозговой операции, то совсем не ясно, имеем ли мы дело с тем же самым человеком. Эти примеры показывают, что испытывать боль и быть уколотым иглой – различные события, а тождественность личности отличается от тождественности тела. Полная история

мира будет включать и рассказ о чувствах, и рассказ о мозговых событиях. Она будет также включать и рассказ о личностях с их душами, являющихся по существу нематериальными, и рассказ о телах.

Эти аргументы, показывающие, что люди состоят из двух частей – тела и души, – показывают и то, что всякое создание, обладающее ментальной жизнью, также состоит из двух частей. Те же вопросы, что возникают относительно человека, возникают и относительно шимпанзе или кошки. Если какая-либо кошка должна подвергнуться серьезной операции на мозге, то встает вопрос о том, есть ли у кошки основания опасаться тех плохих состояний или ожидать те приятные состояния, которые будут у послеоперационной кошки. На этот вопрос нельзя ответить достоверно посредством только знания о том, что произошло с каждой молекулой мозга данной кошки. Поэтому мы должны выдвинуть постулат о кошачьей душе, являющейся сущностной частью кошки. Сохранение этой души обеспечивает сохранение кошки. Только в случае с животными, лишенными мышления и чувства, не возникает указанного вопроса, и нет нужды предполагать существование нематериального компонента в таких животных. Конечно, души людей обладают некоторыми способностями, отличающимися от способностей высших животных (у людей наличествуют такие виды мышления, например моральное или логическое, которых нет у животных; люди способны ставить такие цели, например решить уравнение, которые не могут ставить животные). Вместе с тем мои рассуждения показывают, что у животных, обладающих мышлением и чувством, есть нематериальная душа, являющаяся их сущностным компонентом.

И подобно тому, как я не имею желания отрицать, что мозговые события вызывают ментальные события, я не буду отрицать, что события, происходящие в мозгу, играют определенную роль в обусловливании существования душ. На какой-то стадии животной эволюции мозг животного стал столь сложным, что это привело к появлению связанной с ним души. А продолжающееся развитие и функционирование мозга поддерживало существование души. И по мере эволюционного движения сходная сложность приводит к появлению сходных душ.

Связь, которая устанавливается между отдельной душой и отдельным мозгом, носит причинный характер. События в данном конкретном мозгу служат причиной событий в данной конкретной душе, а события в данной конкретной душе служат причиной событий в данном конкретном мозгу. Такова связь между данным конкретным мозгом и данной конкретной душой.

На какой стадии эволюционного процесса впервые у животных появились души и тем самым появилась и ментальная жизнь? Мы не знаем этого. Однако поведение млекопитающих отчетливо указывает на наличие ментальной жизни. Я полагаю, что все позвоночные обладают ментальной

жизнью, поскольку все они обладают мозгом, сходным с человеческим мозгом, который, как мы знаем, вызывает в нас ментальную жизнь, а их поведение лучше всего объясняется в терминах обладания ими чувствами и верованиями. Собаки, птицы и рыбы – все испытывают боль. Но нет никаких оснований наделять ментальной жизнью вирусы и бактерии, а по моему мнению, также и муравьев, и жуков. У них нет такого мозга, как у нас, и нам незачем наделять их чувствами и верованиями для того, чтобы объяснить их поведение. Отсюда следует, что в какой-то определенный момент в истории эволюции появилось нечто совершенно новое – сознание, ментальная жизнь, которую следует анализировать в терминах души, обладающей ментальными свойствами.

Нежелание столь многих философов и ученых признавать, что в определенный момент эволюционной истории появились соединенные с животными телами души с их ментальными свойствами, проистекает отчасти, на мой взгляд, из того обстоятельства, что они совершенно не в состоянии объяснить, как такое произошло (если оно произошло). Однако совершенно иррационально утверждать, что чего-то нет только потому, что мы не в состоянии объяснить, как это нечто появилось.

Следует принять это в качестве очевидного факта. А если мы не можем объяснить его, то нужно быть смиренными и признать, что мы не всеведущи. Я выскажусь следующим образом. Наличие душ и ментальной жизни не может получить того вида объяснения, которое используют естественные науки посредством обращения к неодушевленным процессам. А у теиста есть объяснение на сей счет.

ОТСУТСТВИЕ НАУЧНОГО ОБЪЯСНЕНИЯ

Поскольку мозговые события вызывают ментальные события, а ментальные события вызывают мозговые события, то ученые могли бы, вероятно, составить длинный перечень подобных причинных связей – у людей, по меньшей мере. В этом перечне указывалось бы, что мозговые события определенного вида вызывают синие образы, а мозговые события другого вида – красные образы; мозговые события одного вида приводят к верованию, что $36 \times 2 = 72$; а мозговые события другого вида вызывают сильное желание выпить чаю; а цель съесть пирожное вкупе с верованием, что оно находится в буфете, вызывает мозговое событие, которое служит причиной движения ног в направлении буфета. И т. п. Возможно, но лишь возможно, также, что ученые могли бы указать, какой примитивный мозг породил сознание, т. е. души. Это «лишь возможно» связано с тем, что нашим единственным основанием считать какой-то другой организм сознательным (будь то какое-либо животное, чье тело было сформировано обычным на

Земле половым путем, будь то какое-то создание на другой планете или машина, созданная на заводе) является сходство с нами в поведении и в организации мозга. У нас нет независимого способа установить, обладает ли такой организм сознанием. А когда сходство, скажем, между лягушками и людьми не выражено отчетливо, то вовсе не очевидно, что данные животные обладают сознанием. Но давайте оставим в стороне трудности, связанные с установлением подобных вещей, и предположим, что у нас есть перечни причинных связей между мозговыми событиями и ментальными событиями, а также есть перечни того, какие виды примитивного мозга порождают сознание, т. е. порождают души, в которых мозговые события вызывают ментальные события, а ментальные события вызывают мозговые события.

Итак, есть определенные явления. Проблема в том, как объяснить их. Почему образование мозга, столь же сложного или более сложного, чем мозг какого-то животного (вероятно, какого-то раннего позвоночного), порождает сознание, т. е. душу с ее ментальными состояниями? И почему мозговые события вызывают те ментальные события, которые они вызывают? Почему мозговое событие одного вида служит причиной синего образа, а мозговое событие другого вида – красного образа, а не наоборот? Почему употребление шоколада служит причиной мозговых событий, которые вызывают вкус, называемый нами шоколадным, а не вкус, называемый ананасовым? Это напоминает ситуацию, когда у нас есть простой перечень предложений на иностранном языке, являющихся переводом соответствующего ему перечня предложений на английском языке, но при этом нет грамматики или словаря, с помощью которых можно было бы проверить правильность перевода. Кроме того, при отсутствии грамматики и словаря мы не в состоянии перевести ни одного нового предложения.

Для того чтобы предложить неодоушевленное объяснение таких явлений, нам требуется научная теория отношений между душой и телом, которая удовлетворяла бы критериям, указанным в главе 2. Она должна содержать несколько простых законов, из которых бы следовало, что данный нерв, компьютер или какая-то другая материальная система порождает душу, а иной нерв, компьютер или материальная система не порождает ее; следовало бы, далее, что данное мозговое событие вызывает красный образ, а другое – синий образ; следовало бы также, что данное мозговое событие ведет к мысли о том, что Россия является огромной страной, а другое мозговое событие – мысль о том, что у каждого человека есть свое призвание. И так далее. Искомая теория, таким образом, дала бы нам возможность предсказывать, какие новые мозговые события породят определенные новые ментальные события, а также возможность предсказывать, какие новые виды машин будут обладать чувствами, а какие – нет.

Теория в механике способна объяснять разнообразное множество механических явлений благодаря тому, что все законы механики имеют дело с одним и тем же сортом вещей: это материальные объекты, их масса, форма, размер, положение, а также изменение массы, формы, размера и положения материальных объектов. Материальные объекты отличаются друг от друга этими измеряемыми свойствами (один объект в два раза превосходит другой массой или в три раза длиной). В силу того, что такие свойства измеряемы, мы можем иметь общие законы, которые соотносят два или более измеряемых количества в любых телах посредством математической формулы. Мы можем не ограничиваться простой констатацией того, что если объект с такой-то массой и с такой-то скоростью сталкивается с объектом с какой-то другой массой и с какой-то другой скоростью, то результат будет таким-то и таким-то. И так применительно к бесчисленным различным объектам.

Теория отношения между душой и телом должна иметь дело с очень разнообразными предметами. Масса и скорость, электрические и прочие физические свойства материальных объектов полностью отличаются от ментальных (приватных) свойств мышления и чувства, присущих душе. Физические свойства измеряемы. Так, мозговые события отличаются друг от друга участвующими в них химическими элементами (отличия которых друг от друга можно измерить), а также скоростью и направлением передачи электрического заряда. В то же время отличия мыслей друг от друга не измеряемы. Одна мысль не превосходит другую в два раза по значению. Таким образом, не может быть общей формулы, показывающей воздействие различий в свойствах мозговых событий на ментальные события, поскольку различия между первыми измеряются, а различия между вторыми – нет. Сказанное о мыслях относится и к ментальным событиям других видов. Желание съесть ростбиф не отличается в два раза от желания съесть шоколад. (Разумеется, причины, лежащие в основе одного желания, могут быть в два раза сильнее, чем причины, лежащие в основе другого желания, но это не одно и то же).

Итак, не может быть общей формулы, показывающей, каким образом определенные вариации в мозговых событиях произвели изменения в желаниях. Мы можем иметь только перечисление того, какие изменения в мозгу вызвали те или иные изменения в желаниях. А поскольку ощущения, мысли и т. п. не отличаются измеряемым образом от других ощущений и мыслей, то тем более очевидно, что ощущения не отличаются измеряемым образом от мыслей, а цели – от верований. И поэтому не может быть вытекающего из общей формулы объяснения того, почему данное мозговое событие было вызвано определенной целью, почему какое-то мозговое событие привело к появлению верования, а другое мозговое событие обусловило вкус шоколада.

Виды свойств, которыми время от времени обладают материальные объекты и души, не просто отличаются друг от друга. Очевидно, что материальные объекты суть совершенно иные виды вещей, чем души. Души не отличаются друг от друга или от чего-то еще тем, что состоят из большего или меньшего количества вещества. И это еще одна причина того, что не может быть общей формулы, соотносящей возрастание сложности мозга с появлением души. Нейронные сети могут становиться все более и более сложными, но не может быть формулы, в соответствии с которой какая-то определенная степень сложности не порождает душу, а другая, чуть большая степень сложности – порождает. Душа или есть, или ее нет (то или иное создание либо обладает каким-то чувством и сознанием и потому обладает душой, либо у него нет чувства, нет сознания и потому нет и души). Все это не подлежит измерению. В силу таких причин не может быть объяснения у корреляции души и мозга, не может быть науки, исследующей эту корреляцию. Возможен лишь длинный перечень необъяснимых причинных связей.

Но разве наука постоянно не удивляет нас новыми открытиями? История науки полна различными «редукциями», когда какая-либо отрасль науки в целом сводилась к другой, казавшейся совершенно от нее отличной, а также полна случаями «интеграции» казавшихся весьма различными наук в какую-то супернауку. Термодинамика, изучающая тепло, была редуцирована к статистической механике, имеющей дело со скоростями больших групп частиц материи и столкновениями между ними. Температура газа оказалась средней кинетической энергией его молекул. Оптика была редуцирована к электромагнетизму; свет оказался электромагнитной волной. И отдельные науки, изучавшие электричество и магнетизм, образовали вместе супернауку, исследующую электромагнетизм. Как же происходят подобные крупномасштабные интеграции, если верно мое рассуждение о том, что не может быть супернауки, способной объяснить как ментальные, так и мозговые события?

Существует принципиальное различие между этими случаями. Всякая предыдущая интеграция в супернауку отдельных наук, изучавших очевидно качественно различные сущности и свойства, достигалась посредством указания на то, что в реальности эти сущности и свойства являются не такими, какими казались. Проводилось различие между лежащими в основе явлений материальными сущностями (непосредственно ненаблюдаемыми) и физическими свойствами, с одной стороны, и порождаемыми ими чувственно воспринимаемыми свойствами – с другой. Термодинамика первоначально занималась законами температурного обмена, а температура считалась свойством, присущим объекту, которое мы ощущаем, когда прикасаемся к этому объекту. Ощущаемый жар горячего тела действительно

качественно отличается от скорости и столкновений частиц. Редукция к статистической механике достигалась посредством проведения различия между глубинной причиной жара (движением молекул) и теми ощущениями, которые движение молекул вызывает в наблюдателе. При этом утверждалось, что именно первое, т. е. движение молекул, и есть в действительности температура, а ощущения – всего лишь воздействие температуры на нас как на наблюдателей. При таком подходе температура попадает в сферу статистической механики, так как молекулы суть частицы, а сущности и свойства уже не относятся к различным видам. Поскольку две указанные науки теперь имели дело с сущностями и свойствами одного и того же (измеряемого) вида, то редукция одной науки к другой стала практически осуществимой. Однако редукция достигалась за счет отделения ощущаемого жара от его причин, а объяснение получили лишь эти последние.

Все прочие «редукции» одной науки к другой, а также «интеграции» отдельных наук, имеющих дело с весьма различными воспринимаемыми свойствами, достигались посредством отрицания того, что воспринимаемые свойства (такие как «вторичные качества» цвета, тепла, звука, вкуса), с которыми имела дело та или иная наука, вообще принадлежат физическому миру. Такие свойства отбрасывались в мир ментального. Но мы не можем поступать так, если имеем дело с самими ментальными явлениями. Если мы хотим объяснить сами ментальные явления, мы не можем провести различие между ними и лежащими в их основе причинами, а затем дать объяснение только этим последним.

На деле огромный успех науки в разработке физико-химической теории был достигнут за счет отделения от физического мира цветов, запахов, вкусов и рассмотрения их в качестве исключительно частных чувственных явлений. История науки свидетельствует, что путь интеграции наук связан с игнорированием ментального. Физический мир управляется простыми законами; это значит, что материальные объекты обладают одними и теми же простыми способностями и предрасположенностями. Способ выявления этих законов заключается в игнорировании ментального. Успех интеграции и в области физики, и в области химии – это как раз то, что очевидно исключает окончательный успех в деле интеграции мира сознания и мира физики.

Как мы видели в главе 4, дарвиновская теория эволюции способна предоставить объяснение эволюции человеческих и животных тел посредством механизма естественного отбора, хотя это не будет, как я утверждал, каким-то окончательным объяснением. Вместе с тем дарвиновское объяснение способно столь же хорошо объяснить эволюцию неодушевленных роботов. А что может сказать нам дарвинизм о том, каким образом тела оказались соединенными с сознанием, т. е. с душами? Естественный отбор – это

теория уничтожения, она объясняет, почему столь многие из вариантов, предложенных эволюцией, оказались уничтоженными – это произошло потому, что они были непригодны для выживания.

Однако эта теория не объясняет, почему такие (уничтоженные) варианты вообще появились. В случае с физическими вариантами (такими как длина шеи жирафа) есть, несомненно, адекватное объяснение в терминах мутации (случайного химического изменения), в результате которой появился новый ген со свойствами, способными обусловить возникновение нового варианта в соответствии с базовыми законами химии. Но ведь мы ставим проблемы объяснения того, почему какое-то физическое состояние обусловило появление душ, наделенных такими ментальными свойствами, как верования, желания, цели, мысли и ощущения. Дарвинизм непригоден для решения данной проблемы.

Дарвиновская теория может, однако, оказаться пригодной для решения другой проблемы и совершенно определенно будет полезна в случае с какой-то третьей проблемой. Но ни одну из этих проблем нельзя смешивать с изначальной. Первая из дополнительных проблем – это проблема того, почему обладающие сознанием животные выжили, впервые появившись в процессе эволюции. Дарвиновская теория могла бы показать, что обладающие сознанием организмы имеют какое-то преимущество в борьбе за выживание в сопоставлении с бессознательными организмами, запрограммированными реагировать на среду стандартным образом. Трудно понять, в чем оно может заключаться, но, возможно, такое преимущество есть.

Вторая дополнительная проблема способна получить в дарвинизме отчетливый и, на мой взгляд, правильный ответ. Вот она. Допустим, что существуют связи между сознанием и мозгом, а также допустим, что организмы с ментальной жизнью имеют преимущество в борьбе за выживание. Почему же мозговые события, которые обуславливают ментальные события и обуславливаются ментальными событиями, соединены с прочими телесными и внетелесными событиями именно так, как они соединены? Возьмем верования. Какое-то мозговое событие вызывает верование относительно присутствия стола. Данное мозговое событие вызывается нервным импульсом, идущим по зрительному нерву от глаза, когда в глазу при помощи лучей света, исходящих от стола, формируется образ стола. Но в процессе эволюции могло появиться животное, в котором мозговое событие, обуславливающее верование относительно стола, вызывалось бы совершенно другими событиями во внешнем мире. Почему все-таки существуют данные конкретные связи между мозгом и внешним миром? Ответ очевиден: у животных больше шансов выжить, если их верования в общем и целом истинны. Ложные верования – например, насчет местоположения пищи или хищников – приведут к быстрому исчезновению в борьбе за пищу или в ходе борьбы с хищниками.

Если мы будем считать, что стола перед нами нет, а он на самом деле есть, то мы споткнемся о него и упадем и т. п. Те, в ком мозговые состояния, порождающие верования, связаны причинными цепочками с внешним миром таким образом, что причинная цепь обычно активизируется определенным состоянием дел, которое, в свою очередь, порождает верование о том, что имеет место именно такое состояние дел, – такие индивиды обычно обладают истинными верованиями относительно мира и, как следствие, имеют больше шансов выжить. Предположим, что у меня есть желания, вызванные мозговыми событиями. С эволюционной точки зрения, одни желания в определенных обстоятельствах приносят преимущества скорее, чем другие желания в других обстоятельствах. Желание получить пищу, когда я голоден, имеет преимущество перед желанием пищи в условиях, когда я сыт. Таким же образом можно объяснить, почему мозговые события, порожденные определенными целями, вызывают желаемые движения тела. Если бы при попытке произвести движение ногами начали вместо этого двигаться мои руки, то хищник очень скоро настиг бы меня. Однако такое правильное объяснение того, каким образом (при принятии того, что мозговые события вызывают ментальные события) мозг соединен посредством нервов с остальным телом, не объясняет вместе с тем, каким образом мозговые события вызывают ментальные события. А это совершенно иная проблема. Сходным образом можно высказаться и о проблеме того, почему ментальные события вызывают мозговые события.

Резюмируя, можно, таким образом, утверждать, что эволюция ментальной жизни животных (т. е. животных, обладающих душой, в которой происходят определенные ментальные события) включает:

а) существование определенных физико-ментальных связей (определенные физические события вызывают существование душ, наделенных определенными ментальными свойствами, и наоборот);

б) существование животных, обладающих мозгом, состояния которого порождают души, дающие преимущества в борьбе за выживание;

в) эволюцию, осуществляющую отбор животных, мозг которых «скрепляет» определенным образом их тела.

Указанные дарвинизмом механизмы способны объяснить (в) и, возможно, (б). Однако ни дарвинизм, ни какая-либо другая наука не обладают весомыми шансами на объяснение (а). Зарождение наиболее новаторских и поразительных свойств животных (их сознательная жизнь, реализующаяся в чувстве, способности выбора и в разуме) находится, как кажется, полностью вне сферы компетенции науки.

Но существуют и такие причинные связи между душой и мозгом, не проистекающие из способностей и предрасположенностей материальных объектов, которые наука в состоянии объяснить. Это причинные связи между

теми или иными конкретными видами мозговых событий и конкретными видами ментальных событий, а также причинные связи между мозговыми событиями и самим существованием души.

Я должен, однако, внести уточнение в последнее утверждение. Вполне возможно, что определенные изначальные мозговые состояния служат причиной существования души: когда мозг зародыша достигает определенной стадии развития, он дает толчок к появлению связанной с ним души. Вместе с тем этот мозг не может причинно определять, какая именно душа будет с ним соединена. То обстоятельство, что *моя* душа соединяется с данным мозгом, а *ваша* душа соединяется с другим мозгом, – это обстоятельство не обусловлено свойствами данного конкретного мозга, молекул данного конкретного зародыша, определяемыми данными конкретными генами. Дело может обстоять, скорее, обратным образом. Вы и я могли оказаться связанными с мозгом способом, противоположным тому, каким мы связаны сейчас, и это обстоятельство было бы в равной мере совместимо со всеми закономерностями отношений между рассматриваемыми видами событий (данной организации мозга и существованием души), которые могла бы установить наука. Просто нельзя себе представить какое-то возможное научное открытие, которое объясняло бы, почему это произошло таким способом, а не другим. Как только соединение мозга и души произошло, мы оказываемся связанными с каким-то конкретным мозгом. Будучи соединенным с мужским мозгом, я приобретаю мужские мысли. Однако данное обстоятельство не имеет никакого отношения к вопросу о том, почему «я» еще не сформировавшегося характера оказалось подходящим для мужского, а не для женского мозга. Здесь наука просто останавливается.

ТЕИСТИЧЕСКОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ

Теизм способен дать объяснение того, о чем шла речь выше. Всемогущий Бог в состоянии соединить души с телами. Он в состоянии реализовать сочетание конкретных мозговых событий и конкретных ментальных событий. Он способен сделать это, наделив молекулы, образующие мозг, способностью вызывать ментальные события в душе, с которой соединяется мозг, а также наделив эти молекулы предрасположенностью реализовывать те цели, которые ставит душа, с которой соединяется мозг. (Это новые способности и предрасположенности, они не присущи тем обычным молекулам, которые изучаются химией). Бог способен создать прежде всего души, а затем выбрать тот мозг (и тем самым и тело), с которым должна соединиться та или иная душа в тот момент, когда мозговые события, происходящие в зародыше, требуют, чтобы с мозгом была соединена душа.

У Бога есть веское основание вызвать к существованию души и соединить их с телами. Оно заключается в благости существования наделенных телом животных и людей, способных испытывать приятные ощущения, удовлетворять свои желания, обладать верованиями относительно мира, а также формировать, исходя из этих верований, свои цели, могущие изменять что-то в мире. Все это предполагает существование регулярных и устойчивых связей между ментальными событиями и мозговыми событиями. Мы не будем в состоянии осуществить какое-либо устойчивое изменение в мире, если каждый раз при попытке произвести движение ногой, мы будем получать какой-то новый результат – один раз это будет движение руки, в другой раз мы чихнем и т. п. Сходным образом, для того чтобы мы были в состоянии провести различие между двумя объектами, они должны выглядеть (ощущаться и т. п.) различно, и поэтому должна быть регулярная причинная связь между мозговыми событиями, вызываемыми объектами того или иного вида, и ментальными визуальными впечатлениями от этих объектов. А если мы обладаем чудесной способностью воспроизводства, то должны быть регулярные связи между нашими сексуальными актами, зародышем, который возникает в результате этих актов, и той или иной душой, соединяющейся с данным зародышем. У Бога есть основание устанавливать все такие связи. У него может быть и основание соединить данную душу с данным телом, но если нет основания соединить эту душу с этим, а не каким-то другим телом, то есть основание прибегнуть к «ментальной лотерее» с тем, чтобы осуществить то или иное соединение, т. е. сделать его делом случая.

Совершенно благой Бог любит свои создания, причем создания различного рода, включая и создания, которые обладают ограниченным набором целей и верований, такие как крысы и собаки. У Бога вместе с тем есть особое основание для создания людей. Люди отличаются от высших животных теми видами верований и целей, которыми они обладают. Мы обладаем, к примеру, моральными верованиями, верованиями относительно нашего собственного происхождения, а также фундаментальными математическими теориями. Мы в состоянии рассуждать, переходя от одного предмета к другому, в состоянии основывать одни верования на других (мы приобретаем какое-то определенное верование относительно римлян в силу того, что в Чичестере нашли определенную вещь). Кроме того, наши цели – это не просто те или иные цели, непосредственно связанные с получением еды или питья, а цели, заключающиеся в создании сложных машин, строительстве красивых зданий. Это цели, состоящие в изменении самих себя и друг друга, т. е. в формировании у себя такого характера, который будет естественным образом побуждать нас совершать какие-то одни действия и не совершать другие.

Я считаю, кроме того, что люди обладают (я указал на это в главе 1) свободой воли, т. е. наши цели не определяются полностью состояниями нашего мозга или чем-то еще. При осуществлении какого-либо выбора мы уверены, что от нас зависит, каким будет этот выбор. Здесь я должен кратко коснуться возражения, которое может возникнуть у читателя. Разве мозг не является обычным материальным объектом, в котором действуют обычные научные законы? В таком случае разве может человек свободно выбирать, произвести движение рукой или вообще совершить какое-то публичное действие, не нарушая при этом научные законы? Ведь человек производит движение рукой и вообще делает что-то публично при участии (ненамеренно) соответствующего мозгового события. Тем самым он намеренно осуществляет публично наблюдаемое движение. Поэтому, если люди обладают свободой воли, не означает ли это, что они в состоянии воспрепятствовать действию в мозгу обычных научных законов?

Наш ответ заключается в том, что мозг совершенно очевидно не является обычным материальным объектом, поскольку, в отличие от обычных материальных объектов, он порождает души и их ментальную жизнь. Поэтому у нас нет оснований с необходимостью предполагать, что он тотально управляется теми обычными законами физики, которые применимы к обычным материальным объектам. А второй ответ состоит в том, что даже если мозг управляется теми же самыми законами, которыми управляются другие материальные объекты, то и это совместимо с тем, что люди обладают свободой воли. Это так потому, что одна из двух крупнейших теорий современной физики, квантовая теория, указывает, что физический мир на микроуровне не являет полностью детерминистского характера. Поведению атомов, а также электронов, протонов, фотонов и других элементарных частиц, из которых состоят атомы, присущ элемент непредсказуемости. Эта непредсказуемость не проистекает из ограниченности человеческой способности предсказывать последствия их поведения. Если квантовая теория истинна, эта ограниченность предсказуемости есть ограниченность той меры, в какой у поведения материальных объектов могут быть четко определенные последствия, ограниченность той меры, в какой физический мир является детерминистским. Нельзя точно предсказать, как будет двигаться тот или иной электрон или протон, несмотря на то, что зачастую вероятность движения по какому-то одному пути выше, чем вероятность движения по другому пути. Сходным образом атомы одного вида зачастую «распадаются», превращаясь в атомы другого вида. Квантовая теория в состоянии сказать нам лишь то, насколько вероятно, что атом, скажем, радия распадется за какое-то данное время, но не когда точно это произойдет. И хотя подобная непредсказуемость на атомарном уровне обычно не порождает значимой непредска-

зумеости в более крупном масштабе, последнее может произойти. Мы могли бы сконструировать машину, которая делала бы так, что если какой-то атом распался в пределах данного времени, то произошел бы взрыв атомной бомбы. В противном случае взрыв не произойдет. В этом случае при конструировании такой машины мы были бы не в состоянии предсказать, произойдет взрыв бомбы или нет.

Мозг также представляет собой сложную машину, которая усиливает незначительные изменения, и дело здесь может обстоять следующим образом: непредсказуемые незначительные изменения в мозгу – это изменения, которые обуславливают наше мышление и наше наблюдаемое поведение. В таком случае, когда люди ставят себе цели подумать о чем-то или повести себя определенным образом, то тем самым они осуществляют те не предсказуемые наукой незначительные изменения, которые, в свою очередь, служат причиной мышления и поведения. Таким образом, люди способны реализовывать свободу воли, не сопровождая это каким-либо нарушением физических законов, которые управляют мозгом. Данные два ответа указывают на то, что нет оснований полагать, исходя из физики, что применительно к свободному человеческому выбору дела обстоят не как это кажется.

Итак, у людей есть значительные возможности для приобретения истинных и глубоких верований относительно мира. У нас есть также значительные возможности не только для многообразного и сложного оформления своей среды, но и для формирования самих себя. Ведь мы в состоянии делать очень разнообразный по своему характеру выбор между добром и злом, а наш выбор оказывает очень ощутимое воздействие на мир. У щедрого Бога есть основание для создания таких существ, как люди.

Свидетельства, представленные в данной главе, указывают на то, что существование душ и их связь с телами не являются следствием физических процессов, зафиксированных в природных законах. Мозг зародыша оказывается наделенным какими-то новыми способностями, какими-то новыми способностями оказывается наделенной и душа, с которой соединяется этот мозг. Это способности, у которых нет научного объяснения. Существование Бога – простая гипотеза, которая с определенной вероятностью заставляет ожидать существование явлений, о которых шла речь в предыдущей главе. Эта же гипотеза заставляет нас ожидать и существование тех явлений, о которых идет речь здесь. И потому эти явления служат еще одним свидетельством в пользу существования Бога.

Способности мозга и его предрасположенность реализовывать эти способности при получении нервных импульсов от глаза дают полное объяснение того, почему у меня есть синий образ. Эти способности созданы и сохраняются Богом, и потому его действие служит последним объяснением наличия синего образа. Действие Бога дает также последнее объяснение

наличия души (и того, что это скорее моя душа, а не чья-либо еще), которая соединяется с данным телом. В соответствии с довольно распространенным (хотя и не общепризнанным) христианским учением, Бог действует в мире посредством «вторичных причин» (т. е. естественных процессов), однако он вмешивается и действует напрямую для того, чтобы создавать человеческие души и соединять их с телами. Я вышел за рамки такого учения ради утверждения о том, что это же верно и применительно к душам высших животных.

Глава 6

ПОЧЕМУ БОГ ДОПУСКАЕТ ЗЛО

Наш мир – ниспосланный свыше, провиденциальный мир. Мы, люди, способны оказывать значительное воздействие на свою собственную судьбу, а также на судьбу нашего мира и других его обитателей. И для нас очень хорошо, что дело обстоит таким образом. Тем не менее и животные, и люди страдают (в силу естественных болезней и несчастных случаев), а также причиняют страдания друг другу (мы причиняем вред, калечим друг друга и заставляем друг друга умирать от голода). Мир, таким образом, содержит много зла. Всемогущий Бог мог бы воспрепятствовать этому злу. Разумеется, совершенно благой и всемогущий Бог так и поступил бы. Так почему же есть это зло? Не является ли его существование сильным свидетельством против существования Бога? Это было бы так, если бы мы не были в состоянии создать то, что называется теодицеей, объяснением того, почему Бог допускает явление зла. Я верю в то, что это можно сделать, и я обрисую теодицею в данной главе. Я подчеркиваю, что здесь, как и в главе 1, говоря о том, что Бог сделал бы то или иное, я не принимаю существование Бога как нечто не вызывающее сомнения. Я просто утверждаю, что если Бог есть, то следует ожидать, что он будет делать определенные вещи, включая допущение каких-то видов зла. И потому я утверждаю, что зло не является свидетельством против существования Бога.

Всякая попытка с моей стороны или с чьей-либо еще создать теодицею может представляться бездушием и, более того, проявлением полной нечувствительности к человеческому страданию. Многие теисты, как и атеисты, считали, что всякая попытка создать теодицею указывает на аморальный подход к страданию. Я могу лишь просить читателя поверить в то, что я не являюсь совершенно нечувствительным к человеческому страданию, и я переживаю по поводу страдания, вызванного отравлением, издевательствами над детьми, утраты близких, одиночного заключения и супружеской неверности так же, как и всякий другой человек. Конечно, в большинстве случаев я бы не рекомендовал пастору давать эту главу в качестве средства утешения в руки тем, кого постигло неожиданное

несчастье. Но не потому, что аргументы неубедительны, а просто потому, что люди в самый тяжелый момент испытываемого ими горя нуждаются в утешении, а не в аргументации.

И все же остается вопрос о том, почему Бог допускает зло. И если у теиста (в спокойной жизненной ситуации) нет удовлетворительного ответа, то его веру в Бога нельзя считать в полной мере разумной, а у атеиста нет основания разделять эту веру. Для того, чтобы оценить аргументацию, содержащуюся в этой главе, каждому из нас нужно немного дистанцироваться от конкретной ситуации своей жизни, а также жизненной ситуации близких родственников и друзей (а эти ситуации легко могут показаться самым важным в мире). Нам следует задаться очень общим и важным вопросом о том, какими благами вещами щедрый и вечный Бог одаряет людей в их короткой земной жизни. Разумеется, моменты удовольствия и периоды удовлетворенности – хорошие вещи, и Бог (при прочих равных обстоятельствах) будет стремиться в достатке предоставить их. Однако Бог в силу своей щедрости будет стремиться одарить и более глубокими вещами, чем эти. Он будет стремиться наделить нас значительной ответственностью за самих себя, друг за друга и за мир, и тем самым поделиться с нами своей собственной творческой активностью при определении того, каким быть миру. Он будет также стремиться наделить нашу жизнь ценностью, сделать ее полезной для нас самих и для других. Проблема заключается в том, что Бог не может дать нам эти блага в полной мере, не допустив при этом существования значительного зла.

Проблема зла – это не проблема отсутствия тех или иных благ и связанных с ними состояний. Мы отметили в главе 1, что сколько бы благ Бог ни создал, он мог создать еще больше. И у него вообще нет обязательства творить что-либо. Вот почему смерть сама по себе не является злом, смерть – это просто конец хорошего состояния, жизни (хорошего состояния, которого Бог, если пожелает, может дать нам еще больше – дав нам жизнь после смерти). Смерть может быть злом, если она наступает преждевременно или причиняет великое горе другим, но сама по себе она не есть зло. Однако есть значительное число видов зла – однозначно плохих состояний, которые Бог, если бы пожелал, мог устранить. Я делю их на виды морального зла и природного зла. Под «природным злом» я понимаю всякое зло, которое не совершено людьми намеренно и которое возникло не потому, что люди его допустили вследствие своей небрежности. Природное зло включает физическое и душевное страдание животных и людей. Это все те виды страданий, которые являются следствием непредвиденных людьми болезней, природных катастроф и несчастных случаев. «Моральное зло» в моем понимании включает всякое зло, возникшее в результате намеренных действий людей, которые они не должны были совершать (или которое

возникло потому, что люди по небрежности не сделали то, что должны были сделать), а также зло, возникшее вследствие намеренных действий или небрежного бездействия. Оно включает физическую боль, причиненную плохим родителем своему ребенку; душевную боль родителя, лишаящего ребенка родительской любви; смерть от голода в Африке вследствие небрежности правительств других стран, которые могли предотвратить этот голод, а также зло, возникшее вследствие намеренного причинения боли родителем или вследствие того, что политик не пытался предотвратить смерть от голода.

МОРАЛЬНОЕ ЗЛО

Сердцевиной всякой теодицеи должна быть, я считаю, «защита, исходя из свободы воли», которая обращается сначала к моральному злу, а затем может быть расширена до рассмотрения и природного зла. Защита, исходя из свободы воли, означает, что является великим благом то, что люди обладают определенного вида свободой воли. Я буду называть ее свободным и ответственным выбором. Но если это так, то необходимо появляется естественная возможность морального зла. (Под «естественной возможностью» я подразумеваю то обстоятельство, что заранее не предопределено, случится зло или нет). Бог, который наделяет людей такой свободой воли, необходимо создает указанную возможность и выводит из-под своего собственного контроля вопрос о том, случится моральное зло или нет. Логически невозможно – т. е. такое предположение будет противоречить само себе, – чтобы Бог наделил нас такой свободой воли и при этом сделал так, чтобы мы всегда использовали ее правильным образом.

Свободный и ответственный выбор – это не просто свободная воля в том узком смысле, что у нас наличествует способность выбирать между альтернативными действиями и наш выбор каузально не детерминирован какой-то предшествующей причиной. Я утверждал – в силу причин, изложенных в предыдущей главе, – что люди действительно обладают указанной свободой воли. Но ведь такого рода свободой воли люди могли обладать просто в силу способности свободно выбирать между двумя одинаково хорошими и несущественными альтернативами. Свободный и ответственный выбор (того рода, о котором идет речь в данной главе) – это свобода воли делать выбор между добром и злом, причем выбор, имеющий большое значение для действующего, для других и для мира.

Если мы обладаем свободой воли, то, конечно же, обладаем возможностью свободного и ответственного выбора. Напомним себе о том, что люди способны воздействовать на самих себя, на других и на мир. Людям предоставлены возможности вызывать у себя и у других приятные ощущения,

а также заниматься стоящей и интересной деятельностью – играть в теннис или играть на пианино, приобретать исторические, научные и философские знания, а также помогать другим делать это же, созидая тем самым глубокие личностные отношения, основанные на таких ощущениях и на таких видах деятельности. Люди, кроме того, созданы так, что способны формировать свой собственный характер. Аристотель высказал знаменитое замечание о том, что мы становимся справедливыми, совершая справедливые действия, благоразумными, совершая благоразумные действия, мужественными, совершая мужественные поступки. Это означает, что, совершая справедливое действие, когда его трудно совершить – когда оно не согласуется с нашими естественными склонностями (это то, что я понимаю под желаниями), – мы делаем для себя более легким совершение справедливого действия в следующий раз. Мы можем постепенно изменить свои желания таким образом, что, к примеру, совершение справедливых действий становится естественным. Тем самым мы способны освободиться от власти менее благих желаний, которым подвержены. А сделав выбор в пользу приобретения знаний и использования его для создания различных машин, люди способны расширить меру своего воздействия на мир: они способны построить университеты, которые будут существовать столетия, или сберечь энергию для будущих поколений, а совместными усилиями на протяжении десятилетий они способны ликвидировать нищету. Возможности свободного и ответственного выбора огромны.

Является благом то, что свободный выбор людей включает *подлинную* ответственность перед другими людьми, а это предполагает возможность принести им добро или причинить вред. Бог обладает способностью принести людям добро или причинить им вред. И если другим действующим предоставляется возможность участия в его созидательной деятельности, то является благом то, что они обладают такой возможностью (однако, очевидно, в меньшей степени, чем Бог). Мир, в котором действующие способны приносить друг другу добро, но не способны причинять вред, – это мир, в котором они обладают лишь ограниченной ответственностью по отношению друг к другу. Если моя ответственность перед вами ограничивается тем, дать или не дать вам какой-то прибор, но я не в состоянии причинить вам боль, остановить ваш рост или ограничить ваше образование, то у меня перед вами не очень значительная ответственность. Бог, который предоставил бы людям только такую ограниченную ответственность перед другими, дал бы им не очень много. Бог оставил бы за собой самое важное право выбора – каким быть миру, – а людям оставил бы несущественный выбор в мелких вопросах. Он бы уподобился отцу, который просит старшего сына присмотреть за младшим сыном, добавляя при этом, что будет следить за каждым шагом старшего сына и вмешается, как только тот

совершит какой-то промах. Старший сын может справедливо возразить, что хотя он охотно примет участие в том, что делает отец, но может сделать это только в том случае, если ему будет предоставлено право самому судить о том, что делать (в рамках широкого спектра возможностей, имеющихся у отца). Хороший Бог, подобно хорошему отцу, делегирует ответственность. Для того, чтобы допустить участие творений в творении, он предоставит им возможность выбрать причинять вред, нарушать божественный план. Наш мир – это мир, в котором творения обладают именно такой глубокой ответственностью по отношению друг к другу. Я имею возможность не только делать добро своим детям, но и причинять им вред. Один из способов причинить им вред состоит в том, что я имею возможность причинить им физическую боль. Но я могу совершить гораздо более разрушительные поступки по отношению к ним. Прежде всего, я могу воспрепятствовать им быть людьми, обладающими обширными знаниями, силой и свободой. Я могу определить, будут ли они обладать тем свободным и ответственным выбором, которым обладаю я. Возможность для людей совершать серьезное зло является логическим следствием их обладания таким свободным и ответственным выбором. Даже Бог не смог наделить нас таким выбором без вытекающей отсюда возможности зла.

Как мы видели в главе 1, действие не является намеренным, если оно совершено без какого-либо основания, т. е. если оно не рассматривается как нечто благое (или само по себе, или в силу своих последствий). И если на действие оказывают влияние лишь основания, то только то основание, которое рассматривается субъектом как наиболее важное, будет определять то, что делается. Тот, кто действует под влиянием одного только основания, неизбежно будет совершать действие, которое он считает наилучшим по совокупности обстоятельств. Если действующий не совершает действие, которое считает наилучшим по совокупности обстоятельств, то он, вероятно, допустил, чтобы воздействие других факторов, отличных от основания действия, оказало влияние на его выбор. Другими словами, он, вероятно, позволил желаниям, которые он считает благом только в каком-то определенном отношении, но не совокупным благом, оказать воздействие на свое поведение. Таким образом, для того, чтобы иметь выбор между добром и злом, действующие люди должны обладать какой-то порочностью в смысле наличия у них желаний, связанных с тем, что они сами правильно считают злом. Мне нужно хотеть переждать, получать больше денег или власти, чем мне положено, предаваться своим сексуальным желаниям, даже обманывая свою супругу или партнера, нужно хотеть видеть ваше унижение – я должен иметь подобные желания для того, чтобы у меня был выбор между добром и злом. Такая порочность сама по себе – зло, являющееся необходимым условием большего блага. Это делает возможным

совершение серьезного и взвешенного выбора, поскольку он совершается в ситуации наличия подлинных альтернатив. Я подчеркиваю эту мысль, поскольку в соответствии с «защитой, исходя из большего блага» именно естественная возможность морального зла (а не актуальное зло само по себе) является необходимым условием морального зла. Случается ли моральное зло (в силу выбора Бога) – это находится вне контроля Бога и зависит от нас.

Обратите пристальное внимание на то обстоятельство, что если я страдаю вследствие свободно выбранного вами плохого действия, то это ни в коем случае не означает для меня только потерю. В определенном отношении это хорошо *для меня*. Мое страдание было бы для меня чистой потерей, если бы единственной хорошей вещью в жизни было бы чувственное удовольствие, а единственной плохой – физическая боль. Именно потому, что современный мир тяготеет мыслить в таких терминах, проблема зла представляется столь острой. Если бы это были единственные хорошие и плохие вещи, то наличие страдания было бы действительно последовательно убедительным возражением против существования Бога. Однако мы уже отметили великое благо свободного выбора и возможностей влиять на собственное будущее, будущее близких нам людей и на будущее мира. А сейчас обратите внимание на еще одно великое благо – благо того, что наша жизнь может служить какой-то цели, быть полезной для нас самих и для других. Вспомните слова Христа «блаженнее давать, нежели принимать» (Деян 20:35). Мы обычно склонны думать, что когда на пороге нашего дома появляется нищий и мы чувствуем себя обязанными подать ему и подаем, то это удача для него, а не для нас, оказавшихся в этот момент дома. Это не то, о чем говорят слова Христа. Они говорят о том, что это *мы* удачливы, и не только потому, что мы имеем многое, из чего можем отдать малое, а потому, что нам представилась возможность сделать нищего счастливее; и это стоит гораздо больше, чем деньги. И подобно тому как великое благо – делать свободный выбор в пользу добра, так и великим благом является возможность быть использованным кем-то для реализации достойной цели (если, разумеется, этот некто имеет право или власть использовать нас таким образом). Позволение претерпеть страдание для того, чтобы сделать возможным какое-то великое благо есть привилегия, даже если эта привилегия нам навязана. Те, кому позволено умереть за свою страну и тем самым спасти ее от иностранного угнетения, получили такую привилегию. Культуры, менее, чем наша собственная, озабоченные злом, связанным с чисто физической болью, всегда признавали это. И они признавали, что в данном случае речь идет о благословении для тех, кто умер, будучи призван на военную службу.

Даже человек двадцатого столетия может убедиться в том, о чем было сказано, когда он стремится помочь заключенным не просто тем, что

создает для них лучшие условия, а тем, что позволяет им, например, помогать калекам. Или когда он скорее жалеет «бедную богачку», чем завидует ей, в том случае если она имеет все, но не делает ничего для других. Еще одно явление, весьма заметное в Британии конца нынешнего столетия, в особенной мере привлекает внимание к тому, о чем идет речь, – зло безработицы. Благодаря нашей системе социального обеспечения безработные в целом имеют достаточно денег для не очень дискомфортной жизни. Они, конечно же, обеспечены гораздо лучше, чем многие, имеющие работу в Африке, Азии или, скажем, в Британии викторианской эпохи. Зло безработицы состоит не столько в вытекающей из нее бедности, сколько в отсутствии занятости у безработных. Они зачастую жалуются, как сообщают, на то, что общество их не ценит, что они не приносят пользы, «выброшены на свалку». Они справедливо полагают, что для них было бы благом принести какую-то пользу, но у них для этого нет возможности. Многие из них приветствовали бы такую систему, при которой они были бы обязаны выполнять какую-то полезную для общества работу. Такая система для них была бы предпочтительнее той, которая не знает, как их использовать.

Из этого факта следует, что полезность является благом для того, кто полезен, а также обладают определенным благом те, кто испытывает причиняемые им другими людьми страдания, поскольку они предоставляют другим людям возможность свободного и ответственного выбора (причинять или не причинять страдания). Мне повезло, если естественная возможность моего страдания – в случае, если вы выбираете причинить мне вред – является средством, делающим ваш выбор действительно значимым. Моя уязвимость, моя подверженность страданию (которая необходимо влечет за собой мое настоящее страдание, если вы делаете неверный выбор) должны вести вас к пониманию того, что вы не просто пилот на тренажере, когда не имеет значения, совершаются или нет ошибки. То, что наш выбор имеет огромное значение, то, что мы в состоянии ощутимо воздействовать на вещи в хорошую или плохую сторону, – один из величайших даров, которые творец может дать нам. И если мое страдание является средством, с помощью которого он может предоставить вам этот выбор, то и в этом отношении мне повезло. Хотя, разумеется, страдание само по себе плохо, моей великой удачей можно считать то, что это мое страдание не является случайным и бессмысленным. Это страдание, которое есть следствие моей уязвимости, делает меня столь полезным.

Кто-то может возразить, что единственной хорошей вещью является не реальная полезность (смерть за свою страну или уязвимость по отношению к причиняемому страданию), а вера в то, что ты полезен, вера в то, что умираешь за свою страну и что это полезно. Речь идет о «чувстве удовлетворения». Но такое воззрение не может быть правильным.

Обладание утешительными верованиями хорошо только в том случае, если это истинные верования. Но нельзя считать чем-то хорошим веру в то, что все идет хорошо, когда это не так, или веру в то, что твоя жизнь полезна, когда она не такова. Удовольствие от утешительной лжи – обман. Однако если я получаю удовольствие от истинного верования, то это потому, что считаю хорошим то состояние вещей, в которое верю. Если я получаю удовольствие от истинного верования относительно успехов моей дочери в школе, то это потому, что считаю хорошим положение вещей, при котором моя дочь преуспевает в школе (верю ли я или нет в то, что она преуспевает). Если бы я так не считал, то не получал бы никакого удовольствия от того, что верю в ее успехи. Сходным образом, вера в то, что я уязвим для причиняемого мне страдания и вера в то, что это хорошо, может быть чем-то хорошим, только если моя уязвимость для причиняемого мне страдания сама по себе является чем-то хорошим (независимо от того, верю я в это или нет). Конечно, когда моя жизнь полезна и эта полезность представляет собою благо для меня, то будет даже лучше, если я верю в это и получаю от этого удовольствие. Но все это может быть еще лучше, если полезность моей жизни есть уже полученное мною благо, независимо от того, верю я в это или нет.

Однако при том, что страдание может таким образом служить благим целям, имеет ли Бог право позволять мне страдать для вашего блага, не спросив моего согласия? Ведь никто, возразит оппонент, не имеет права позволять одному человеку А страдать во имя блага другого человека Б, не получив на это согласия А. Мы считаем, что врачи, использующие пациентов в качестве подопытных объектов в медицинских экспериментах, которые, как они надеются, принесут результаты, полезные для других людей, делают что-то предосудительное. В конце концов, если мои рассуждения о полезности страдания убедительны, не следует ли отсюда вывод, что все мы должны причинять страдания другим с тем, чтобы эти другие имели возможность реагировать правильным образом?

Существуют, однако, принципиальные различия между Богом и врачами. Первое состоит в том, что Бог, как творец нашего бытия, обладает определенными правами и определенной властью над нами, какой не обладают над нами другие люди. Бог – причина нашего существования в каждый момент этого существования и поддерживает законы природы, которые дают нам все, чем мы являемся и все, что мы имеем. Для того чтобы иметь право позволить кому-либо страдать во имя его собственного блага или блага других, необходимо так или иначе быть источником происхождения этого человека. Я не имею права позволить какому-то незнакомому человеку страдать во имя какого-либо блага, если я в состоянии предотвратить его страдание, но у меня есть определенное право допустить такое

в отношении моих собственных детей. Я могу допустить, чтобы младший сын в *чем-то* пострадал ради своего собственного блага или блага своего брата. У меня есть такое право потому, что в некоторой степени я ответственен за существование своего младшего сына, за начало и продолжение его существования. Если я его породил, вскормил и дал ему образование, то в обмен обладаю какими-то ограниченными правами по отношению к нему. В *очень ограниченной* степени я могу использовать его для какой-либо достойной цели. Если это верно, то тогда Бог, который является источником нашего бытия в гораздо большей степени, чем наши родители, имеет значительно больше прав в этом отношении. Врачи же не обладают над нами даже правами родителей.

Во-вторых (и это наиболее важно) врачи *могли бы* спросить у пациентов разрешение. А пациенты, свободно распоряжаясь какой-то властью и знанием, могли бы сделать осознанный выбор относительно того, позволять или не позволять себя использовать. В противоположность этому, выбор Бога не связан с тем, как использовать уже существующих людей. Его выбор направлен на то, какими должны быть существующие люди и в какого рода мир следует поместить их. Богу некого спрашивать об этом. Я утверждаю, что это хорошо, что один человек А должен нести серьезную ответственность за другого человека В (который, в свою очередь, может нести серьезную ответственность еще за одного С). Для Бога логически невозможно спросить В, хочет ли он такого положения дел. Ведь если А должен нести ответственность за рост свободы, знания и силы В, то В не будет обладать достаточной свободой и знанием для совершения выбора до того, как Бог выберет, наделить или не наделить А ответственностью за В. Нельзя спросить младенца, в какой мир он хочет быть рожден. Творец должен делать выбор независимо от своих творений. Он будет стремиться в итоге принести благо им – всем им. А предоставление дара жизни – какое бы страдание ни сопровождало ее – это существенное благо. Однако когда кто-то страдает по вине другого, то сопряженное с этим благо иногда не может перевесить страдание. Здесь имеет смысл вспомнить о том, что для страдающего является дополнительным благом то, что его страдание – средство, благодаря которому тот, кто нанес ему ущерб, имел возможность сделать значимый выбор между добром и злом, который иначе он не смог бы сделать.

Несмотря на то, что в силу указанных причин, как я настаивал, Бог имеет право позволить людям причинять страдания друг другу, все же должны существовать пределы у того страдания, которое он имеет право разрешать людям причинять друг другу во имя какого-то великого блага. Родитель может допустить, чтобы старший ребенок имел возможность в чем-то ущедить младшего ребенка ради той ответственности, которой наделяется старший. Но этому есть пределы. И есть пределы даже у морального права,

которым обладает Бог, наш творец и хранитель, использовать существа, обладающие сознанием, в качестве пешек в какой-то более значительной игре. Конечно, если бы эти пределы были слишком узкими, Бог был бы неспособен наделить людей большой реальной ответственностью. Он был бы в состоянии позволить им играть только в детскую игру. И все же должны быть пределы у права Бога позволять людям наносить друг другу ущерб. И в мире есть пределы тому, в какой мере они могут наносить ущерб друг другу, если учесть, прежде всего, скоротечность конечной жизни людей и других творений (один человек может ущемлять другого приблизительно восемьдесят лет). Существуют также и другие встроенные в нашу физиологию и психологию предохранительные механизмы, ограничивающие меру боли, которую мы способны вытерпеть. Однако первичным охранительным пределом является краткость нашей конечной жизни. Бесконечное навязанное страдание действительно было бы, на мой взгляд, очень весомым аргументом против существования Бога. Однако ситуация человеческого существования не такова.

Итак, Бог, не спрашивая людей, должен делать выбор между теми мирами, в которых они могут жить. В своей основе это выбор между миром, в котором у людей есть очень незначительные возможности благодетельствовать или вредить друг другу, и миром, в котором для этого имеются значительные возможности. Очевидно, что есть основания и для первого, и для второго выбора. Но мне представляется в итоге, что выбор Бога сотворить мир, в котором у нас есть значительные возможности благодетельствовать или вредить друг другу, означает создание определенного блага. И это благо по меньшей мере столь же велико, как и зло, появление которого он при этом допускает. Конечно же, страдание, которое он допускает, – плохая вещь, и при прочих равных обстоятельствах его желательно было бы избежать. Однако обладание естественной возможностью причинять страдание делает возможным большее благо. Бог, творец людей, не способных (по логической необходимости) самостоятельно выбрать тот мир, в который им предстоит прийти, очевидно демонстрирует свою благость. Ведь он создает для них возможность героического выбора в пользу прихода в полный риска мир, где они могут страдать ради блага других.

ПРИРОДНОЕ ЗЛО

Природное зло не следует объяснять теми же способами, какими объясняется моральное зло. Главное предназначение природного зла, как я считаю, состоит в том, чтобы предоставить людям возможность того рода выбора, который так превозносится в рамках «защиты, исходящей из свободы воли».

Кроме того, оно делает доступными людям самые достойные формы выбора.

Природное зло делает доступными такие формы выбора двумя способами. Прежде всего, действие естественных законов, приводящее к злу, предоставляет людям знание (если они стремятся приобрести его) того, как они сами могут создавать такое зло. Наблюдение за действием естественных процессов, приводящих к заражению какой-то болезнью, предоставляет мне возможность либо использовать эти процессы для передачи болезни другим людям; либо, проявив небрежность, допустить заражение других ею; либо принять меры для предотвращения заражения людей этой болезнью. Изучение механизмов природы, продуцирующих какое-то зло (или благо), открывает перед людьми широкие возможности выбора. Вот способ, каким мы на деле научаемся создавать благо и зло.

Но разве Бог не мог дать нам знание (о том, как создавать благо или зло), нужное для обладания свободным и ответственным выбором, каким-то менее дорогостоящим способом? Разве не мог он просто время от времени шепнуть нам, какими будут последствия тех или иных наших действий? Мог. Однако всякий, кто бы посчитал, что его действия имеют определенные последствия потому, что Бог сказал ему о них, стал бы рассматривать все свои действия как свершаемые под всевидящим оком Божьим. Такой человек не просто бы твердо верил в то, что есть Бог, но знал бы об этом достоверно. Такое знание серьезно стеснило бы его свободу выбора, очень затруднило бы для него возможность выбора в пользу зла. Ведь у всех нас есть природная склонность желать, чтобы все думали о нас хорошо, особенно всеблагой Бог. Такая склонность – очень хорошее человеческое свойство, без него мы бы не были людьми. Кроме того, если бы мы с самого начала знали о последствиях своих действий, то были бы лишены выбора в пользу того, чтобы познавать эти последствия посредством эксперимента и напряженного коллективного труда. Мы бы имели готовое знание. Только познание природных процессов позволяет людям знать о последствиях своих действий, не стесняя при этом их свободу. И если людям предоставляется возможность делать выбор в пользу зла, то они должны знать, как позволить ему свершиться.

Другой способ, которым природное зло действует для того, чтобы людям была предоставлена свобода, состоит в том, что оно дает им возможность выбрать тот или иной способ действия по отношению к себе. Этим увеличивается спектр возможного выбора. Какое-то конкретное природное зло, например физическая боль, предоставляет страждущему выбор: или терпеливо сносить ее, или стенать по поводу своей судьбы. А у друга страждущего есть выбор между сочувствием и черствым равнодушием. Боль делает возможным подобный выбор, которого иначе просто не существовало бы. Нет никакой гарантии того, что наши действия как реакция на боль будут

хорошими действиями, однако боль тем не менее дает нам возможность совершить именно такие действия. Хорошие или плохие действия, совершаемые нами перед лицом природного зла, в свою очередь предоставляют возможность определить то или иное, хорошее или плохое отношение к нашим предыдущим действиям. Если я терпелив в своем страдании, то у вас есть выбор между тем, чтобы подбодрить меня или посмеяться над моим терпением. Если я стенаю по поводу своей судьбы, то вы можете словом или делом показать мне, сколь хорошим делом является терпение. Если вы проявляете сочувствие, то у меня появляется возможность выразить вам благодарность за сочувствие. Или я могу быть столь погруженным в себя, что не замечу вашего сочувствия. Если вы проявляете черствое равнодушие, то у меня есть выбор между тем, чтобы не обращать на вас внимания, и тем, чтобы обидеться на вас на всю жизнь. И т. д. Я думаю, что нет сомнения в том, что природное зло, такое как физическая боль, делает возможными все указанные виды выбора. Те действия, которые становятся возможными в силу природного зла, позволяют нам наилучшим образом проявить себя и взаимодействовать со своими ближними на самом глубинном уровне.

Можно, однако, предположить, что надлежащий повод для таких великих благих действий может быть предоставлен моральным злом, и нет нужды в страданиях, обусловленных природными процессами. Мы можем продемонстрировать мужество, столкнувшись с вооруженным бандитом, точно так же, как оказавшись перед угрозой заболеть раком. А по отношению к тем, кого может убить вооруженный бандит, мы можем проявить сочувствие точно так же, как и по отношению к тем, кто может умереть от рака. Но попробуйте представить себе, что разом исчезли все страдания, обусловленные болезнями, землетрясениями и несчастными случаями. Никаких болезней, никакого горя из-за преждевременной смерти молодых людей. У многих из нас в таком случае просто не будет случая продемонстрировать мужество или вообще как-то проявить свою доброту. Нам требуются такие неблагоприятные процессы увядания и распада, которые в конце концов мы не можем предотвратить никакими деньгами и усилиями, для того, чтобы у нас появилась возможность (от которой в противном случае легко уклониться) стать героями.

У Бога есть право допускать природное зло (в силу той же самой причины, по какой у него есть право допускать моральное зло) – но до определенного предела. Было бы, конечно, полной неразумностью со стороны Бога непрестанно умножать зло для того, чтобы бесконечно предоставлять возможности для проявления героизма. Вместе с тем обладание *какой-то* значимой возможностью для проявления героизма и вытекающей отсюда возможностью формирования личности является благом для того человека,

которому предоставляется такая возможность. Природное зло в тех или иных формах дает нам знание, необходимое для выбора между добром и злом, а также возможность совершать особенно достойные действия.

Нет, однако, оснований полагать, что животные обладают свободой воли. Как же в таком случае обстоит дело со страданиями животных? Животные страдали в течение длительного времени до того, как на нашей планете появились люди. Как долго длилось это страдание, зависит от того, какие животные являются сознательными существами. Прежде всего следует принять во внимание, что, хотя высшие животные, во всяком случае позвоночные, испытывают страдания, едва ли они страдают в такой же мере, как люди. С учетом того, что страдание непосредственно зависит от процессов, протекающих в мозгу (обусловленных, в свою очередь, процессами в других частях тела), можно высказать следующее предположение. Поскольку низшие животные не страдают вовсе, а люди испытывают сильные страдания, то животные промежуточной сложности страдают в умеренной степени. Поэтому существует настоятельная необходимость в теодицее, способной объяснить, почему Бог допускает страдания животных, но это не должна быть теодицея столь же весомая, как в случае с людьми. Нам нужно лишь знать причины, по которым Бог допускает страдание, но страдание гораздо менее интенсивное, чем страдание людей. Я полагаю, что определенные элементы обрисованной выше теодицеи применимы и в случае с животными.

Благо для животных, как и благо для людей, не состоит лишь из ощущений удовольствия. И для животных существуют более значимые вещи, в частности намеренные действия, а среди них – важные намеренные действия. Жизнь животных сопряжена со множеством важных намеренных действий. Животные ищут партнера, несмотря на усталость и неудачи в таких поисках. Они прилагают огромные усилия к тому, чтобы создавать гнезда, кормить детенышей, отвлекать хищника и исследовать среду своего обитания. А все это неизбежно сопровождается болью (продолжать все усилия несмотря на усталость) и опасностью. Животное не в состоянии упреждающим образом намеренно избегать лесных пожаров или спасти от лесных пожаров своих детенышей до тех пор, пока не обнаружится реальная угроза оказаться захваченным лесным пожаром. Действия по спасению от опасности просто не могут быть предприняты до того, как появится опасность. А опасность не существует до тех пор, пока не появляется реальная возможность оказаться в огне. Животные не делают свободного выбора в пользу указанных действий, но такие действия ценны и значимы. Это великолепно, что животные кормят свое потомство, а не только самих себя; что животные исследуют свою среду, несмотря на то, что знают о сопряженных с этим опасностях; что животные спасают друг друга от

хищников и т. п. Все это наделяет ценностью жизни животных. Но эти же вещи зачастую влекут за собой страдания для тех или иных созданий.

Но вернемся к главному вопросу, связанному с людьми. Читатель будет согласен с моими рассуждениями в той мере, в какой ценит ответственность, свободу выбора и свою полезность больше, чем ощущения удовольствия или отсутствие боли. Нет иного способа правильно понять зло, существующее в этом мире, кроме как посредством множества длительных развернутых мыслительных экспериментов (в дополнение к реальному жизненному опыту), в которых постулируется существование миров, весьма отличных от нашего. В связи с этими размышлениями мы задаемся вопросом о том, не следует ли из всесовершенной благости Бога, что он должен был бы сотворить один из таких миров (или вообще не творить никакого мира), а не творить *наш* мир. Я заключаю свои рассуждения одним очень небольшим мысленным экспериментом, который поможет приступить к дальнейшим размышлениям.

Предположим, что мы существуем в каком-то другом мире до рождения в нашем, и нам предоставляется возможность выбрать образ жизни в этом нашем мире. Нам говорят, что у нас будет очень короткая жизнь, возможно всего несколько минут, но это будет зрелая жизнь в том смысле, что мы испытаем богатство ощущений и верований, присущих жизни взрослого человека. И у нас есть выбор. Мы можем пережить несколько минут весьма интенсивного удовольствия, такого, какое вызывается наркотиком, например героином, причем наше переживание останется только нашим и не будет иметь каких-либо последствий в мире (скажем, никто не узнает об этом). Но мы можем испытать несколько минут сильной боли, например такой, как боль при деторождении, причем это будет иметь (о чем мы не знали в момент испытываемой боли) значительные положительные последствия для других людей на протяжении нескольких лет. Нам говорят к тому же, что если мы не отдадим предпочтение второму выбору, то эти другие люди никогда не будут существовать; и поэтому у нас нет морального обязательства предпочесть второй выбор. А ведь мы стремимся совершить такой выбор, который сделает прожитую *нами* жизнь наилучшей для *нас*. Что мы выберем? Выбор, как я надеюсь, очевиден. Нам следует выбрать второй из возможных вариантов.

Если кого-то не убедили мои аргументы о соотносительной силе добра и зла (и он считает, что сколь бы велико ни было благо, оно не оправдывает сопряженное с ним зло), то у него есть позиция для отступления. Мои рассуждения могли убедить вас в том, что блага настолько велики, что всеблагой Бог может быть оправдан за то зло, которое делает возможными такие блага. Но это так тогда и только тогда, если Бог вдобавок предоставляет компенсацию в форме посмертного счастья для тех жертв, чьи стра-

дания сделали возможными указанные блага. Тому, для кого теодицея нуждается в таком подкреплении, потребуется независимое основание для веры в то, что Бог дает такую жизнь после смерти. И в следующей главе я кратко коснусь вопроса о том, в чем может состоять подобное основание. Веря в то, что Бог в любом случае дает многим людям жизнь после смерти, я предложил теодицею, не опирающуюся на такое предположение. При этом, однако, я способен понять того, кто считает это предположение необходимым, особенно в случае с самыми страшными видами зла. (Такая загробная жизнь, служащая компенсацией, не обязательно должна быть вечной жизнью в Раю).

Тем не менее зло есть зло, и плата за те блага нашего мира, которые становятся возможными благодаря злу, является весьма существенной. Бог не умалился бы в своей совершенной благодати, если бы создал мир без боли и страдания и, соответственно, без тех конкретных благ, которые становятся возможными благодаря злу. Христианская, исламская и в значительной мере иудейская традиция утверждают, что Бог сотворил миры обоих видов – наш мир и Рай для блаженных. Последний представляет собой чудесный мир с широким набором возможных полноценных благ, однако в этом мире отсутствуют некоторые блага, наличествующие в нашем мире, в том числе благо, проистекающее из возможности отвергнуть благо. Ведь щедрый Бог вполне мог предоставить некоторым из нас выбор, сопряженный с возможностью отвергнуть благо в нашем мире, а тем, кто воспользовался возможностью принять это благо, мог дать затем великолепный мир, в котором уже нет такой возможности.

Глава 7

КАКИМ ОБРАЗОМ СУЩЕСТВОВАНИЕ БОГА ОБЪЯСНЯЕТ ЧУДЕСА И РЕЛИГИОЗНЫЙ ОПЫТ

ЧУДЕСА

До сих пор я стремился обосновать, что утверждение о том, что Бог сотворил и поддерживает нашу Вселенную, – это гипотеза, которая наилучшим образом объясняет общую структуру Вселенной, сам факт ее существования, соответствие естественным законам, ее ориентированность на эволюционное появление животных и людей, а также на то, что люди как сознательные существа, обладающие ощущениями, мыслями, верованиями, желаниями и целями, способны очень существенным образом изменять себя и мир. Я стремился также обосновать, что существование зла того вида, которое мы находим на Земле, не является свидетельством против данной гипотезы. Свидетельства, рассмотренные до сих пор, дают поэтому высокую степень вероятности утверждения о том, что есть Бог.

Однако если есть Бог, который, как совершенно благой, любит свои творения, то можно ожидать, что он будет временами более непосредственно взаимодействовать с нами на личностной основе, а не просто посредством естественного порядка мира, который он постоянно поддерживает, – будет отвечать на наши молитвы и удовлетворять наши нужды. Он не будет тем не менее вмешиваться в естественный порядок слишком часто, поскольку если бы он так поступал, то мы были бы не в состоянии предсказывать последствия своих действий и утратили бы контроль над миром и над самими собой. Если бы Бог отвечал на большинство молитв с просьбой помочь родственнику выздороветь от рака, то рак больше не был бы проблемой, которую людям самим надо было бы решать. Люди бы уже не рассматривали рак как проблему, которую следует решать научным исследованием: молитва была бы очевидным способом излечения от рака. Бог в таком случае избавил бы нас от серьезного выбора: вкладывать ли деньги и энергию в поиск средств

излечения от рака или не беспокоиться на этот счет, а также избавил бы от выбора: прикладывать ли усилия к тому, чтобы предупредить возможность заболеть раком (например, не курить) или не беспокоиться по этому поводу.

Природные законы, определяющие, что одни события ведут к хорошим последствиям, а другие – к плохим, позволяют нам устанавливать связи между событиями и их последствиями и использовать это в своих целях. Природные законы подобны правилам, установленным родителями, школами, правительствами, и указывают, что одни действия повлекут за собой наказание, а другие – вознаграждение. Как только мы обнаруживаем правила, мы приобретаем контроль над последствиями своих действий: мы можем выбирать между получением вознаграждения и риском быть наказанными. Однако любящие родители справедливо нарушают время от времени свои собственные правила в ответ на особую просьбу. И это означает, что они суть личности, находящиеся во взаимодействии, а не системы правил. Подобным образом можно было бы ожидать, что Бог время от времени будет нарушать свои собственные правила и вмешиваться в историю.

Можно было бы ожидать, что Бог будет временами отвечать на молитву, если она направлена на благие цели, такие как облегчение страданий и восстановление здоровья души или тела, а также способствовать пониманию нами себя и важных духовных истин. И можно было бы ожидать, что он будет время от времени вмешиваться, не дожидаясь нашей молитвы, с тем чтобы содействовать нам в изменении мира в лучшую сторону в том случае, когда мы неправильно использовали свою свободу. Божественное вмешательство будет состоять либо в том, что Бог будет действовать в тех сферах, где природные законы не детерминируют происходящее (вероятно, наша ментальная жизнь не определяется полностью природными законами), либо в том, что Бог временно приостановит действие природных законов. Давайте называть вмешательства последнего рода чудесами, а вмешательства первого рода – нечудотворными вмешательствами. Чудо – это нарушение или приостановление действия природных законов, совершаемое Богом. Содержит ли история человечества события такого рода, которых можно было бы ожидать вследствие действия Бога, если есть Бог, и которые при этом не происходят как результат действия природных законов? Эта история, конечно, содержит большое число событий, которых можно ожидать от Бога, но относительно которых мы не знаем, произошли ли они в результате действия природных законов или нет. Я молюсь о том, чтобы мой друг избавился от рака, и это происходит. Поскольку мы не знаем в деталях точно состояние его тела, когда у него был рак, и мы не знаем в деталях природные законы, определяющие развитие рака, то мы не можем сказать, произошло ли излечение от рака в результате действия природных законов или нет. Бла-

гочестивый верующий верит в то, что вмешался Бог, а твердокаменный атеист верит в то, что действовали только природные законы. История человечества содержит также *сообщения* о многих событиях, которые, *если* они произошли в том виде, как о них сообщается, очевидно, не произошли бы в результате действия только природных законов и вместе с тем являющиеся событиями, которых можно было бы ожидать вследствие действия Бога. Четвертая книга Царств повествует о том, как больной и сомневающийся царь Езекия ждал знака поддержки от Бога в том, что он, Езекия, выздоровеет и что Бог спасет Иерусалим от ассирийцев. В ответ на молитву пророка Исаии, чтобы Бог подал Езекии знак, тень, отбрасываемая Солнцем, отступила назад «на десять ступеней» (4 Цар 20:11). Это могло произойти только в том случае, если было приостановлено действие законов механики (управляющих вращением Земли вокруг своей оси и, соответственно, расположением Солнца по отношению к Иерусалиму) или законов распространения света (определяющих, каким образом свет, приходящий от Солнца, отбрасывает тени в том месте, где располагается дворец Езекии).

Я полагаю, что поскольку у нас есть и другие основания верить в то, что есть Бог, то у нас есть основание считать, что Бог вмешивается в историю в некоторых случаях (мы можем не знать в каких) и что некоторые из событий произошли таким образом, как описано, хотя и не были вызваны необходимостью, обусловленной действием природных законов. Было бы странно предположить, что Бог, пекущийся о нашем общем благополучии, ограничил свои вмешательства теми сферами, где законы природы оставляют неопределенным то, что может произойти – например, ограничив свои вмешательства воздействием на ментальную жизнь людей. Если у него есть основание взаимодействовать с нами, то у него есть и основание временами вмешиваться с тем, чтобы приостановить действие тех законов природы, посредством которых контролируется наша жизнь. И в особенной мере у него есть основания временами вмешиваться в действие тех телесных процессов, которые определяют наше здоровье и которые, что совершенно очевидно, подчиняются преимущественно детерминистским законам.

И наоборот, поскольку у нас могут быть и другие основания полагать, что Бога нет, то мы имеем повод считать, что природные процессы представляют собою детерминанты высшего уровня того, что происходит, и потому никакие события не происходят вопреки законам природы. Другими словами, фоновое знание (в данном случае все другие основания для нашего общего верования относительно того, как мир функционирует, – например, основания для веры, что есть Бог или что Бога нет) является очень важным фактором при оценке того, что произошло в тех или иных конкретных случаях (причем здесь в большей степени, чем при определении ценности крупных научных или религиозных теорий – см. главу 2).

Несмотря на то, что фоновое знание – серьезный фактор при определении того, во что разумно верить относительно происшедшего в тех или иных случаях, оно не является, разумеется, единственным фактором. Мы обладаем детальным историческим свидетельством наблюдателей, а также физическими следами прошлых событий (документами, археологическими находками и т. п.).

Бесчисленные нерелигиозные примеры показывают, что фоновое знание должно иметь больший вес в сопоставлении с подробным историческим свидетельством при оценке конкретных утверждений о прошлом. Если признанная научная теория заставляет ожидать, что звезды иногда взрываются, то какая-то совокупность осколков на небе, появление которой могло быть вызвано взрывом звезды, но которое могло быть вызвано и другой причиной (хотя это и невероятно), может быть проинтерпретирована, не противореча разуму, как совокупность осколков, оставленная взрывающейся звездой. Однако если признанная теория говорит, что звезды не могут взрываться, то понадобится очень мощное свидетельство в пользу того, что у совокупности осколков не могло быть другой причины (кроме как взрыв звезды), прежде чем эта совокупность осколков будет истолкована как беспорядок, оставленный взрывающейся звездой.

В случае рассмотрения предполагаемого чудотворного вмешательства Бога фоновое знание будет двух видов. Оно будет включать научное знание о соответствующих законах природы – например, законов распространения света и законов, определяющих вращение Земли, которые (поскольку законы природы действуют почти все время) заставляют нас ожидать, что в этом конкретном случае тень Езекии не могла двигаться назад. Но это знание будет включать в себя также и другое свидетельство – свидетельство о том, что есть Бог, способный и имеющий основания время от времени (но не обязательно в каком-то конкретном случае) вмешиваться с тем, чтобы приостановить действие естественных законов. Ввиду этих конфликтующих между собой компонентов фонового знания, нам требуются обширные исторические свидетельства, призванные показать, что в таком-то случае Бог вмешался чудотворным образом. Исторические свидетельства могут получать подкрепление рассуждением о том, что у Бога было весомое основание для осуществления данного предполагаемого чуда.

Сопоставить детальное историческое свидетельство с фоновым свидетельством обоих видов с целью установить, что же произошло в каком-то конкретном случае, является трудным делом, относительно которого нам очень редко удастся вынести четкое суждение. Однако детальное историческое свидетельство в принципе может быть достаточно весомым. Возьмем простой воображаемый и не очень религиозно значимый пример. Мы сами могли видеть случай левитации (кто-то поднялся в воздух не с помощью веревок, магнита или еще каких-либо других известных сил,

которые мы могли засвидетельствовать). Целый ряд свидетелей, доказавших свою полную надежность в тех случаях, когда у них не было причин лгать, могли подтвердить нечто подобное. Могли даже остаться следы в форме физических эффектов, которые могли быть вызваны подобным событием, – например, отметины на потолке, которые могли быть оставлены ударами о него левитирующего тела. Однако в противовес всему этому сохраняется фоновое знание о законах природы, в данном случае о законе притяжения. Сохраняется также уверенность, опирающаяся на эти законы природы, в том, что если они действовали в то время, когда все наблюдаемое происходило, то не было никакой левитации.

Обратите внимание, что всякое детальное историческое свидетельство о том, что левитация имела место, будет свидетельством против законов притяжения как законов природы. Точно так же свидетельство о том, что какой-то кусок металла не расширился при нагревании, было бы свидетельством о том, что расширение всех металлов при нагревании не является законом природы. Но если мы, сколько ни стараемся, не можем найти других исключений из нашего предполагаемого закона – если, к примеру, мы не в состоянии осуществить еще одну левитацию посредством воспроизведения обстоятельств, при которых будто бы произошла предыдущая левитация, – то появятся основания считать, что если предшествующая левитация все же произошла, то это событие случилось не в соответствии с каким-то не открытым до сих пор законом природы, а скорее было нарушением или приостановкой какого-то известного закона.

В подобных случаях очень маловероятно, что детальное историческое свидетельство о том, что событие произошло, будет достаточно для того, чтобы перевесить фоновое научное знание, указывающее, что такие события не могут происходить. Но это так, если только у нас нет также и субстанциального религиозного фонового знания, указывающего не только на то, что есть Бог, но и на то, что в данном конкретном случае у него было веское основание совершить это конкретное чудо. Что касается случая с предполагаемой левитацией, то я сомневаюсь, что у нас когда-нибудь будет такое свидетельство. Это не означает, конечно, утверждения о том, что левитации не происходят. Просто очень маловероятно, что у нас когда-нибудь будет достаточно основание верить, что в каком-то конкретном случае левитация совершилась. Обратите внимание, что во всех таких случаях мы ищем самую простую теорию для объяснения того, что произошло в прошлом, которая объяснит данные (я назвал эти данные детальным историческим свидетельством) и которая наилучшим образом согласуется с нашим фоновым знанием, как это было описано в главе 2.

Я склонен, однако, думать, что у нас есть достаточно исторических свидетельств о событиях, происходивших вопреки законам природы, причем

таких, совершить которые у Бога было основание, чтобы показать, что, вероятно, некоторые из них (мы не знаем какие) являются подлинными чудесами. Существует много древних и современных сообщений о предполагаемых чудесах, причем некоторые из них очень хорошо задокументированы⁹, а также есть некоторые из случаев, обсуждаемых в книге Рекса Гардинера «Исцеляющие чудеса»¹⁰. В то же время более скептические сообщения относительно некоторых Лурдских чудес можно найти в книге Уэста «Одиннадцать Лурдских чудес»¹¹. Скорее можно сказать, что у нас есть достаточно исторических свидетельств для некоторых подобных случаев при условии, что мы обладаем определенным фоновым свидетельством в пользу утверждения о том, что есть Бог, способный и желающий вмешиваться в историю. Разумеется, читатель сам должен оценивать свидетельства в подобных случаях. Наличие такого детального исторического свидетельства само является еще одним свидетельством существования Бога (наряду со свидетельствами, обсуждавшимися в главах 4 и 5). Наличие такого свидетельства можно ожидать, только если есть Бог, и ни в каком другом случае – ведь если природные законы являются детерминантами высшего уровня, то есть все основания полагать, что их действие не будет приостановлено.

В подобных случаях зачастую говорится, что мы «можем ошибаться». Новые научные свидетельства могут показать, что событие в том виде, как о нем сообщается, не противоречит законам природы – мы просто неверно понимали законы природы. Возможно, мы просто неверно представляли, как развивается рак. Большой иногда «спонтанно» выздоравливает вследствие чисто естественных процессов. Или если многие люди утверждают, что наблюдали случай левитации, то вероятно, все они были подвержены галлюцинации. Это вполне возможно. Однако рациональный наблюдатель в этих делах, как и во всех других, должен опираться на наличные свидетельства. Если эти свидетельства показывают: (а) что законы природы такие-то и такие-то; (б) что событие, если оно произошло так, как его описали, противоречит законам природы; (в) что новые свидетельства не дают повода считать эти законы неверными (ведь все схожие случаи соответствуют им); (г) но при этом есть веские исторические свидетельства (свидетели и т. п.) о том, что событие действительно произошло, – во всех этих случаях будет рациональным верить, что свершилось чудо. Будет рациональным верить в это, допуская возможность, что позднее могут появиться

⁹ См., например, случай с излечением человека от рака, описанный в: Hickey D. and Smith G. *Miracle*, 1978.

¹⁰ Gardiner R. *Healing Miracles*, 1986.

¹¹ West D. J. *Eleven Lourdes Miracles*, 1957.

свидетельства, показывающие, что мы ошибаемся. «Мы можем ошибаться» — это позиция, могущая иметь двойные последствия. Ведь мы можем ошибаться и полагая, что событие не является божественным вмешательством, хотя оно в действительности таково.

Историки часто утверждают, что когда они изучают сообщения о каких-то особо важных для религиозных традиций событиях прошлого (например, утверждения о том, что совершал Иисус и что происходило с ним), то они не исходят при этом ни из религиозных, ни из антирелигиозных посылок. На практике большинство из них не поступают в соответствии с подобными утверждениями. Они или серьезно недооценивают библейские свидетельства о том, что Иисус излечивал слепых на том основании, что такого не бывает, или (чаще в прошлые столетия) просто принимают заявления свидетелей о том, что совершал Иисус, на том основании, что библейские свидетельства особо надежны. Однако необходимо усвоить, что фоновое свидетельство и знание должны оказывать влияние на исследователя — как это и происходит во всех других областях исследования. Не признавать это — иррационально.

Само наличие детальных исторических свидетельств о том, что происходили такие нарушения законов природы, которые Бог, если есть Бог, мог иметь основания допустить, является свидетельством в пользу существования Бога. Хотя само по себе такое свидетельство не является полностью достаточным, оно все же вносит свой вклад. И вместе с другими свидетельствами (например, такими, какие были рассмотрены в главах 4 и 5 этого свидетельства могло бы оказаться достаточно для установления существования Бога, если другие свидетельства, взятые отдельно, недостаточны. Рассмотрим, по аналогии, случай с детективом, расследующим преступление и рассматривающим гипотезу о том, что преступление совершил Джон. Он будет опираться, как на ключевое, на свидетельство о каком-то событии, которое, если бы оно произошло, послужило бы в свою очередь свидетельством в пользу гипотезы о том, что преступление на самом деле совершил Джон. Таковым начальным свидетельством могли бы стать показания свидетелей, утверждающих, что они видели Джона возле места преступления. Даже если Джон и был возле места преступления, то это само по себе еще весьма слабое свидетельство в пользу того, то он совершил преступление. Требуется много других доказательств. Однако поскольку показания свидетелей являются свидетельством нахождения Джона возле места преступления, то его нахождение там является определенным свидетельством того, что именно он совершил это преступление. В таком случае показания свидетелей являются все же каким-то (непрямым) свидетельством о том, что преступление совершил он.

Сходным образом, показания свидетелей, утверждающих, что они наблюдали нарушение законов природы, являются непрямым свидетель-

ством в пользу существования Бога, потому что существование таких нарушений само по себе было бы прямым свидетельством существования Бога. Если совокупное свидетельство станет достаточно мощным, то оно оправдает утверждения о том, что Бог существует. Соответственно, окажется, что обсуждаемое событие не было просто нарушением, а было осуществлено Богом, и потому – это чудо.

ОТКРОВЕНИЕ

Одним из оснований для вмешательства Бога в историю могло быть желание дать нам знание о вещах, явить нам истины. Наш разум сам по себе может, как я обосновываю в данной книге, прийти к заключению о том, что, вероятно, есть Бог. И он может также установить некоторые очень общие моральные истины (например, что это благо – накормить умирающих от голода, кем бы они ни были). Однако люди – существа с ограниченным разумом, они склонны скрывать от себя очевидные вещи, напрашивающиеся сами собой, когда это для них нежелательно. Позиции, занимаемые нами по религиозным и моральным вопросам, столь очевидно подвержены предрассудкам в силу того, что, к каким бы выводам мы ни пришли (религиозным или атеистическим), из них вытекают определенные следствия относительного того, какую жизнь стоит вести. И они могут оказаться нежелательными для нас, так как расходятся с нашим теперешним образом жизни. Люди нуждаются в помощи – помощи, чтобы увидеть, в чем состоят наши обязанности и в чем состоит высшее благо для нас, а также в помощи и поддержке, чтобы стремиться к этому благу. И в любом случае Бог, желающий взаимодействовать с нами, желает сказать нам что-то о себе просто для того, чтобы мы лучше знали его. Все основные западные религии утверждают, что Бог вмешался в историю для того, чтобы открыть людям истины. Эти религии, как правило, указывают на то, что Бог установил механизм, посредством которого в какой-то степени и каким-то образом обеспечивается сохранение этих истин среди людей. Иудеи утверждают, что Бог вмешался в историю через Авраама и Моисея и открыл истины, впоследствии сохраненные еврейским народом в иудаистском Писании (христианский Ветхий Завет). Христиане принимают это, но добавляют, что основное божественное вмешательство произошло в Иисусе Христе, который открыл нам истины, сохраненные христианской Церковью в своей Библии (Новый Завет и Ветхий Завет, понимаемый в свете Нового). Ислам также признает в какой-то мере иудаистские и даже христианские утверждения, но провозглашает Мухаммеда последним пророком, в котором откровение достигло кульминации – откровение, записанное в Коране и сохраненное исламскими сообществами.

Какое суждение вынести по поводу этих соперничающих утверждений? Это можно сделать двумя способами. Во-первых, то, что утверждается в качестве главных учений откровения, должно получить подтверждение и на других основаниях. Религия, которая отстаивает крупномасштабный грабеж и насилие ради развлечения, не может быть истинной религией. Мы в состоянии вынести определяющее суждение в пользу или против какого-то притязания на откровение на том основании, что это притязание на откровение совпадает или расходится с тем, что мы можем считать истинным, исходя из других оснований. Однако мы не можем поступать так во всех случаях. Притязания предполагаемых откровений на знание того, каков Бог и что он совершил, обычно таковы, что у нас не может быть весомого независимого основания считать их истинными или ложными. Смысл откровения – сказать нам нечто, что слишком глубоко для того, чтобы наш разум самостоятельно мог это постичь. Мы нуждаемся также в какой-то дополнительной гарантии того, что утверждаемое в качестве откровения действительно исходит от Бога. Обратимся к аналогии. Не-ученые не в состоянии сами проверить то, что ученые говорят им о строении атома. Они могут лишь просить дать гарантию того, что сообщаемое им исходит от человека, который должен владеть этим знанием. В случае с откровением, исходящим от Бога, такая гарантия должна принимать форму нарушения законов природы, которое завершает и провозглашает божественное откровение. Подобное нарушение может быть осуществлено лишь тем, кто поддерживает действие естественных законов, т. е. сохраняет у объектов их способности и предрасположенности к действию. Другими словами, речь может идти только о Боге. Тогда такое нарушение – чудо. Только тот, кто сохраняет способности вещей, в состоянии приостановить их реализацию. И если их приостановка завершает и провозглашает то, что утверждается в качестве откровения, то это печать Бога на откровении.

ХРИСТИАНСКОЕ ОТКРОВЕНИЕ

Аргументы, которые приведены ранее в данной книге и будут приведены в дальнейшем, призваны убедить читателя в существовании Бога, признаваемого и иудеями, и христианами, и мусульманами, а не выносить какое-либо суждение по поводу их соперничающих друг с другом утверждений. Тем не менее я должен добавить, что, по моему убеждению, только одна из основных религий мира способна выдвинуть, на основании детального исторического свидетельства, серьезную претензию на то, что она основана на чуде; и это христианская религия. Восточные религии (например индуизм) иногда указывают на божественное вмешательство, но не на вмешательства, происходившие в какие-то моменты истории, в связи с чем можно

было бы предъявить многих свидетелей или авторов, которые беседовали со свидетелями. Иудаизм притязает на божественное вмешательство, особенно в той части, что связана с Моисеем и исходом из Египта, но информация об этом была записана очень много времени спустя, после того как произошли эти события. Кроме того, даже если события происходили так, как описано, сомнительно, чтобы это были чудеса. Естественные причины легко могут объяснить восточный ветер, ставший причиной того, что наступило море, о чем сообщается в Исх 14:21. Мусульмане также не притязают на то, что ислам зиждется на каких-то чудесах, если не считать записи Корана. И сколь бы великой ни была эта книга, никоим образом не очевидно, что для написания великой книги требуется особое божественное вмешательство.

В то же время, по контрасту, христианская религия была основана на предполагаемом чуде Воскресения Иисуса. Если это событие хотя бы в какой-то мере происходило так, как засвидетельствовано в книгах Нового Завета – возвращение к жизни человека, умершего вследствие распятия за тридцать шесть часов до этого, – то такое событие, очевидно, предполагало приостановку законов природы, и потому, если есть Бог, было совершено только им и было чудом. Большинство книг Нового Завета были написаны при жизни многих из тех, кто был причастен к жизни и смерти Иисуса. Эти книги были написаны различными авторами, которые утверждают, что Мария Магдалина, другие женщины и апостолы видели пустую могилу и что они и многие другие видели воскресшего Иисуса, разговаривали и ели вместе с ним. Тело Христа после этого никогда не видели. Здесь мы имеем дело с серьезным историческим притязанием на великое чудо, о котором есть существенное свидетельство. Именно на тему о том, насколько убедительно это историческое свидетельство, за два тысячелетия написано бесчисленное количество книг, и читатели могут сами обратиться к некоторым из этих книг. При этом, однако, важно помнить о трех моментах, которые обсуждались нами выше.

Первое. Признаком рациональности является принятие во внимание фонового знания – другого, дополнительного свидетельства о том, есть ли Бог, способный и желающий вмешиваться в историю.

Второе. При условии, что Бог имеет основание вмешиваться в историю (отчасти для того, чтобы открыть истины о самом себе), свидетельство в пользу истины Воскресения должно включать в себя принятие правдоподобности того, что отчетливо утверждается в основополагающих учениях Иисуса Христа и Церкви, базирующихся на предполагаемом Воскресении. Конечно, как я писал ранее, у нас, в общем, не будет убедительных независимых оснований верить в истинность или ложность таких основополагающих учений: ведь смысл откровения – рассказать нам о том, что мы сами

не сможем постичь. В то же время у нас могут быть некоторые слабые основания, недостаточные сами по себе, верить в то, что если есть Бог, то определенное учение о том, каков он, что совершил и как мы должны поступать, является истинным. Если у нас есть такие основания, то эти учения в соответствующей мере правдоподобны. Я полагаю, что у нас есть такие основания в случае с основополагающими христианскими учениями. Речь идет о таких учениях, как Нагорная Проповедь и ее наставление о том, что такое добро, об учении о Троице и об учениях об Иисусе – о том, что он был воплотившимся Богом (Богом, который стал и человеческим существом), а также о том, что его жизнь и смерть были искуплением за наши грехи. Для надлежащего рассмотрения оснований, о которых идет речь, потребовалась бы еще одна книга. Однако тот вид оснований, который я имею в виду, можно проиллюстрировать очень кратко на примере Воплощения. Мы видели в главе 6, что у Бога есть основание позволять нам претерпевать трудности во имя больших благ. Хороший родитель, который должен заставить свое чадо претерпеть трудности ради какого-то большего блага, зачастую выбирает добровольно претерпеть такие трудности вместе со своим чадом для того, чтобы выразить солидарность с ним и показать ему, как надо жить в подобных трудных обстоятельствах. К примеру, если ребенок нуждается в суровой диете ради своего здоровья, то родитель может сам добровольно перейти на такую диету (хотя родитель может и не нуждаться в ней для своего здоровья). У нас есть поэтому определенное основание ожидать, что Бог из любви к нам может воплотиться, разделить трудности, которые он определил для нас во имя какого-то большего блага. Есть и другие основания для того, чтобы Бог, если есть Бог, мог стать воплощенным и жить трудной человеческой жизнью. Есть основания и для того, чтобы божественное вмешательство приняло форму не просто чуда, но человеческой жизни самого Бога. Поэтому если предполагаемое откровение учит о том, что именно так и произошло, то у нас есть некоторое основание считать откровение истинным. Поскольку христианская Церковь проповедует такое учение, то в этом можно видеть определенное основание для веры в то, что ее учения удостоверены Богом и в то, что Иисус восстал из мертвых. Разумеется, верно и обратное. Если, по мнению читателя, у него есть основание считать, что если есть Бог, то эти церковные учения не содержат истину о Боге, то это дает ему основание считать, что эти учения не были открыты Богом, а событие, притязавшее удостоверить данные учения, не имело место.

Третье. Утверждения христианского откровения следует сравнить с утверждениями других религий. Если есть основание (исходя из правдоподобия или из исторического свидетельства относительно чуда, послужившего основой той или иной религии) считать, что Бог открыл нечто

совершенно противоположное христианскому откровению в контексте какой-то другой религии, то это является поводом предполагать, что христианское откровение не является истинным и событие, положившее начало христианской религии, не состоялось. Знание представляет собой огромную сеть – наблюдения в одной области исследований могут оказать воздействие на воззрения в областях, которые на первый взгляд кажутся весьма далекими от данной области. Моя позиция, повторю, состоит в том, что ни одна из крупных религий, за исключением христианской, не может выдвигать серьезной претензии в пользу истинности своих предполагаемых откровений на основе конкретного исторического свидетельства. Однако, если христианское предполагаемое откровение было бы неправдоподобным в силу других оснований, мы все равно должны были бы отвергнуть его и продолжать поиск.

Я заключаю, что если читатель принимает мое суждение о том, что есть серьезное историческое свидетельство в пользу основополагающего чуда христианства, Воскресения, а также признает (пусть и не очень весомую) обоснованность христианского учения, то тогда – поскольку такого нарушения законов природы следует ожидать, только если есть Бог – свидетельство в пользу этого чуда образует еще одно свидетельство существования Бога. Такое заключение верно независимо от того, считаете вы или нет, что серьезное историческое свидетельство является достаточным (безотносительно к субстанциальному фоновому знанию) для установления того, произошло чудо или нет.

Одним из моментов предполагаемого откровения, общего для западных религий (хотя его и не разделяют некоторые разновидности иудаизма), является учение о жизни после смерти. (Это учение есть и в восточных религиях, но многие из них не считают, что Бог играет важную роль в посмертной жизни). Мы, люди, будем жить вновь, и жизнь, которая у нас будет, будет зависеть от того, как мы живем в этом нашем мире. Если мы стремимся быть хорошими людьми и быть верными Богу, то мы естественным образом достойны того, чтобы наслаждаться видением Бога в грядущем неземном мире. И Бог дает нам такую возможность. Но если мы предпочитаем не стремиться к добру и Богу, то Бог уважительно отнесется к нашему выбору и даст нам жизнь без Бога. Такое учение представляется мне внутренне убедительным – ведь можно ожидать, что совершенно благой Бог в итоге уважительно отнесется к нашему выбору как к выбору того, какими личностями мы хотим быть, и той жизни, которую мы хотим вести. И несмотря на то, что в земной жизни есть великое благо, было бы странно, если бы Бог не планировал нечто более великое и длительное для тех, кто хочет этого. Поэтому тот факт, что это учение исповедуется каждой из крупных западных религий, представляется свидетельством в пользу каждой из них, а также в пользу общего для них содержания.

РЕЛИГИОЗНЫЙ ОПЫТ

Всемогущий и совершенно благой творец будет стремиться взаимодействовать со своими творениями и в особенности с людьми как личностями, способными знать его. У него есть основание, как мы видели, взаимодействовать с нами в мире – время от времени вмешиваясь в него в ответ на наши молитвы по поводу конкретных нужд. У него есть также основание вмешиваться с целью подтвердить подлинность откровения, в чем мы остро нуждаемся. У него есть основание сделать это публично, дать откровение человеческому сообществу для того, чтобы оно могло на основании этого откровения определить свою жизнь (сгладив кажущиеся небольшие противоречия) посредством публичного обсуждения и совместных усилий. Сотрудничество в реализации блага является дополнительным благом.

Но Бог любит каждого из нас как индивида и потому имеет основание вмешиваться (вероятно, нечудотворным образом, не нарушая каких-либо естественных законов) с тем, чтобы просто показать себя тем или иным конкретным индивидам и сказать им нечто сугубо индивидуальное (например, дать им призвание). Можно ожидать наличие религиозного опыта в смысле очевидного опыта Бога – опыта, который представляется субъекту опытом присутствия Бога. (Выражение «религиозный опыт» используется для описания широкого разнообразия опыта. Я ограничусь здесь использованием его в только что указанном смысле).

Мы можем описывать наш опыт восприятия вещей или в терминах того, из чего они состоят, или – проявляя осторожность, чтобы не ошибиться, – в терминах того, какими они кажутся или являются в общем, или как выглядят, звучат, ощущаются, оказываются на вкус, пахнут (слова, которые конкретизируют то, о чем идет речь). Я могу сказать, что я воспринимаю письменный стол; или мне кажется, что я воспринимаю письменный стол; или мне кажется (так как речь идет о зрении – что мне видится), что здесь есть письменный стол. Обратите внимание на два очень различных способа употребления таких глаголов как «кажется», «является», «выглядит». Когда я смотрю на круглую монету под каким-то углом зрения, то могу сказать, что «она выглядит круглой» или «она выглядит овальной», но в обоих случаях под словом «выглядит» я имею в виду очень различные вещи. Говоря «она выглядит круглой» в этом контексте, я имею в виду, что на основе того, как она выглядит, я склонен верить в то, что она круглая. Говоря «она выглядит овальной», в данном контексте я имею в виду, что она выглядит так, как обычно выглядят овальные вещи (т. е. когда на них смотрят сверху). Первый смысл, если пользоваться философской терминологией, – эпистемический смысл, второй смысл – сравнительный смысл. Эпистемический смысл подобных глаголов описывает, какими мы склонны считать

вещи; сравнительный смысл описывает то, какими кажутся вещи при сравнении с тем, какими они предстают обычно. «Это выглядит синим для меня» в эпистемическом смысле означает, что я склонен на основе того, как это выглядит, считать то, что вижу, синим. «Это выглядит синим для меня» в сравнительном смысле означает, что для меня это выглядит так, как обычно выглядят синие вещи (т. е. при нормальном освещении).

Являющийся опыт (являющийся в эпистемическом смысле) – реальный опыт (явленное восприятие является подлинным), если он вызван тем, относительно чего он и должен быть опытом. Мое являющееся восприятие письменного стола – это реальное восприятие, если стол вызывает воздействие лучей света (отражая их) на мои глаза и тем самым вызывает у меня являющееся восприятие.

Очевидно, что – истинно это или нет – миллионам и миллионам людей казалось (в эпистемическом смысле), что по меньшей мере раз или два в своей жизни они осознавали существование Бога и то, что он их направлял. Опросы показывают, что и сегодня это так для миллионов и миллионов, не говоря уже о людях прошлых эпох¹². Они могут ошибаться, но так им казалось. А базисный принцип рациональности, который я называю принципом доверия, гласит, что мы должны верить в то, что вещи таковы, какими они нам кажутся (в эпистемическом смысле), до тех пор пока у нас не появится свидетельство того, что мы ошибаемся. (Я не обсуждал этот принцип в главе 2 потому, что там я рассматривал ход, который мы делаем от публично наблюдаемых событий к тем вещам, что находятся за пределами наблюдений. Здесь же я рассматриваю только вопрос о том, как нам следует оценивать свой приватный опыт). Если мне кажется, что я вижу стол или слышу голос друга, мне следует верить в это до тех пор, пока не появится свидетельство того, что я ошибался. Если вы утверждаете обратное – «никогда не доверяйте явлениям до тех пор, пока не доказано, что они надежны», – то у вас никогда не будет никаких верований вообще. Ведь что может показать надежность тех или иных явлений как не другие явления? И если вы не можете доверять явлениям как таковым, то вы не можете доверять и этим другим явлениям. Подобно тому как вы должны доверять своим обычным пяти чувствам, точно так же вы должны доверять своему религиозному чувству.

Оппонент может сказать, что мы доверяем своим органам чувств (например, своему зрению) потому, что наши чувства согласуются с чувствами других людей. То, что вижу я, как они утверждают, видят и они. Но мое религиозное чувство не согласуется с чувствами других людей (они или

¹² О распространенности религиозного опыта см.: Нэй Д. *Religious Experience Today*, 1990. Chapters 5, 6 and Appendix.

вообще не имеют религиозного опыта, или их опыт не совпадает с моим). При этом, однако, важно понять, что рациональный человек применяет принцип доверия до того, как он узнает, что испытывают другие люди. Вы справедливо доверяете своим чувствам, даже если нет никого, кто мог бы проверить их. А если есть другой наблюдатель, который сообщает, что ему кажется, что он видит то же, что и вы, то вам следует вспомнить впоследствии его сообщение, а это означает положиться на вашу собственную память (т. е. на то, что, как вам *кажется*, вы помните из сказанного им) без подтверждения прошлого опыта в настоящем. В любом случае религиозный опыт чаще всего совпадает с опытом многих других людей в том, что все они осознают наличие какой-то силы вне нас, направляющей наши жизни (при этом, однако, нет общего совпадения в конкретности осознания природы Бога и его конкретных целей).

Если некоторые люди не имеют такого опыта, то это подсказывает, что они слепы по отношению к религиозным реальностям. Точно так же как неспособность какого-то человека различать цвета не указывает на то, что многие из нас, кто утверждает свою способность различать цвета, ошибаются в этом. Это означает лишь то, что этот человек не способен различать цвета. И если какая-то группа путешественников не видит объект, которого не может достичь их зрение, то это не означает, что многие в группе, утверждающие, что могут видеть его, ошибаются. Более рациональным будет вывод – в отсутствие дополнительных свидетельств относительно визуальных способностей различных путешественников, – что у тех, кто не видит, недостаточно сильное зрение. Если три свидетеля в судебном заседании утверждают (независимо друг от друга), что видели подозреваемого на улице в определенное время, а три других свидетеля, которые были на улице в это же время, утверждают, что не видели его, то (при прочих равных обстоятельствах) суд обычно делает вывод о том, что подозреваемый был там, а последние три свидетеля просто не заметили его. Базисная характеристика человеческого познания мира заключается в том, чтобы верить в то, что вещи таковы, какими они кажутся, если отсутствует позитивное свидетельство об обратном. Тому, у кого есть опыт Бога, следует верить в то, что у него есть такой опыт, если не представлено свидетельство того, что он ошибается.

Еще один базисный принцип рациональности, который я называю принципом свидетельства, состоит в том, что те, у кого нет какого-то вида опыта, должны верить тем, кто говорит, что у них есть такой опыт – опять-таки при отсутствии свидетельства об обмане или иллюзии. Если бы мы вообще не могли доверять тому, что другие люди говорят о своем опыте, не проверяя при этом то, о чем они рассказывают, то у нас практически не было бы никакого знания об истории или географии. Благодаря принципу свиде-

тельства, сообщения тех, кто обладает религиозным опытом, становятся достоянием тех, у кого нет такого опыта, а к этим сообщениям применим принцип доверия. При отсутствии противоположного свидетельства мы обязаны верить, что вещи таковы, какими они кажутся другим людям, и мы, как правило, так и поступаем. Мы доверяем сообщениям других людей о том, что они видят, если у нас нет оснований полагать, что они лгут, или обманывают себя, или просто неправильно наблюдают. Мы обязаны поступать так же и в отношении их сообщений о религиозном опыте.

Принцип доверия гласит, что мы должны верить в то, что вещи таковы, какими кажутся, если и до тех пор пока у нас нет свидетельства о том, что мы ошибаемся. Есть три вида таких свидетельств. Во-первых, мы можем располагать свидетельством, что являющееся восприятие произошло при условиях, относительно ненадежности которых у нас есть твердые свидетельства. Если я утверждаю, что прочитал страницу из какой-нибудь книги на расстоянии ста ярдов, вы справедливо не поверите мне, поскольку мы знаем из опыта, что люди, утверждающие свою способность читать на таком расстоянии, на деле не в состоянии правильно сообщить о том, что написано (в то же время мы в состоянии проверить написанное, прочитав страницу, находящуюся на расстоянии одного фута, когда наблюдательные сообщения многих людей согласуются друг с другом). Сходным образом, восприятия людей, находящихся под воздействием таких наркотиков, как ЛСД, справедливо во внимание не принимаются, поскольку считаются ненадежными (в силу тех наблюдений, которые были сделаны многими другими людьми, не находящимися под таким воздействием). Большинство случаев религиозного опыта выдерживают такую проверку. Эти опыты не случались под воздействием наркотиков или в условиях, относительно которых мы располагаем твердым свидетельством, что данный вид опыта является ненадежным.

Во-вторых, мы можем в каком-то конкретном случае располагать свидетельством, что вещи не таковы, какими кажутся. Я могу считать, что вижу человека, несущего свою голову под мышкой. Поскольку все мое знание о человеческих возможностях указывает на то, что люди не в состоянии делать это, я справедливо буду считать, что я подвержен галлюцинации. Таково фоновое свидетельство о том, как функционирует мир. Мы рассматривали его выше в данной главе при оценке утверждений о конкретных публичных событиях. Подобным образом следует оставить без внимания случаи кажущегося опыта Бога, если мы располагаем сильным позитивным свидетельством о том, что Бога нет. Я подчеркиваю слово «сильное». Если бы мы не могли доверять своим чувствам, когда они показывают нам то, во что обычно с известной долей вероятности мы имели основания не верить, то мы навсегда оставались бы пленниками своих первоначальных верований.

Если мое свидетельство говорит мне о том, что вы сегодня находитесь в Лондоне (к примеру, вы мне сказали вчера, что вы, вероятно, поедете в Лондон сегодня), а я затем отчетливо, как кажется, вижу вас в Оксфорде, я обязан верить своим чувствам, верить в то, что вы сегодня в Оксфорде, и потому обязан верить, что вы изменили свое намерение ехать в Лондон. Только если бы я видел, что вы сели в поезд и что поезд ушел, а затем услышал, как вы звоните мне из Вестминстера и Биг Бен бьет где-то рядом, тогда я был бы обязан сомневаться в своих чувствах, когда мне кажется, что я вижу вас в Оксфорде. Сходным образом обстоит дело с религиозным опытом: если у нас имеется сильное основание полагать, что Бога нет, то мы обязаны не принимать во внимание свой религиозный опыт как нечто галлюцинаторное. Но если другое свидетельство неоднозначно и говорит против существования Бога, хотя и не очень весомо, то тогда наш опыт (собственный или многих других людей) должен привести нас к выводу в пользу существования Бога.

В-третьих, может наличествовать свидетельство, что являющийся опыт не был вызван – непосредственно или опосредованно – предположительным объектом опыта. Если я вижу Джона одного в галерее в какое-то время, а затем указывается, что его брат-близнец был в галерее в это время, то очень вероятно, что лучи света, отражавшиеся от брата-близнеца, вызвали мой опыт, а Джон никак не причастен к появлению моего опыта. Поэтому, если бы мы могли показать, что в числе причин какого-то религиозного опыта не было Бога, это означало бы, что речь не идет о подлинном опыте Бога. Однако единственный способ показать это – показать, что Бога нет. Ведь если есть Бог, то он поддерживает все каузальные механизмы, которые производят все случаи нашего опыта. Возможно, какой-то религиозный опыт появляется, когда люди некоторое время соблюдают пост. Но это не указывает на то, что Бог не причастен к тому, что у некоторых из постящихся появился религиозный опыт. Ведь если Бог есть, то именно он делает так, что дисциплина поста вызывает такой опыт. Тот факт, что определенный процесс играет роль причины какого-то моего опыта, сам по себе не указывает ни на то, что опыт иллюзорен, ни на то, что это подлинный опыт. Лекарство, введенное мне в глаза, может побудить меня увидеть то, чего нет, или побудить открыть глаза на то, что есть. И если Бог есть, то благодаря ему действует дисциплина поста или что-то другое, что вызывает религиозный опыт.

Итак, резюмируя, скажем, что в случае с религиозным опытом, как и в случае со всяким прочим опытом, на скептике лежит бремя указать основание для того, чтобы не верить в то, что представляется реальностью. Единственный способ опровергнуть утверждения религиозного опыта – продемонстрировать *сильное* свидетельство того, что нет Бога. При отсутствии такого сильного свидетельства религиозный опыт становится еще одним значимым свидетельством того, что есть Бог.

Кто-то мог бы сказать, что только религиозные люди обладают религиозным опытом. Это не всегда так. Однако верно, что практически во всех случаях люди, обладающие религиозным опытом, – это те, у кого было какое-то предварительное знакомство с религиозной традицией. Для некоторых опыт – это средство, благодаря которому религиозная традиция вновь становится для них живой. Однако сказанное выше едва ли является возражением: маловероятно, что у нас будет опыт чего-либо, если мы не знаем это нечто. Лишь тот, кто знает, что такое телефон, может представлять видимое им как телефон. Мы можем узнать, что такое телефон либо если кто-то покажет нам его, и тогда мы сможем узнать следующей телефон, когда увидим его; либо если кто-то даст нам описание телефона, и тогда мы сможем узнать его, когда увидим его. С религиозным опытом (в нашем смысле, когда субъекту представляется, что его опыт есть опыт Бога) дело обстоит так, что мы узнаем, каким может быть религиозный опыт, благодаря религиозной традиции, дающей нам понимание того, каков Бог. В главе 1 было дано формальное описание того, каков Бог, а традиция с рассказами тех, кто предположительно испытал встречу с Богом, наполняет деталями такое формальное описание. Так мы начинаем понимать, каким был бы опыт Бога, если бы он у нас появился. И все, что от нас требуется, – это понимание, достаточное для того, чтобы узнать опыт, когда он появится. Ведь, возможно, мы не можем дать полного описания такого опыта заранее или после опыта. (Вспомним знаменитый рассказ о том, как человек не мог определить опыт Бога как таковой, пока ему не рассказали что-то о Боге – история отрока Самуила в храме (1 Цар: 3).

Описания некоторых современных случаев религиозного опыта можно найти в исследованиях «Центра изучения религиозного опыта», который теперь называется «Исследовательский центр Алистера Харди» (*Alister Hardy Research Centre*)¹³. Некоторые случаи религиозного опыта – это случаи, когда мы имеем религиозный опыт через какой-то другой чувственный опыт. Как я осознаю чье-либо присутствие, услышав голос, или осознаю, что дверь открылась, чувствуя сквозняк, – точно так же некоторые люди осознают присутствие Бога, слыша голос, испытывая странное чувство или просто видя ночное небо. Однако иногда восприятия вообще не включают какой-либо чувственный элемент (какие-то образования в визуальном поле, шумы, запахи и т. п.). Человек просто осознает что-то. Незрячий может осознать наличие мебели, хотя у него нет чувства, посредством которого он может сделать это; мы осознаем, направлена ли рука

¹³ См., например, книгу: Beardsmore T.A. (ed.). *Sense of Presence*, 1977. Обратите внимание, что многие случаи религиозного опыта, но не все, описанные в этом издании, являются религиозным опытом в том смысле, каким я его определил.

за нашей спиной вверх или вниз, хотя у нас нет «чувства», которое говорит нам это – мы просто знаем. По аналогии с этим некоторые случаи религиозного опыта таковы, что субъекту представляется присутствие Бога, несмотря на то, что нет какого-либо ощущения, которым опосредуется этот опыт.

При обычном восприятии, как правило, включающем ощущения (визуальные, слуховые и т. д.), мы не делаем заключения о видимом нами объекте на основании ощущений, которые сопровождают осознание присутствия объекта. Я узнаю свою дочь просто так, а не наблюдая какое-то цветовое образование в своем визуальном поле и рассуждая о том, что причиной его должна быть моя дочь. На деле я могу оказаться неспособным описать характерное цветовое образование в моем визуальном поле, когда я вижу ее. Сходным образом обстоит дело с опытом Бога. При этом опыте гораздо отчетливее осознается сам опыт, чем те ощущения, которыми он сопровождается.

Я считаю, что столь богатое и обильное свидетельство о появлении время от времени опыта Бога у миллионов и миллионов людей, должно приниматься – при отсутствии свидетельства против этого опыта (в том смысле, который был проанализирован) – как то, что решительным образом определяет общее, обсуждаемое здесь свидетельство как свидетельство в пользу существования Бога. При этом, однако, те, кто обладает религиозным опытом, согласны только в отношении того, что они в опыте осознают Бога. Некоторые люди утверждают, что их опыт дал им еще и дополнительное знание о природе Бога или что этот опыт указал им, что они должны делать.

Даже утверждение о том, что есть Бог, нуждается в определенной начальной вероятности (на основе свидетельства, которое анализировалось в предыдущих главах) для того, чтобы религиозный опыт воспринимался как нечто подлинное. Тем более нуждается в этом любое утверждение о том, каков Бог и о том, что он совершил. Тот, кто заявляет, что Бог велел ему совершить насилие, пребывает в заблуждении, потому что мы знаем из других источников, что насилие недопустимо, и поэтому Бог не мог повелеть ему совершить это насилие.

Вывод, сделанный в данной книге, состоит в том, что существование, упорядоченность, тонкое и сложное устройство мира; существование обладающих сознанием людей, у которых есть ниспосланные провидением возможности формировать себя, друг друга и мир; определенные исторические свидетельства о чудесах, происшедших в связи с человеческими потребностями и молитвами, особенно о чудесах, сопровождавших основание христианства; наконец, свидетельства об опыте присутствия Бога у миллионов людей, – все это в совокупности делает гораздо более вероятным то, что есть Бог, чем то, что его нет.

ЭПИЛОГ

ИТАК, ЧТО ЖЕ В РЕЗУЛЬТАТЕ?

Я приближаюсь к завершению данной книги с чувством некоторой неудовлетворенности. Я хорошо осознаю, что помимо тех возражений, которые я сам выдвинул и обсудил, возможны и другие возражения против почти всех моих утверждений. Некоторые из таких возражений известны уже много столетий. В качестве примера современной критики сошлось на книгу Дж. Мэки «Чудо теизма»¹⁴, отчасти направленной против одной моей крупной работы, на которой основывается данная короткая книга. Я также знаю те контрвозражения, которые, в свою очередь, могут быть выдвинуты против каждого возражения против моих воззрений. Я понимаю и то, что большинство утверждений, содержащихся в этой работе, нуждаются в уточнении и расширении.

Выдвижение аргументов и контраргументов, процесс уточнения и расширения могут продолжаться бесконечно. И проблемы религии не являются исключением в этом плане. Вообще в связи с любым предметом дискуссия может длиться сколь угодно долго. Всегда можно проводить эксперименты с целью проверить квантовую теорию, а прежние эксперименты могут получать новые интерпретации и т. д. Это же верно и применительно к интерпретациям истории и политическим теориям. Однако жизнь коротка, и мы должны действовать опираясь на то свидетельство, которое в итоге предстает как вероятно истинное на основе тех размышлений и исследований, что мы успели осуществить. На выборах мы обязаны голосовать, несмотря на то, что у нас не было времени оценить достоинства одного или двух положений политических программ даже основных кандидатов. Мы должны строить мосты и посылать ракеты в космос до того, как сможем рассмотреть все доводы за и против, связанные с безопасностью конструкции соответствующего аппарата. Не может быть и речи о том, чтобы при таком рассмотрении прийти к абсолютно достоверным выводам.

---

¹⁴ Mackie J. L. *The Miracle of Theism*, 1982.

Но ведь действовать мы должны и в сфере религии (допустив при этом, что когда-нибудь позднее мы сможем вновь вернуться к тем аргументам, которые некогда рассматривали).

Вывод, сделанный в данной книге: высока степень вероятности того, что есть Бог. Если мы принимаем такой вывод, то отсюда для нас вытекают определенные обязательства. Бог дал нам жизнь и все те блага, которые она содержит, включая, прежде всего, возможности формировать свой характер и помогать другим. Нам следует выразить Богу великую и глубокую благодарность. Мы должны проявить ее в поклонении и в содействии его целям. Это предполагает, в качестве первого шага, что мы должны предпринять усилия с тем, чтобы понять эти цели. Обязательства, о которых идет речь, достаточно ограниченны (как мы видели в главе 1), мы могли бы удовлетвориться умеренным поклонением и послушанием. Однако если у нас есть какое-то чувство и какой-то идеализм, то мы не можем остановиться на этом. Бог в своей совершенной доброте стремится сделать нас совершенными: сделать нас святыми и использовать нас для того, чтобы сделать святыми других (не ради себя самого, но ради нас и ради других). Бог стремится дать нам глубокое понимание себя самого (ведь он всеблагой источник всякого бытия), а также помочь нам во взаимодействии с собой. Все это требует нашей безграничной самоотдачи.

Бог уважает нас. Он не навязывает нам всех этих благ – мы вправе выбирать, стремиться нам к ним или нет. Если мы стремимся к ним, то на пути к их достижению сталкиваемся с очевидными трудностями (некоторые из них рассматривались в главе 6). Трудности необходимы отчасти для того, чтобы наша верность и отдача были подлинными. Вместе с тем у Бога есть весомое основание для того, чтобы в надлежащее время устранить эти трудности – допустить, чтобы мы стали такими хорошими людьми, какими мы стремимся стать, и дать нам видение самих себя, причем дать уже навсегда.

БИБЛЕЙСКО-БОГОСЛОВСКИЙ ИНСТИТУТ СВ. АПОСТОЛА АНДРЕЯ

сочетает в себе черты конфессионального и светского учебных заведений, ориентирован на мирян, открыт межконфессиональному диалогу и свободным дискуссиям. Помимо библейско-богословских предметов студенты ББИ изучают широкий спектр общегуманитарных дисциплин.

Сегодня ББИ — это:

- ♦ государственная аккредитация по направлению «теология»
- ♦ высшее гуманитарно-богословское образование по библеистике, христианской культуре, библейским языкам, богословию, философии, истории церкви, литургике и социальным дисциплинам
- ♦ второе высшее образование, индивидуальные программы для специалистов и повышение квалификации преподавателей и катехизаторов
- ♦ начальное и заочное богословское образование, публичные лекции
- ♦ летние богословские институты
- ♦ научные программы (семинары, конференции, исследовательские проекты)
- ♦ издательская деятельность (учебники, монографии, материалы конференций, журнал «Страницы» и альманах «Мир Библии»)

Издательская программа ББИ

Периодические издания

СТРАНИЦЫ: богословие, культура, образование.

Ежеквартальный журнал ББИ (издается с 1996 г.)

МИР БИБЛИИ, выпуски 1-10. *Иллюстрированный альманах*

Серия «Современная библеистика»

- ИИСУС И ЕВАНГЕЛИЯ. Словарь.
Под ред. Джоэля Грина, Скотта Макнайта, Говарда Маршалла.
- СЛОВАРЬ НОВОГО ЗАВЕТА. Том 2.
Под ред. Ральфа Мартина, Стенли Портера, Дэниэла Рэйда, Джеральда Хавторна, Крейга Эванса.
- ЭТИКА НОВОГО ЗАВЕТА. *Ричард Хейз.*
- ИИСУС И ПОБЕДА БОГА. *Н. Т. Райт.*

Формат 60×90/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл.-печ. л. 9,0.
Тираж 1000 экз. Заказ № 1394.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ОАО «Дом печати — ВЯТКА»
610033, г. Киров, ул. Московская, 122

«Есть ли Бог?» В современной массовой культуре распространено мнение, что бытие Бога нельзя подтвердить или опровергнуть рациональными средствами, а религиозная вера не является делом разума. Между тем в последние десятилетия на самом высоком интеллектуальном уровне среди ученых, философов, богословов и религиоведов возобновились дискуссии о существовании Бога. Философ и православный богослов Ричард Суинберн критически рассматривает современные взгляды на проблему существования Бога и представляет свою позитивную аргументацию в пользу бытия Бога.

«Бог вечен, всемогущ, всеведущ и совершенно свободен. Из этого следует, что Он вечен, бестелесен, вездесущ, творец и хранитель Вселенной, совершенно благ и является источником моральных обязательств.

Таков Бог, существование которого утверждают теисты (христиане, иудеи и мусульмане в числе прочих). Почему нам следует верить им? Для ответа на данный вопрос мы должны рассмотреть критерии, которыми пользуются ученые и другие люди при разработке своих теорий для объяснения причин того, что они наблюдают». Ричард Суинберн

ISBN 5-89647-153-X

9 785896 471530

Библейско-Богословский Институт
св. апостола Андрея